

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

K VOPROSI OB ARHEOLOGIJSKIH TZSI TEDOVANNAKH

GN 824 S65K2 v. 3

Stanford University Libraries

3 6105 211 436 402

OK
1L

КЪ ВОПРОСУ

ОБЪ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИХЪ ИСЛѢДОВАНІЯХЪ

ВЪ ЮЖНОЙ РОССІИ.

III.

АРХЕОЛОГІЯ.

А. А. Матвѣевъ.

ИЗДАНИЕ РАСПОРЯДИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА VI-го АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО СЪѢЗДА.

ОДЕССА.

тип. П. А. ЗЕЛЕНАГО, КРАСНЫЙ ПЕРЕУЛОКЪ, ДОМЪ № 3.

1884.

77/177

К вопросу об археологических
КЪ ВОПРОСУ *STANISLOVANSKI*
исследованияхъ

ОБЪ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИХЪ ИСЛѢДОВАНІЯХЪ

ВЪ ЮЖНОЙ РОССИИ.

III.

АРХЕОЛОГІЯ.

А. А. Матвѣевъ.

ИЗДАНИЕ РАСПОРЯДИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА VI-го АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО СЪѢЗДА.

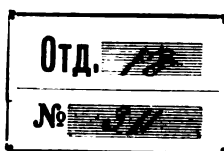
ОДЕССА.

ТИПОГРАФІЯ П. А. ЗЕЛЕНАГО, КРАСНЫЙ ПЕРЕУЛОКЪ, ДОМЪ № 3-й.

1884.

GN824.
S65 K2
V.3

Доволено цензурою. Одесса, 14-го августа 1884 года.

По поводу VI-го археологического съезда.

Къ вопросу объ изслѣдованіи «земляныхъ насыпей» южной Россіи¹⁾

Къ числу позднѣйшихъ по времени вещественныхъ слѣдовъ существованія архайчнаго челоѣка наука первобытныхъ древностей (иначе доисторическая археологія) относитъ еще особый отдѣлъ памятниковъ, которымъ въ зависимости отъ строительнаго матеріала и техники не будетъ ошибкой дать общее названіе «земляныхъ насыпей», но которые какъ по вышнему своему виду, такъ и по условіямъ своего генезиса и, вѣрнѣе, по цѣлямъ ихъ утилизаціи распадаются явно на двѣ серіи арханческихъ сооружений: I-ю могилъ-кургановъ и II-ю городищъ-валовъ.

¹⁾ Приступая въ скоромъ времени къ печатанію общей замѣтки нашей «къ вопросу объ антропологическихъ изысканіяхъ въ археологіи Новороссійскаго края», однимъ изъ параграфовъ которой долженствуетъ быть и вопросъ объ изслѣдованіяхъ кургановъ и городищъ, мы однако, въ виду наступившаго теплаго времени года, отвѣчающаго съ технической стороны изслѣдованіямъ «земляныхъ насыпей» края, а также въ виду незначительнаго запаса времени, предоставленнаго гг. изслѣдователямъ для археологическихъ эксплорацій въ интересахъ будущаго съезда, — сочли уместнымъ предложить вниманію желающихъ настоящую замѣтку инструктивнаго характера ранѣе другихъ.

А. М.—ст.

Не вдаваясь въ детальное изслѣдованіе психическихъ импульсовъ, побудившихъ первобытнаго дикаря сооружать подобныя памятники, т. е. не касаясь вопроса при какихъ условіяхъ и каковы были тѣ факты примитивнаго челоѣка, которые заставили его погребать отдѣльныхъ представителей своего вида или искать себѣ защиту въ искусственныхъ сооруженіяхъ²⁾, мы, на правахъ чисто инструктивныхъ задачъ нашей замѣтки, — ограничиваемся только констатированіемъ того факта, что большинство памятниковъ I-й серіи (т. е. кургановъ-могилъ) неоспоримо служили погребальнымъ цѣлямъ создавашаго ихъ населенія и только въ сравнительно болѣе позднюю эпоху, въ нѣкоторыхъ экземплярахъ своихъ, служатъ цѣлямъ социальныхъ инстинктовъ (мирныхъ, — какъ граничный знакъ, — или враждебныхъ, какъ средство самозащиты), представляя, такимъ образомъ, нѣкоторый переходъ ко

²⁾ Такъ какъ эти вопросы до сихъ поръ еще открыты, какъ въ самой наукѣ о первобытныхъ древностяхъ, такъ и въ другихъ ей близкихъ отдѣлахъ антропологіи («сравнительной психологіи народовъ» и т. п.). Подробности желающіе найдутъ между прочимъ въ монографіи *Clemente Royer. Les rites funéraires aux époques préhistoriques et leur origine* (въ *Rev. d'Anthr. V. Paris 1876*).

второй серии земляных насыпей,—къ городищамъ-валамъ. Последніе своимъ происхожденіемъ безспорно обязаны стратегическимъ соображеніямъ населенія. Этими двумя импульсами, религіознымъ и социальнымъ, хотя-бы и въ самыхъ примитивныхъ ихъ фазахъ, но общими всему человечеству, объясняется и повсемѣстное распространеніе могилъ-кургановъ и городищъ-валовъ на территоріяхъ, обитаемыхъ когда-либо человекомъ¹⁾; измѣняется лишь ихъ наружность и внутренняя структура въ зависимости отъ мѣстныхъ качествъ строительнаго матеріала или отъ мѣстныхъ особенностей и степени технической и моральной культуры самихъ зодчихъ.

Лишены конечно такихъ памятниковъ до известной степени тѣ страны, условія мѣстности которыхъ доставляли или даровое мѣсто-погребенія покойнику и естественную защиту живущимъ (— пещеры) или-же, обуславливая своей природой кочевую жизнь населенія, исключали тѣмъ самымъ необходимость устраивать искусственныя (долговременныя) убѣжища. Вотъ почему въ горныхъ странахъ мы рѣдко встрѣчаемъ насыпныя могилы курганы, въ странахъ-же степныхъ—городища. Только

¹⁾ Палласъ, Гюльденштедтъ, Гмелинъ, Клапротъ, Лепехинъ, Зуевъ, и друг. наши академики-путешественники прошлаго столѣтія встрѣчали ихъ за Волгой, въ при-уральскихъ укрainaхъ, степяхъ киргизскихъ, въ Прикавказь, Сибири; Джефферсонъ—въ Виргиніи, Альтватеръ—въ Огіо и у береговъ Онтарио, Спортманъ у Кафровъ, Джонъ Барровъ у Готентотовъ, сотни прежнихъ и новѣйшихъ путешественниковъ — въ передней и южной Азіи, Океаніи и въ др. мѣст. (см. Полн. собр. учен. путешествій по Россіи, изд. Им. Ак. Наукъ—7 т. 1818—25; *Recueil de Voyages et de memoir. de la Soc. de Geogr. de Paris*, напр. пут. Рубрукиса; многотомное *Histoire univers. des voyages* и т. п.

лишенные даровыхъ убѣжищъ территорій, природа которыхъ вмѣстѣ съ тѣмъ скорѣе всего вызвала жизнь острѣдую въ ихъ обитателяхъ, — въ равной степени обилуютъ сооруженіями и той и другой категоріи²⁾. Что касается въ этомъ отношеніи нашей части свѣта Европы, то она не представляетъ исключенія изъ общаго положенія, напротивъ, — болѣе чѣмъ гдѣ-либо, оправдывается на ней изреченіе Шафарика, что всякій народъ, вышедшій изъ состоянія животной дикости, оставляетъ на мѣстѣ своего пребыванія памятники, свидѣтельствующіе о немъ и его бытѣ, хотя-бы онъ и исчезъ совершенно. На ряду съ «пещерами», «каменными стоянками», «кухонными остатками», «свайными постройками», «долменами» и т. п. памятниками первобытной древности, разбросаны повсюду въ Европѣ погребальныя и фортификаціонныя сооруженія въ большей или меньшей численности, въ большей или меньшей сохранности; причемъ гористая юго-западная часть материка, обилующая пещерами долменами и другими горнаго матеріала сооруженіями, несравненно бѣднѣ курганами и городищами сравнительно съ восточной ея половиной; львиная доля изъ послѣдней приходится на наше отечество. Дѣйствительно обширная территорія на всемъ пространствѣ отъ Балтики, Одеръ, Карпатъ и до Урала, отъ Сѣвернаго океана до Чернаго, Каспія и Кавказа,—принадлежитъ къ странамъ, богатѣйшимъ могильными и вообще земляными памятниками такъ называемой «доисторической» (вѣрнѣе «дописьменной») эпохи³⁾. Обиліе таковыхъ слѣдовъ вымер-

¹⁾ Конечно, гдѣ культурная дѣятельность современнаго обитателя не повліяла на ихъ исчезновеніе въ извѣстныхъ мѣстностяхъ.

²⁾ По запискамъ Мочульскаго, находящимся (къ сожалѣнію пока не изданными) въ порт-

шихъ поколѣній просто поразительно. Нѣтъ почти такого населеннаго пункта на этомъ стотысячномъ въ квадратныхъ миляхъ пространствѣ, которое не было-бы окружено насыпями или не покоилось-бы на гробахъ глубокой старины. Излишне, конечно, было-бы доказать все количественное и качественное богатство въ археологическомъ смыслѣ этого непрерывнаго некрополя сотни племенъ и народностей, этого пантеона стѣдой старины, такъ сказать, сокрытаго пока предъ взорами науки музея древности. Понятно, что всѣ экземпляры нашихъ и заграничныхъ древнехранилищъ въ этомъ

Феляхъ антроп. отд. москов. общ. любителей естествознанія, — для однихъ лишь губерній Харьковской, Екатериновской, Херсонской и Земли В. Донскаго можно найти указанія мѣстностей по крайней мѣрѣ на 5000 кургановъ. Цифра эта, конечно, представляетъ лишь минимальную дозу земляныхъ насыпей въ Восточ. Европѣ, особенно если вспомнить о курганныхъ богатствахъ перечисленныхъ еще въ этомъ отношеніи областей: Бессарабіи, Крыма, Степнаго Поволжья и Прикавказья, съ придаткомъ средней и сѣверной полосы Россіи (преимущ. богатыхъ городищами) до предѣловъ самой Архангельской губерніи; границами ея, по изслѣд. г. Ефименки (труд. I арх. съѣз. т. I стр. 188) оканчив. болѣе или мѣнѣе богатая область кургановъ. Только что вышедшіе въ свѣтъ «Матеріалы для археологіи Россіи по губерніямъ и уѣздамъ» Н. Горюжанскаго, вып. I. (земл. насыпи Тульской, Курской, Орловской, Пензенской, Тамбовской и С.-Петербур. губерній—Москва 1884 года) даютъ для первыхъ шести губерній въ итогѣ 2688 кургановъ и 312 городищъ; на одну Петерб. губ. приходится 1604 «могилы» и 22 городища, хотя по свѣд., представл. на 3 и 4 арх. съѣздахъ, тамъ ихъ несравненно больше. Конечно эти цифры ниже дѣйствительности. Слѣдуетъ-ли упускать изъ виду сосѣднія намъ Литву, Привислянью, Галицію и древне-славянскія территоріи современныхъ Австріи и Пруссіи!

случаѣ—не болѣе какъ скудныя отрывочныя строчки изъ великой книги о протекшихъ тысячелѣтіяхъ нашихъ предковъ,—книги доселѣ еще наукой не начертанной. Сравненіе наше далеко не ипербола: исторія европейской археологіи не стѣсняясь можетъ заявить, что все чѣмъ владѣетъ наша наука въ своихъ собраніяхъ всего только жалкіе обломки, подачки случайныхъ, единичныхъ, болѣею частью дилетанскихъ находокъ. Едва-ли добрый десятокъ лѣтъ, какъ *кой-идь* въ Россіи единичныя предпріятія на этомъ полѣ стали осуществляться согласно требованіямъ археологической и антропологической наукъ. Отсюда понятно, что чуть не девять десятыхъ прежде собраннаго матеріала, пусть количественно, на первый взглядъ онъ и не малъ, въ сущности лишены научной цѣнности. Сколько-же гибнетъ слѣдовъ старины и погбло ужъ подъ вліяніями зачастую чуждыхъ научнымъ стремленіямъ факторовъ современной жизни. Впрочемъ надѣяться мы вправѣ, что не все ужъ утеряно для науки, таясь сокрытымъ въ глуши тѣхъ окраинъ, куда не столь энергично проникъ дѣйтель времени человѣкъ. Въ этомъ отношеніи сравнительно съ Западомъ рѣдко населенная Россія, особенно ея окраины—къ нимъ-же отнесемъ нашу степную Югъ—Новороссію, по преимуществу, представляетъ почти непахотое поле для археологической эксплуатаціи въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ, обещающее, безъ сомнѣнія, воскресить не одинъ фактъ, дать не одно указаніе, чаемое современной наукой. Дѣйствительно, принадлежа по времени своего происхожденія въ большинствѣ случаевъ къ эпохѣ, которую мѣстные памятники письменности не захватываютъ, земляныя насыпи, наравнѣ съ перечисленными нами ранѣ вещественными остатками древности человѣка, служатъ источникомъ, изъ котораго почерпаются

данныя о жизни ихъ зодчаго; это слѣды его «безгласной» жизни, по каковымъ мы должны изучать вѣковыя проявленія строителя; въ нихъ почилъ современное прошлое духовной и общественной жизни угасшихъ народностей, непостижимое нами изъ другихъ источниковъ; въ нихъ сокрытъ единственный матеріалъ для воссозданія картины быта примитивнаго общества, возможной хотя-бы въ тѣхъ скромныхъ рамкахъ, какія дать можетъ отдаленному потомству гробъ предка, со всѣмъ его содержимымъ (для уразумѣнія вѣрованій и матеріальной обстановки) или—городнище, валъ (для опредѣленія общественныхъ и международныхъ, особливо территориальныхъ, отношеній). Изученіе въ то же время анатомическихъ особенностей погребеннаго индивидуума (краниометрическія и иныя скелетныя измѣренія) — незамѣнимый матеріалъ для установки антропологическихъ (этническихъ) истинъ, — освѣщающихъ факты послѣдующей исторической эпохи *).

Изученіе земляныхъ насыпей имѣетъ въ антропологій и историко-соціальной наукѣ еще ту преимущественную (въ сравненіи съ другими памятниками) научную цѣнность, что изслѣдуемый предметъ, въ большинствѣ случаевъ, принадлежитъ къ временамъ переходной эпохи отъ исхода почти примитивной, обозначаемой антропологическимъ терминомъ «зоологической» стадіи культуры доисторической, владѣющей уже письменными слѣдами. Извѣстно, что по установленному археологич. наукой хронологическому дѣленію первобытной культуры (на два періода: каменный двухъ эпохъ — палеолитической и неолитической, и металлическій — вѣка

бронзы и желѣза) на долю земляныхъ насыпей выпадаетъ среднее время, проходящее со ступени полированного камня, черезъ бронзу къ желѣзу, отъ охотничаго быта черезъ кочевой—къ организаціи земледѣльчески-осѣдлыхъ семей и общинъ, простѣйшихъ государственныхъ формъ племенъ-пращуровъ современныхъ европейскихъ народностей (въ ихъ числѣ и славяноруссовъ), наконецъ — въ ихъ мобилизаціяхъ отъ травяныхъ плоскогорій и степей Азіи до лѣсныхъ и рѣчныхъ равнинъ средней и восточной Европы. Но чтобы затрогивать вопросы о древности подлежащихъ изслѣдованію народовъ и края, должно изучать его памятники изъ самыхъ же памятниковъ и для этого необходимо проникать въ нѣдра этихъ вѣковыхъ сооружений, которыя не возникли-же случайно, но составляютъ труды рукъ человѣческихъ, труды, предпринятые въ извѣстное время, при извѣстныхъ условіяхъ и для извѣстнаго назначенія. Современная наука не упустила этого изъ виду: научная цѣнность разсматриваемыхъ нами остатковъ древности въ настоящее время признана ею безапелляціонно. Еще полъ-вѣка тому назадъ Риттеръ ¹⁾ весьма подробно указалъ историческое значеніе земляныхъ насыпей, хотя не безъ увлеченій господствовавшимъ въ его время въ наукѣ общѣ искусствѣ символизмомъ. Съ тѣхъ поръ, въ теченіи 60 лѣтъ, археологія и антропологія, какъ въ изысканіяхъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и въ трудахъ болѣе и болѣе развивающейся въ Европѣ коллективной науки (международныхъ и національных временныхъ конгрессовъ и постоянныхъ ученыхъ обществъ), представили болѣе чѣмъ убѣдительные доводы несомнѣннаго значенія для науки трактуемаго нами пред-

*) Акад. Бэръ «Историческіе вопросы, рѣшаемые натуралистами». (Зап. од. общ. ист. и древн. т. X 511 ст. Г. Караулова).

¹⁾ «Vorhalle europaeischer Völkergeschichten». (Berlin 1820).

мета и привели къ сознанию необходимости систематической ихъ студии, предсказывая недалекое блестящее будущее наукъ о человѣкѣ, основанной на точныхъ и сведенныхъ въ извѣстную систему истинахъ. Весьма смутныя для нашего сознания первыя страницы исторіи человечества вообще, и нашей родины въ частности, найдутъ въ нихъ истинные свѣтъ и колоритъ, юная-же пока антропология и лишь намѣченная только современными умами социология откроютъ тутъ стадіи развитія человеческого организма, встрѣтятъ интер. факты общественной статистики и динамики. Въ виду всего сказаннаго нами, болѣе чѣмъ прискорбно оставаться пассивнымъ зрителемъ по истинѣ «лежащихъ подъ спудомъ» научныхъ богатствъ, предоставляя ихъ на волю судьбы; скажемъ рѣзче, равнодушіе просвѣщеннаго индивидуума въ этомъ случаѣ—почти явно непростительно, какъ квіетическое отречение отъ сознательнаго отношенія къ завѣщанному вѣками прошлому, а съ тѣмъ и къ истинному уразумѣнію и современнаго и будущаго. Между тѣмъ, неумолимое время въ союзѣ съ неменѣ суровымъ человѣкомъ всякій день вычеркиваетъ безслѣдно цифру за цифрой изъ возможнаго въ будущемъ капитала знанія, одна только скромная наука протягиваетъ свой скудный плащъ, чтобы уберечь на пользу потомству непризнанное толпою достояніе. Нравственный долгъ велитъ намъ въ этомъ случаѣ не проходить молчаніемъ подобное явленіе, напротивъ, предписываетъ призвать на помощь наукъ культурныя силы общества. Предстоящій археологическій съѣздъ, имѣя прямой задачей своей изслѣдованіе и опеку надъ всякимъ дорогимъ наукъ дѣтищемъ человеческой культуры прошлаго, не можетъ не порадоваться, встрѣчая содѣйствіе въ осуществленіи своихъ научныхъ стремленій

въ средѣ ревнителей науки почтенныхъ согражданъ края. Если дѣтски-наивная въ чертахъ своихъ страсть къ мгновенному обогащенію влечетъ нерѣдко, какъ мы знаемъ, къ болѣзненному и бесплодному рытью кладовъ по буграмъ и кладбищамъ нашего отечества, то было-бы дерзкой смѣлостью отрицать возможность проявленія въ нашемъ обществѣ, въ свою очередь, разумнаго и сознательно-направленнаго рвенія въ средѣ хотя-бы и немногихъ лицъ, могущихъ открыть дѣйствительный кладъ съ точки зрѣнія науки. Этимъ-то безкорыстнымъ труженикамъ науки, искателямъ кладовъ въ благороднѣйшемъ смыслѣ слова, смѣемъ предложить нѣкоторыя теоретическія и практическія замѣчанія, равно специальную инструкцію для изслѣдованія кургановъ и городищъ южной Россіи, въ той надеждѣ, что отъ нихъ получится раньше или позже рѣшеніе затронуемыхъ, но сбивчивыхъ и доселѣ открытыхъ въ наукѣ вопросовъ,—раскрытіе неизвѣстной и давно потонувшей въ пучинѣ времени старины.

Замѣчанія наши касательно эксплораціи земляныхъ насыпей глав. образ. заключаются будутъ въ попыткѣ (сознаемся—смѣлой на первый разъ) намѣтить среди лабиринта насыпныхъ памятниковъ отъ разн. вѣковъ и народностей нѣкоторую путеводную нить, которая могла-бы стать пригодной лицамъ, посвятившимъ себя труду на этомъ полѣ. Вызвана попытка эта крайней необходимостью. Въ научныхъ работахъ (кто этого не знаетъ!), задачи и методъ которыхъ пока еще смутны и не установлены,—зачастую обиліе сыраго матеріала является, пожалуй, болѣе томительнымъ, нежели количественная въ немъ скудость. Въ настоящемъ случаѣ это l'embarras de richesses тѣмъ скорѣе не по силамъ изслѣдователя, что и съ качественной стороны научная цѣнность этого обилія далеко не велика (по крайней мѣрѣ) въ

томъ его видѣ, въ какомъ онъ предстоитъ очамъ науки: матеріалъ въ цѣломъ еще не подготовленъ къ работѣ, хотя-бы ужъ въ той первичной обдѣлкѣ, какая требуется мастеромъ отъ всякаго «сырья».

Дѣло въ томъ, что литература о земляныхъ насыпяхъ Россіи, на первый взглядъ не скудная количественно, въ сущности (за исключ. немногихъ изданій) не обилуетъ высокопробными достоинствами—разъ, по не научнымъ приемамъ извлеченія самаго матеріала, изслѣдованнаго зачастую или подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ предвзятыхъ теорій (Ходаковский, Срезневскій ¹⁾) или просто по неумѣлости,—безъ научной строгости въ самой техникѣ эксплораціи,—во вторыхъ, по разрозненности и несведенности въ извѣстную систему самаго добытаго матеріала, по случайности и территоріальной единичности, такъ сказать, открытыхъ фактовъ. Последнее об-

стоятельство воспрепятствовало, конечно, довести имѣющіеся данныя до степени обобщенныхъ положительныхъ истинъ ²⁾.

²⁾ Неудобство пользованія литератур. источниками по вопросу о землян. насыпяхъ Россіи заключается глав. образ. въ разбросанности ихъ или по разн. періодич. изданіямъ до Губернск. и Епарх. вѣдомостей и Трудовъ статист. комитетовъ включительно, — или же по издан. спеціал. археологическимъ б.—м. въ публик. рѣдкимъ. Только надняхъ въ упом. ужъ нами трудѣ Н. Горюжанскій положилъ начало систематич. своду литературы и списковъ земляныхъ насыпей по губерн. и уѣздамъ Россіи (пока только для 7 губ. Вѣл.короссіи). Въ интересахъ (мѣстныхъ) одесск. сѣзда дѣлаемъ и мы попытку предложить списокъ извѣст. намъ литературы о землян. насыпяхъ Литвы, Зап. Руси, Украины и преим. Новороссіи, — конечно далеко не полный, за невозможностью имѣть подъ рукой мног. провинц. изданія:

¹⁾ Зоріанъ Долуга Ходаковский: — планъ его путеш. (Сынъ От. 1820 № 33—40) и донесеніе о успѣхъ. его (Сборн. М. О. И. Д. VII). Пути сообщ. въ древ. Рос. (ib. I к. 1). Словарь, показ. одинакія урочища въ цѣл. простран. славянъ (ib. VII 42—367) «сопки» (могилы) «жальники» (кладбища; ib. 368—; 376—) и др. его замѣч. (ib. Т. III.) и въ «*Slowianszczyznie przed chrzesc.*» (Krak. 1835) etc. II. Срезневскій. Архитек. храмовъ языч. слав. (чт. М. О. И. Д. г. II 1846—7, III). О городищ. въ землѣ слав. (Зап. Од. Об. И. Д. II) тоже «о языч. богослуж. слав.» (Спб. 1848; от. III-й о городищ.) тоже «святѣл. и обряды языч. богослуж. др. слав.» (Харьк. 1846) и др.—Не чужды нѣкотор. увлеченій и почт. археологъ нашъ проф. Д. Я. Самоковцовъ, особл. въ вопросѣ о городищахъ, см. Исторію рус. права в. 1 (187—; 252) древн. города Россіи (ст. 112 и др.) Древ. земл. насыпи и ихъ значеніе (2 ст. «Древ. и Нов. Рос.» 1876 т. I 262—; 342) Отч. о изслѣд. город. и кург. за 1872—77 г. и др. ниже привед. труды, безспорно первенствующие въ современ. рус. курганографіи.

1) Общія: Кеппенъ списокъ кургановъ (Сѣв. Пчела 1837, № 1, 2, 3) *его-же* Ueber Tumuli (Bull. de l'Ac. 1836. I.) Боричевскій Изв. о древ. памят., наход. въ вѣдомствѣ Гл. Упр. Пут. Сообщ. (Изв. арх. общ. т. III в. 4) — по губерн.; Kohn и Mehlis Materialien zur Vorgeschichte Europa etc (2 т. Iena 1879; о городищ. кн. 2 гл. II) Аристовъ и Майков. «пред. о кладахъ» (Зап. Геогр. О. этн. Отд. т. I 1867) Бѣляевъ Свѣдѣнія о курганахъ Россіи (кратко. Изв. И. О. люб. ест. Тр. Антр. От. к. 2 в. 1. Моск. 1876) Котляревскій О погребал. обычаяхъ славянъ (Моск. 1868) I. I. Kraszewski Sztuka u Slowian, szczegół. w Polsce i Litwie (Wil. 1860); въ труд. I-го, III-го и протоколахъ V-го арх. сѣздовъ) након. подъ соотвѣтств. рубриками въ матер. д. Арх. Словаря (Древности Моск. Арх. Об. т. II) и др.

2) Мѣстные. Вильминскій. «Арх. поиски въ Литвѣ (пам. рус. арх. общ. въ С.-Пб. т. II). Свѣд. о землян. памят. Витеб. губ. (Витеб. Губ. Вѣд. 1864 г. № 28 и 29). Говорскій. Арх. раз. въ окр. Полоцка ib. 1863 г. № 11, 12; Вѣст. Ю.-З. Рос. 1863 г. Ав. 122—140), *его-*

Отсюда классификація земляных насильей по времени и народностям на основаніи ихъ *содержимого* и столь важныхъ для эксплоратора *внѣшнихъ признаковъ* до сихъ поръ не установлена;—представляетъ она доселѣ нѣсколько болѣе менѣе вѣскихъ соображеній, пригодныхъ скорѣе для извѣстныхъ только мѣстностей или моментовъ. При единичности фактовъ (притомъ не повсемѣстно разыскиваемыхъ) разнообразіе въ типахъ какъ погребальнаго обряда, такъ и стратегическихъ сооружений, служитъ ближайшей тому причиной.

Предлагаемая здѣсь скорѣе ориентировка, чѣмъ классификація не болѣе какъ

ж о могил. въ Бѣлоруссіи (пам. им. арх. общ. въ С.-Пб. т. V «Ольгердова дорога») *Сементовскій* зам. д. арх. (Вит. Губ. Вѣд. 1863 г. № 44) *Ею-же* Пам. старины Витеб. губ. (Спб. 1867) *Ипатьевъ* О пам. древ. Мин. губ. (антр. выст. въ Моск. т. 3 ч. I в. 2,221—3) *Ею-же* Опис. др. Минск. у. (въ Мин. Г. Вѣд. конце 70-хъ г-въ), также ст. *A. Szimowski'а* о древн. пинскаго полѣсья (*Wiadom. archeol. ч. III изд. Zawisz'eй*); о *budach* (*Bibl. Warsz 1871 II*); *T. Narbutt Hist. Litwy* (о могил. въ т. I 364 и д.); о Литовс. могил. кам. эпохи у *Dubois de Montperoux Des tumulus, des forts et des remparts de la Russie occidentale* (въ *Annuaire de voyages изд. Lacroix etc. Paris 1845 (154—93) 1846 (39—55)*); о кург. и мог. Лит. и Лит. Рус. въ *Athenaeum изд. Kraszewskiego, Szereg nowy (Wilno 1848 zes. V)*, *Konst. hr. Tysskiewicz* О курх. на Litwie i Rusi zachod. (Berl. 1868) также въ изв. Спб. арх. общ. (1858. 3 тетр.) *ею-же* о кург. въ Лит. и З. Руси (Вил. 1865) и *Wiadom. histor. o zamkach W 1859, ею-же* о раскоп. кург. Минск. губ. (тр. антр. от. общ. люб. ест. зн. 2 в. I), *Eust. hr. Tysskiewicz Rzut oka na zródła archeol. krajowej, opis. zabytk. starozyt., odkr. w zach. gub. cesar. ross. (Wil. 1842) ею-же* *Badania archeologiczne (1850) Kierkor Litwa i Rus (Opiek. domow. 1875)*. О кург. въ Лит. и Зап. Рос. (Вил. Вѣст. 1864 № 112—117); сводъ археол. матеріала о Лит.

попытка съ нѣкот. долей эклектизма воспользоваться положит. данными изъ наблюденій нѣкоторыхъ нашихъ археологовъ, причеиъ всегда долгоиъ нашимъ считать будемъ благодарить за совѣты въ этомъ дѣлѣ почтеннаго наставника нашего проф. В. Б. Антоновича. Положительныя стороны настоящей классификаціи: нѣкоторая простота въ системѣ и *полная откровенность* въ немалочисленныхъ *случаяхъ неведѣнія* съ нашей стороны,—недостатки, напротивъ, слишкомъ очевидны, чтобы заслуживали быть приведенными въ въ этомъ мѣстѣ; достаточно ужъ, что въ числѣ первыхъ между ними фигурируютъ

въ находится након. у *J. Kraszewskiego Sztuka i Slowian* Литер. литов. древностей указ. м. пр. у *A. Матяева* къ вопросу о арх. изслѣдов. въ южн. Рос. I. Этнографія. Одесса 1884. Желательно бы знать, издали-ли п гдѣ рукописи виленскаго археолога К. И. Шмидта, почти полъ-вѣка занимавш. курганографіей сѣв.-зап. края (см. реф. Головацкаго въ тр. I арх. сѣзда с. 151)? *Липовскій*. Кург. и валы въ Киев. губ. (Зап. одес. об. ист. и др. т. I) *Lippoman Zastanowienie sig. nad mogilami, pustemi siedliskami etc. (Wilno 1832)*. «Древности» изд. врем. арх. ком. при кiev. генер.-губер. (Кіевъ 1845—6, 3 тетради; опис. и рис. кург. Перепахтихи, на листѣ 3-мъ въ менш. маш. въ «Украинѣ» М. Грабовскаго XVI) *Фундуклей*. Обзор. могилъ, вал. и город. Киев. губ. Кіевъ 1848. Въ виленск. *Athenaeum'ъ* за 1848 г. статьи *Zienkiewicza* и *Ostaszewskiego* (объ украинс. городищ.). *M. Grabowski Ukraina dawna i terazniejsza* (т. I Kijów 1850). *Мурп. Евгений* Описаніе кievо-печерск. лавры. Кіевъ 1841 (стр. 167 и др.) *Закревскій* лѣтоп. и опис. г. Кіева (М. 1858) тоже (2 т. М., 1868) *Волошинскій* кievскіе курганы (изд. И. О. люб. ест. т. XX. Тр. антр. отд. кн. 2, в. 1 Москва 1876) В. Б. *Антоновичъ* Замѣт. о раскоп. курган. Кіев., Волинск., Полтав. губ. (антр. выст. въ Моск. т. 2 в. 3-й 120) и о кiev. раскоп. кладбищъ. (ib т. 2 в. 3-й 145). *Богдановъ* О могил. скифо-сармат.

незаконный пока догматизмъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и не менѣе крупный пробѣлъ: опорой для предлагаемой систематики земляныхъ насыпей служатъ археологич. данныя, извлеченныя почти исключительно изъ территоріи Украины и Зап. Руси, а не изъ преимущественно для насъ важной въ данный часъ Новороссіи. Первая черта—вызвана инструктивнымъ характеромъ замѣтки нашей, всегда ведущимъ къ догматизаціи въ дѣлѣ всякаго рода замѣчаній,—второе обстоятельство вытекаетъ изъ опасеній съ нашей стороны сдѣлать болѣе, чѣмъ возможные промахи, говоря о краѣ, сравнительно мало намъ знакомомъ. И то и другое, надѣмся, въ свое время будетъ смягчено или кассировано дальнѣйшими изысканіями и открытіями въ археологіи для чего и должны послужить *спеціальныя инструкціи*, и безусловно необходи-

мая *археологическая карта Россіи* (земляныхъ ея насыпей въ особенности); безъ начертанія этой послѣдней ни одно всеобъемлющее око ученаго не въ состояніи рѣшить загадочный смыслъ всѣхъ памятниковъ древности, особливо кургановъ нашего отечества. Дотолъ всякая попытка подобная нашей будетъ извинительной лишь подлѣ условіемъ узкихъ дидактическихъ задачъ, приличныхъ всякой инструкціи. Этими лишь скромными цѣлями мотивируемъ мы появленіе нижеслѣдующихъ строкъ.

1. Серія земляныхъ насыпей — могилы-курганы, смотря по странѣ, назначенію, особенностямъ конструкціи или, наконецъ, народн. преданіямъ объ ихъ происхожденіи, носятъ различныя названія: у древн. грековъ *χωμα-ῥῥων*, hermaeon; у римлянъ—*tumulus*, *Mercurii acervus* (acerosus); у арабовъ — *menhel* (гробница, холмъ, опредѣ-

эпохи Полт. губ. и о краниологіи скиновъ *ib* т. 3 ч. I в. 3-й. 263—79) *Ело-же* Древ. киевляне по ихъ череп. и могил. (*ib* 305—319) *Самоквасовъ* Веществ. памят. древностей въ Малорос. (*ib* в. 4. 338—61.) *Ело-же* Сообщ. о раскоп. въ Черниг. губ. (*ib* т. 2 в. 4. 180—95 и 243—4) *Ело-же* курганъ «Черная могила» въ Черниговѣ (тр. антр. отд. об. люб. ест. кн. 2 в. 1-й). *Ело-же* статьи о сѣверян. могил. (Черниг., Курск., Смолен., Киев. губ. Нашъ Вѣст. 1877 № 51) и друг. сообщ. въ труд. 3-го арх. съѣзда и моск. антр. выст. *Кульжисинскій* Двѣ могилы (Черниг. Лист. 1862 № 11). В. Б. *Антоновича* Зміевы валы въ предѣлахъ Киевской Земли (изъ Киевск. Стар. 1883) *Пассекъ* Кург. и город. Харьков. Валковского и Полтав. уѣзд. (Рус. Ист. Сборн. III) *Ело-же* Опис. кург. въ Изюмск., Полтав. и Харьков. уѣзд. (Сбор. М. О. И. Д. I кн. 3) *Савельевъ* Изв. о кург. губ. Харьков. (Петерб., Нижегород. и т. д.—въ изв. И. Арх. Общ. т. I). *Зашира* Разрытый курганъ Зміев. уѣз. (Од. Вѣстн. 1861 № 112) *Леваковский* О лѣсныхъ кург. Харьк. губ. (антр. выст. т. 3 ч. I в. 2. 136) *Морозовъ* Объ остат. жилья древ.

обитат. Харьк. губ. (*ib* 145, 150, 168) *Бл-левъ* свѣд. о кург. въ Рос. (м. проч. Харьк., Екатер. и Таврической губ.; Тр. антропол. от. общества любителей ест. кн. 2 вып. 1). *Терещенко*, О скин. могил. (Ж. М. Н. П. 1853 июль). Гробн. скин. царя (Архит. Вѣст. 1859 № 5). Bericht. üb. Seythen u. Hellen. Gräber (Отч. Арх. Ком. 1859—61 и Sitz. d. Kúrl. Gesel. f. Lit. etc. 1850—63 с. 177) *Фабръ* О памят. нѣк. народ. варвар. древ. обит. въ Новорос. (Зап. одес. общ. ист. и др. т. II). *Спасскій* О сходствѣ кург. юж. Рос. съ сибир. (*ib* т. III). *Подберезскій* О кург. обрядовыхъ юж. Рос. (*ib* т. VII). *Забѣлинъ* Древ. Скиѣи въ ея мог. (въ его Ист. рус. жизни ч. I Моск. 1876), *Ело-же* Скин. мог. (изд. Моск. Арх. Об. I). *Murall* Die Skythisch. Königsgräb. (St-Pét. Zeit. 1864. № 92), *Ело-же* Скин. древн. Эрмитажа (Пам. изв. Рус. Арх. об. въ С.-Пб. т. V). *Керцелли* Объ ист.-геогр. изыск.—В. *Мочульскаго* о кург. и камен. бабахъ юж. Рос. (Изв. Об. Люб. Ест. т. XX, Тр. Антр. Отд. к. 2, в. 1, М. 1876). *Зацукъ* Остатки истор. древ. Бессарабіи (укрѣп.) (Бес. Обл. Вѣд. 1861. № 48). *Олофсонъ* Прим. кург. Бендер. у. (Зап.

ленное мѣсто въ пустынѣ), kerkoing (путеводныя вучи камней), равно видѣн. нами у сирійскихъ бедуиновъ ridjm (меморатив. скопления камней); въ Германіи—Hünen-gräber (гунскія могилы или Hünenberge, H—stätten, H—tritte, H—kirchhöfe) или же Riesengräber (могилы исполиновъ); датское — Jettenstubei и литовское — milzuniū karai имѣють то-же значеніе; въ Англіи — barrow (слож. изъ камней — saigns, gals-gals), Ирландіи—terpen, Шотландіи—mont-moth, Швеціи—Attehogar, Франціи (Бретани)—gals-gals, malle, butte, Сѣверн. Америкѣ—mounds и др. Вошедшее въ нѣкоторыя слав. нарѣчія слово «курганъ» безспорно тюркскаго происхожденія (татарскія кур—гора, хане—домъ). Собственное общеславянское—«могила», не смотря на попытки Кеппена приписать ему генезисъ въ арабскомъ (согласно Golius'у «men-

hel»), скорѣе имѣеть исходъ (какъ думаетъ Vösel, см. въ примѣч.) въ арійскомъ корнѣ moh, откуда греческ. μέγας, славянское могутный, могучій: «могила», такъ образ., есть насыпь могутная, великая, возвышенная. Что касается Россіи, то не столько разнообразіе въ наружномъ видѣ и размѣрахъ (иногда высотой не болѣе $\frac{1}{2}$ арш., зато при случаѣ—и до 5 саж.), сколько извѣстное территориальное положеніе ввело въ словарь языка—«курганъ» для степныхъ татаризированныхъ южныхъ и юго-восточныхъ окраинъ Россіи, «могилу»—для старославянскихъ околищъ искони земледѣльской полосы (у поляковъ болѣе въ употребл. «коріесъ», отъ общеслав. копать), «мару»—въ среднемъ (мордовскомъ) и отчасти южномъ Поволжьи, «сопку» — для славянизированнаго сѣвера, «яму»—для сѣверовостока и сѣвера финскаго и т. п.

Въ прежнее время ради простѣйшей

Од. Об. И. и Д. т. II). Ф. Бруна Слѣды лагерь (Карла XII) у с. Варницъ воз. Бендеръ (ib.); Шмита Особенности кург. Херс. губ. (ib. т. IV); Бублиевъ Укрѣпл. въ г. Александрія и его уѣз. (ib. т. II). Вертельскъ Опис. Бѣлозерск. городка (ib. т. IV). Чирковъ Кр. очер. город. при Днѣпрѣ и его лиманъ (ib. т. VI). А. Г. Зам. арх. откр. въ Екатер. г. (Голосъ 1864, № 327 и приб. Хар. Губ. Вѣд. 1864 № 122). Герцъ Арх. наход. при работ. Ростов. дороги (изд. Моск. Арх. Об. т. II). Шегелевъ О нѣк. городк. и кург. Днѣпров. у. (Зап. Од. Об. Ист. и Др. т. I). М. Бухтъевъ Александропольскій курганъ (ib. т. III). Подберезскій Геркул. столбы на Днѣпрѣ (ib. т. VI). Каралинъ Запорож. городища (ib. т. IX), еяже опис. Хортицы (ib.). Беренистамъ днев. раскоп. на Хортицѣ въ іюлѣ 1878 (Антр. выст. въ Моск. т. 3, в. I. 23). Забѣлинъ Обз. скиф. кург. Чертомлыка (ib. т. 2, в. I. 95). Онах. у Бахмута (ib. в. IV 225—). О кург. Рост. у. (ib. в. I, прилож. 23). Ю. О важ. археол. извл. на Дону (Д. Войск. Вѣд. 1860. № 2). Борислякъ О арх. откр. въ Новочерк. (ib. 1864. № 33 и 34: Совр. Лѣт. 1864, № 27). Росницъ-

кій Зам. о кург. при—Хоперскихъ (Изв. Имп. Арх. Об. т. V в. 2); архм. Амфилохій нах. древ. на Дону (изд. Моск. Арх. Об.). Керцелли О кург. у Новочерк. (Антр. выст. т. I 182; т. II в. 5, 274); еяже О кург. и бабахъ донскихъ (ib. т. II в. 4. 164). Крыловъ о раск. въ Новочерк. (ib. 240 также 249); еяже древ. у Новочерк. (ib. в. 5, 328). Поповъ Свѣд. о древн. памят. въ З. В. Донск. (Тр. I арх. съѣзд. т. I, 166). Kurze Übersicht d. in d. Jahr 1842—44 an d. Nordseit d. Asofsc. Meeres geöffn. Tumuli (Bull. de l'Ac. de Scien. de St.-Pét. II. Hist.-phil.). Кеппенъ Крымскій сборникъ (Спб. 1837). Фабръ Достоп. древности Крыма (Од. 1859). Струковъ О доистор. памят. Тавриды (Антр. выст. т. 3 ч. I в. 2. 193); ея же О кург. и пещерахъ въ Крыму (реф. въ засѣд. Моск. антр. общ.). Шенитъ Арх. роз. въ Θεοδοσία (Арх. Вѣст.). Шегелевъ Ровъ и валъ въ Перекопѣ (Зап. общ. вст. и древн. т. I). Шмаковъ пирамиды изъ глины у Акимечот. бухты (ib.). Подберезскій Киммерійск. памяти. (ib. т. VIII). Корейша Разрыт. кург. у Керчи (ib. т. I. Мурзакевичъ Мелекъ-Чесмес. мог. въ Керчи (ib. т. VIII);

классификаціи признавали за «курганомъ» понятіе о насыпи, великой размѣрами, крышевидной, имѣющей въ основаніи овалъ или иную удлиненную геометрич. фигуру, подъ терминомъ-же «могила» разумѣли насыпь сравнительно небольшую, конусовидную или куполообразную, вообще построенную на плоскости круга; однако, тутъ же (особливо въ Украйнѣ и Новороссіи) народная терминологія ставитъ совершенно обратныя нормы или, вѣрнѣе сказать, игнорируетъ ихъ, смѣшивая безразлично и термины и эти признаки. Последніе, оче-

Безкровный древ. валь и шоссе у Керчи (ib. т. IX). П. и А. *Дюбруксы* Опис. разв. и слѣд. древ. городовъ на европ. стор. Веспора Киммер. (ib. т. IV). Общ. арх. роз. и древ. Керчи—рядъ замѣт. въ «Полиц. Лист.» Керчь-Евпак. градонач. 1861, № 37, 1862, № 23, 39 и 41, 1863—№ 2 и 3, 1864, № 44. Керч. древн. (Иллюстр. Лист. 1862 г. № 13); *Жиль* Керчь и Тамань (Спб. Вѣд. № 36 и Изв. И. Арх. Об. т. II. в. 1). *Муральте* Хронол. обзор. мог. Босф. Киммер. (Пам. тогоже об. т. 2), также *Aperçue chronologique des tombeaux etc. du Bosph. Cim.* (Mem. de la soc. Imp. d'arch. p. de Köhne v. IV). *De-Bruxe* Antiquités du Bosph. Cim. conserv. au Mus. Im. de l'Ermitage (Спб. 1854—г^о 2 т.). *Герцъ* Погребал. обряды грековъ и скивовъ Босф. Ким. (Тр. Этн. От. общ. люб. ест. т. I, или Сборникъ антр. и этногр. статей о Россіи etc. изд. Дашкова к. 1, М. 1868). *Früsch* D. Ausgrab. v. Kertsch (Zeitschr. f. Ethn. т. VII, 1875, стр. 149). *Беккеръ* Керчь и Тамань въ Прописл. Леонтьева т. III). О керчен. катакомб. (Вѣст. Евр. 1876, июль, также *Стасова* изслѣд. въ Изв. И. Арх. Об. 1878 (?). *Лазаревскій* кург. Таман. полу—ва (ib. т. II в. 1). *Герцъ* арх. топогр. Таман. п—ова (изв. Моск. арх. об. т. II). *Тизенгаузенъ* раскоп. на Таман. п—въ (ib.). Матер. къ истор. раскоп. въ Тамани (Древности моск. арх. об. 1875—6, ч. VI). *A. Kohn* Ub. d. Zustand d. Kurgane auf d. Tamau. Halbins. (Zeits. f. Ethn. т. VIII 1876). *Фелицынъ* О древ. въ Кубан. обл. (Антропол.

видно, крайне неопредѣленные ужъ по существу самихъ понятій о величинѣ и наружности (весьма разнообразныхъ и неумовимо переходныхъ), тѣмъ болѣе шатки, что въ теченіи времени и человѣкъ, и природа сглаживаютъ ихъ дифференціи «на нѣтъ»; вотъ почему добыть свѣдѣнія о древности памятника съ помощью наружныхъ признаковъ подавно невозможно. Въ виду этого, а главнымъ образомъ на основаніи вѣскихъ данныхъ, изъ тѣхъ же могилъ добытыхъ (скелетахъ и реаліяхъ), свидѣтельствующихъ о принадлежности а-

выст. т. 2, в. 5, 329, 357). *Чернявскій* О курганахъ окрест. Анапы (ib. в. 4, 203). О кург. Новороссіи и Кавказа встрѣч. данныя у *Dubois de Montpereux* Voyage autour du Caucase (планъ Куль-Обск. мог.), въ *Dográtz. Jahrbüch.* т. V (раскоп. пастора Цвиля), въ проток. Моск. антр. выст. (т. I, 278. Отч. *Керцелли*;—т. 3, ч. 1 в. 4, 419—*Богданова* о черепахъ изъ кург. Кавк.), также проток. подгот. комит. V тѣлѣис. съѣзда Моск 1879 (*Записка Чернявскаго, дневники кург. экспед. 1880 г. Цилоссами, Т. Бьялемкаго* и отлич. особ. обстоят. А. А. *Руссова* и проф. В. Б. *Антоновича*, могущ. служить образцемъ веденія раскопокъ). Дальнѣйшія указанія на земляныя насыпи Новороссіи найдутся: у *Кеплена* Древности сѣв. бер. Понтя (Моск. 1826 иѣмец. перев. Wien 1828), Древн. геродотов. Скиевъ etc. 2 в. съ атлас, Спб. 1866—72 и въ извѣст. трудахъ по эллино-скивскому міру юга Россіи (Спасскаго, Ашика, гр. Уварова, Григорьева, Кене, Стемпковскаго, Дюбрукса, Бларамберга, Стефани, Тизенгаузена, Забѣлина, Стасова), въ отчет. Императ. археол. комисіи 1859—79, Зап. од. об. ист. и др. 1814—83 (см. указатель статей въ XIII т. Одес. 1883), изд. Петерб. арх. общ. и Московскаго, бюллетеніяхъ Импер. акад. наукъ, наконецъ въ изд. мѣстн. статист. комитетовъ, Губ. и Епарх. Вѣдомостяхъ etc., въ сочиненіяхъ о камен. бабахъ, котор. приведемъ въ своемъ мѣстѣ. Наконецъ въ Изв. Имп. общ. люб. естест. въ антр. отд. и въ особ. изданіи его «Антропол.

тихъ сооруженій разнымъ эпохамъ и народностямъ, слѣдуетъ отодвинуть съ перваго плана всякую классификацію по внѣшнимъ признакамъ, а въ основаніе ея принять установленное археологіей ученіе о трехъ упомянутыхъ ужъ нами раньше культурныхъ стадіяхъ архаической жизни чловѣка, — «вѣкахъ» *каменномъ, бронзовомъ и желѣзномъ*, проще — времени дометалловъ и металлическомъ. Наружные признаки, т. е. та или другая внѣшность памятника, останутся, такимъ образомъ, только въ роли дополнительныхъ примѣчаній, не лишенныхъ, конечно, известнаго значенія, — особливо для предпринимающаго раскопку лица, — указывая положительно или отрицательно на возможность вещественныхъ въ могилахъ находокъ^{*)}.

Дальнѣйшее изученіе этихъ послѣднихъ, все болѣе и болѣе обогащаемое новѣйши-

Выставка» 3 т. (много част. и выпуск.). Цѣн. замѣч. встрѣчаемъ у праж. путешествен.: Рубруквиса (изд. у *Bergeron'a Voyage en Asie* Н. 1735; 2 из.: *Rec. des Voyages. etc.*) и др. средневѣк.; о нихъ см. «Средневѣк. путеш. посѣщ. Россію etc.» (изъ *Länder u. Völkerkunde in Biograph. v. Dr. Külb.* пер. Шемакина М. 1865), *Аделунга* крит. литер. обзор. путеш. по Рос. до 1700 г. пер. *Клеванова* (2 ч. М. 1864); также — въ путеш. Спб. акад. XVIII в. (см. полн. собр. учен. путеш. по Рос. изд. Имп. акад. наукъ 7 т. 1818—25; путеш. по Крыму и зам. о Тамани Палласа, въ зап. од. общ. ист. и др. т. X, XII, XIII; дневникъ Гильденштедта — *ibid.* т. XI). Литер. археол. Кавказа см. у *Міансарова Bibliographia Caucasica et Transcaucasica* и въ проток. подгот. комит. V арх. съѣзда (Моск. 1879). Популярное изложеніе доисторическ. древностей Россіи у: *Гатищука* *Старина земли русской* (изв. 1, 1866 г. 2 изд. Моск. 1874 и *Полеванова* *Оч. Рус. Ист. въ памяти. быта* (в. 1-й 1879. Спб.) и др.

^{*)} Последнее качество, впрочемъ, далеко не представляетъ исключительной привилегіи наружнаго вида кургановъ; раздѣлить ее съ

ми открытіями, надѣмся, усанкціонируетъ со временемъ это основное въ классификаціи кургановъ дѣленіе, которое принимаемъ и мы въ скромныхъ лишь цѣляхъ опредѣленія пока только взаимнаго послѣдованія эпохъ, исключая на первый разъ всякую претензію на преждевременную демаркацію въ этомъ случаѣ какихъ-либо хронологическихъ датъ или этнографическихъ раіоновъ.

Древнѣйшіе, доселѣ найденные слѣды въ Западной Европѣ погребальнаго обычая, какъ извѣстно, относятся къ каменному вѣку и локализируются въ, такъ наз., *сухихъ пещерахъ*. Число находокъ безспорной утилизациі пещеръ для погребенія однако еще столь незначительно въ наукѣ, что нѣкоторые ученые, не рѣшаясь отнести пещерный обрядъ къ древнѣйшей порѣ каменнаго вѣка, называемый обыкнов. палеолитической (старокаменной), отводятъ его къ болѣе поздней неолитической (новокаменной). Что касается въ этомъ случаѣ Россіи и почти большей части равниннаго востока Европы, то (за исключеніемъ еще проблематическихъ въ этомъ случаѣ пещеръ Кавказа, Крыма и Карпатовъ), мы не помнимъ указаній, вообще, на какую-либо пещеру съ слѣдами погребенія какой-бы то ни было поры каменнаго вѣка^{*)}. Отсутствіе на преобладающемъ пространствѣ этой территоріи естественныхъ пещеръ вызвало необходимость въ искусственныхъ усыпальницахъ, — въ сооруженіи могилъ. Древнѣйшій типъ ихъ, вѣроятно, тотъ, какой находитъ себѣ всего больше аналогіи въ натуральной пещерѣ, —

нимъ вправѣ еще и нѣкоторые другіе (какъ увидимъ ниже) признаки, хотя бы наприм. *топографическія отношенія* самихъ памятниковъ.

^{*)} Г-ль А. С. *Уварова* *Археологія Россіи* т. I *Каменный вѣкъ* (Москва 1881).

это искусственно сложенные изъ огромныхъ камней гроты ¹⁾. Отсутствие камня, какъ матеріала, или сравнительный въ немъ недостатокъ, зависѣвшіе или отъ геологическихъ условій мѣстности или отъ увеличенія съ теченіемъ времени народонаселенія (слѣдов. и случаевъ смертности), были причиной или послѣдовательныхъ видоизмѣненій искусственной пещеры: 1) въ каменную насыпь съ погребальной камерой, позже только лишь одинъ каменный гробъ, до полного исчезновенія его съ поверхности земной подъ покровъ природной почвы и замѣны каменной камеры глиняною (горшокъ) и деревянной (срубомъ)—или 2) замѣны натуральной пещеры только насыпнымъ землянымъ курганомъ безъ камеры съ простымъ на или въ почвѣ погребальнымъ ложемъ, или даже въ болѣе раннюю пору погребеніемъ покойника въ почвѣ безъ всякаго искусственнаго надъ нимъ всхолмленія ²⁾. Если принять во вниманіе громадный періодъ времени, ушедшій на дописанное время человеческой культуры, въ томъ числѣ особливо на «каменный вѣкъ» и многочисленность отсюда разнотипныхъ стадій, какъ туземцевъ, такъ и приливавшихъ въ Европу изъ Азіи новыхъ народностей, приносившихъ съ собой и новые своеобразные погребальные ритуалы (напр., сожженіе, похороны и

т. п.), то станетъ ясною причина великаго разнообразія въ формахъ погребальныхъ сооружений, то разнѣющихся, какъ по мѣсту и по времени (равно, конечно, и по неяснымъ еще для науки народностямъ), то, напротивъ, сходныхъ, какъ-бы скрещенныхъ или генетически связанныхъ въ постепенной эволюціи формъ. Разнообразіе это однако, до извѣстной степени въроятно, можетъ предстать намъ въ слѣдующихъ *двухъ типахъ*, проходящихъ чрезъ всѣ погреб. сооруженія всѣхъ эпохъ доисторической культуры восточно-европейскаго населенія, именно: *могильная насыпь* (каменная или земляная) *съ камерой* (cist, cella, роль которой можетъ играть и горшокъ) и *могильная насыпь безъ камеры*.

А. Могила каменнаго вѣка.

1-й типъ (т. е. могилы съ камерой) встрѣчается прежде всего въ видѣ *каменной могилы (гробовища)* ³⁾. Это сооруженіе изъ грубыхъ, необработанныхъ камней холмы, кругловатыя (въ Скандинавіи Steendysser), овально продолговатыя (Lang-

¹⁾ «Κρηίδες» античной Греціи, согласно Павзанію, существовали уже въ эпоху сказаній троянскаго цикла. У скандинаво-германскихъ народовъ «Steendysser» (каменные). Хотя онѣ нѣкотор. учеными и причисляются къ погребальнымъ памятникамъ серіи tumulus'овъ, но въ тѣсномъ значеніи «земляной насыпи» понимаемы быть не могутъ. Здѣсь мы ихъ разсматриваемъ однако необходимо, какъ всякое погребальное сооруженіе курганнаго характера, принимая терминъ «tumulus», «могила», «курганъ» въ самомъ широкомъ значеніи всякой насыпи, тѣмъ болѣе, что право гражданства за ними въ курганогравіи безспорно, ужъ по очевидной генетической ихъ связи (разительному сходству внутренней конструкции) съ «мегалитадами» (открытыми и закрытыми долменами—крытыми галлерейми) Запад. Европы, съ одной стороны, и строго «земляными насыпями» (какъ увидимъ ниже) — съ другой

¹⁾ Получившіе отсюда (Μέγα — большой, λίθος — камень) названіе въ наукѣ мегалитическихъ памятниковъ (о нихъ говоримъ мы особо). Заканчивая собою вѣкъ доленовъ и другихъ каменныхъ сооружений переходной (отъ старокаменной къ новокаменной) эпохи, они, вѣсть съ тѣмъ, какъ-бы связываютъ пещерное время съ курганнымъ, являясь древнѣйшими представителями погребальныхъ сооружений,—прототипомъ кургановъ.

²⁾ Уваровъ Археол. Рос. т. I. (Волосов. и Фатьянов. стоянки стр. 302—11, 382—94).

dysser) и большіе круглые (Runddysser), вышностью напоминающіе конусъ, стого-видную копну или иныя куполообразныя формы. Величина различна: высота 1—2½ и сверхъ трехъ метровъ, при діаметръ въ основаніи 2-хъ, 3-хъ и до 8-ми метр.; продолговатыя 30—60 (иногда 100—120) локтей въ длину, при 15—20 (обыкн. не болѣе) локтяхъ ширины. Направленіе не всегда одно и то-же, чаще однако отъ востока къ западу; случаются совпаденія и съ меридіаномъ (полуденной линіей, т. е. отъ сѣвера къ югу). Вообще постоянства въ ориентировкѣ не констатируется (быть можетъ лишена она религіозно-обрядоваго значенія). Какъ одинъ изъ вышнихъ признаковъ *иногда* окружаютъ такую могилу одинъ или нѣсколько цикловъ (или оваловъ) изъ камней *). Въ среднѣ или у края насыпи подъ могилой находится погребальная камера, которую ради грубой вышности называемъ «гробовищемъ», изъ нѣсколькихъ каменныхъ глыбъ, покрытыхъ почти на уровнѣ окружающей подошву холма земной поверхности большой плтообразной глыбой, формирующей собою какъ-бы сводъ гробовища. Соответствен-

но величинѣ послѣдняго плта бываетъ 15—20 локтей вышныи. При глубинѣ такимъ образомъ 0,60—0,80 мет., гробовище представляетъ погребенію пространство въ 1—1½ мет. длины при 0,50—0,80 мет. или не много болѣе ширины (въ круглыхъ 2½—3½ локтей въ діаметръ). Дно гробовища устлано мелкими камнями (напр., кремнями, нерѣдко пережженными). Фигурой такія камеры разнообразны: круглыя, квадратныя, продолговатыя, овалы и т. п. въ большинствѣ случаевъ геометрически неправильныя (криволинейныя, ломаныя), въ зависимости отъ безыскусственной природы матеріала. Въ топографическомъ отношеніи каменные могилы — гробовища встрѣчаются расположенными двояко: группами и особнякомъ; въ первомъ случаѣ иногда въ количествѣ нѣсколькихъ десятковъ, на вершинахъ взгорій, вообще на возвышенной позиціи, занимая нерѣдко пространство въ нѣсколько десятинъ и образуя какъ-бы нѣкоторое сомѣнутое цѣлое; рѣже раскинуты въ протяженномъ направленіи. Въ территоріальномъ отношеніи *) каменные могилы преобладаютъ въ Прибалтійской Европѣ, особливо Даніи, въ Прус-

*) Въ Литвѣ—Жмуди, Остзейск. краѣ (Ашероде, Зельбургъ и друг.), Твери (см. *Θ. И. Глинка* «Мои замѣт. о признакахъ древн. быта и камней», найден. въ Тверской Корелии, Рус. Ист. Сбор. I, также «Исслѣд.» Попова т. III 312; *Плетневъ* «Опис. кургановъ и городищъ Тверск. губ.» — черта сродства этихъ памятниковъ съ долменами, а отсюда вѣроятное указаніе на ихъ преимущественную древность. Въ Пруссіи на вершинахъ такихъ могилъ сложены иногда изъ мелкихъ камней цѣлыя фигуры (напр. лучистыя звѣзды и т. п.). Въ Алжирѣ, бассейнѣ Миссисипи и проч., вообще, и сами земляныя насыпи имѣютъ не рѣдко формы, изображ. змѣй, человека и т. п. Ихъ называютъ въ наукѣ «символическими памятниками».

*) Перечислять мѣста находенія конечно не въ задачахъ нашей инструктивной статьи. Жѣлаемое со всеми деталями интересующійся найдетъ въ трудахъ весьма ужъ значительной литературы по курганогравіи западно-славянской территоріи, напр. *D-r Reusch De tumulis et urnis sepulchralibus in Prussia dissertatio* (Regiomonti 1724) также свѣдѣнія у *Hartknoch'a* въ его «Dissertationes» (XIII) и въ друг. трудахъ нѣмецкихъ археологовъ прошлаго и настоящаго столѣтія: *Thunmann'a*, *Wogen* и. *Masch'a*, *Anton'a*, *Voigt'a*, *Gebhardt*, *Mone*, *Koch-Sternfeld'a*, *Tzschirner'a*, *Zeuss'a*, *Kannegiesser'a*, *Boll'a*, *Klemm'a* и др.; особенно важны *H. C. v. Minutoli Topographische Uebersicht d. Ausgrab. in d. Küstenlând. d. baltisch. Meers* (Berl. 1843) его же *Ueber einige im hoh.*

сім, бывшихъ польскихъ провинціяхъ лѣваго и праваго берега Вислы (въ сѣвер-

Nord. unser. europäisch Festlandes aufgefunden griech., römisch u. morgenländ. Kunstprodukte (ib 1842), *L. v. Ledebur* Ub. d. in balt. Länd. in d. Erde gefund. Zeugnisse ein. Handelsverkehrs m. d. Orient (ib 1840), *K. Lewezow* Ub. d. im. Grossherzog. Posen gefund. uraltgriech. Münzen (ib. 1834); *D r H. Dewitz* Alterthumsfunde in W. Preussen (въ ж. Neue W-Preus. Mittheil. 1876 M. April), *J. Sadowski* Drogi handlowe greckie i rzymskie przez porzecza Odry, Wisły, Dniepra i Niemna (въ Pamięt. Wydz. hist. filoz. Krak. Akad. umiej. III. 1876; изм. пер. А. Kohn'a (Iena 1877), еро-же Wykaz zabyt. przedhistor. na ziem. polsk. (Krak. 1877—8), еро-же Sprawozdania z Kongres. archeolog. w Peszcie (ib 1877) *D-r Berendt* Zwei Gräberfelder in Natangen (въ ж. Schrift. d. Physik. Ökon. Gesel. z Königsberg 1873 1 Abth.) *H. Dewitz* Ein. Alterthumsfunde in Ostpreus. (ib 2 Abth.) *W. Hensche* Einiges z. Kenntn. d. Todtenbestatt. b. d. heidn. Preussen (ib 1861, 2 Abth.) *H. Feldmanowski* Die Ausgrab. v. Pawlowice (Pozn. 1877) *Ziemiecki* Kamienna karta dziejów (въ ж. Dwutygod. naukowy. Krak. 1878 № 1 и слѣд.) *G. Ossowski* O pomnikach przedhist. Prus królewskich (оттискъ изъ Roczn. Tow. Nauk w Toruniu; Toruń 1878) еро-же Porzecz Wieżycy... i Wisły pod Względ. arch. (Krak. 1880) (оттискъ изъ «Zbioru Wiadom. do Antropolog. Krajo-wej. т. IV. Dz. 1); еро-же Sprawozd. z badań archeol. w Prusach w r. 1878 (ib т. III), еро-же Zabytki przedhist. ziem polskich (въ изд. Krak. Akad. Н сер. I) еро-же Wiadom. o narządziach kamien. etc. w grobach kam. w Prusach i W. K. Poznansk. и др. труды этого почтен. польск. археолога; *D-r Schule* Budowle i usypaliska Sławian pogańsk. (въ Roczn. tow. przyjac. nauk. Pozn. 1863) *M. Sokołowski* Ruiny na ostrowie jeziora Lednicy. Studium nad budownictw. w przedchrzesc. Polsce (въ Pam. Akad. Um. w Krak.) *J Lepkowski* o tradyciach narodowych; znacz. mogił; podania o mogił. Krakusa, Wandy i Smoka etc (Krak. 1861; XX прилож. къ газ. «Czas») *P. Sobiesz-*

ныхъ приморскихъ окраинахъ преимуще-ственно группами, въ южныхъ — скорѣе

czanski Opis mogiły Wandy. Wiadom. o odkop. mogiły w Siedliszowicach (Bibl. Warsz. 1860. zes. 6). *Zegota Pauli* Starozyt. Galicyjskie (Lwów 1838). *Я. Головацкий* объ изслѣдов. памят. рус. стар. въ Галиціи и Буковинѣ (тр. I арх. съѣз. т. 1-й 218). *А. Kirkor* Pokucie pod względ. archeol. (Krak. 1876) еро-же статьи: въ Rozpr. i Sprawozd. Krak. Akad. Um. wydz. hist. fil. за разные годы, въ «Kłosach» (Хотя-бы въ № 622) и др. напр. O grobach kamiennych na Podolu galicyjskiem, также «Badania archeolog.» (Krak. 1876) статья *Юперниукаю* и другихъ въ сборн. «Mater. do antropologii krajowej» (т. I и далѣе Krak. 1877), статья *г. Лоская* и друг. въ извѣстн. сборникѣ издав. *Zawisza* «Wiadomosci archeologiczne» 3 в. (Warsz. 1873 и д.), *Самоквасовъ* объ антроп. и арх. матер. эпохи языч. въ Ц—въ Польск. (Антр. Выст. т. 3, ч. I в. 2 ст. 175); спеціальн. главы въ сочиненіяхъ общаго характера: *I. I. Krasszewski* Sztuka u slowian szczegól. w Polsce i Litwie przedchrzesc. (Wil. 1860); *Al. Kohn* u *O. Mehliu*, Mater. z. Vorgesichte des Menschen im östlich. Europa etc. (2 ч. Iena 1879); статьи въ мѣстныхъ жур-налахъ и научныхъ изданіяхъ напр.: Jahrb. d. Vereins f. meklenb. Gesch. u. Alterth. (статья напр. *Lisch'a*); Baltis. Studien, herausg. v. d. Gesel. f. pommer. Gesch. u. Alt.; Arch. d. heenneb. Alterthumsvereins (изд. Kumpel'a); изд. Динемъ и *Schröter* о мѣстн. древн. мекленб. музея «Frederico Franciscum» (Leipz. 1837); Schrift. d. Physik. okonom. Gesel. zu Königsb. (ст. *Berendt'a*); Neue W. Preus. Mittheil; Schrift. d. naturforsch. Gesel. in Danzig (статья д-ра *Lissauer'a*, еро-же въ Correspondenz Blatt. d. deutsch. anthrop. Gesel. и въ Sitzungsbericht. d. anthrop. Verein zu Danzig, тутъ же и статьи *D-r Marschal'a*); Zeitschr. d. hist. Vereins f. d. Reg.-Bez. Ma-rienwerder (статья *Hirschfeld'a*); Königsb. Hart. Zeitung; Posener Zeitung; Gazecie To-runskiej; Pamięt. towarz. przyjac. nauk w Poznaniu; Gazecie Warszawskiej; Бреславск. период. изд. Schlesien vorzeit in Bild. u.

особинокъ, вообще густы въ поморья и рѣдки въ глубинѣ материка), встрѣчаются въ Силезіи, Чехіи, Моравіи, Польшѣ,

Schrift; въ разн. журн. и газетахъ Чехіи-Галиціи Австро-Венгрии и Польши (въ послѣдней, благодаря почтен. трудамъ мѣстныхъ арх.—въ, гг. Завиши, Приборовскаго, Павинскаго, Глогера, Скимборовича, Зелинскаго, Чарнецкаго, Ставискаго, Подчашинаскаго, Оссовскаго и др. занятія мѣстной археологіей терпятъ характеръ прежней случайности и представляютъ научное направление). Но самый драгоцен. матеріалъ заключается въ Arch. f. Anthropologie и въ Zeitschr. f. Ethnologie: въ послѣдней кромѣ множ. статей извѣстн. нѣмцк. антропологовъ и археологовъ мы на простр. I—X тома (1869—78 гг.) встрѣчаемъ цѣлыхъ 45 статей антропологич. и археолог. содержанія, принадлежащихъ перу будущаго гостя нашего съѣзда знаменит. *Рудольфа Вирхова*, относящихся, почти исключ., къ древностямъ западной славянской территоріи каменнаго, бронзоваго и желѣзнаго вѣковъ (въ рус. интер. единств., каж., перев. его статьи въ «Загр. Вѣс.» 1865. № 9, о древн. могилахъ etc.). Слѣдуетъ упомянуть для Чехіи и австр. земель *I. Vocel'я Pravek zeme ceske* (2 ч. 1866—8; рус. перев. Задерацкаго «Древ. бытов. ист. слав. и чеховъ въ особ.», Кіевъ, 1875, только 2-я ч.); *его-же Grundzüge d. böhm. Alterthumsk.* (3 ч. 1845); *F. Tschiska Kunst u. Alterth. in d. österreich. Kaiserstaate* (Wien 1836), *Verhandl. d. Gesel. d. vaterland. Museums in Böhmen* (Prag. 1830). *Dr. Much* Germ. Wohnsitze u. Baudenkmäler in Niederösterreich. Для *прибалтійск. провинцій Россіи* см. Mittheil. aus d. Gebiete d. Gesch. Liv.—Esth. u. Kurlands, herausg. v. d. Gesel. f. Gesch. u. Alterth. d. rus. Ostseeprovinz. (Riga u. Leipz 1837 и сл.). *F. Kruse Russische Alterthümer* (Dorpat u. Leipz. 1844 и сл.); *его-же Necrolivonica od. Gesch. u. Alterth. Liv., Esth u. Kurlands etc.* gefund. auf ein arch. Untersuchungsreise etc. (Leipz. 1859); *I. K. Bähr Die Gräber der Liven etc.* (Dresd. 1850); *Be-richt ub. d. aufgefund. heidnisch. Grabstätten in Kurland etc.* (Sitz. berich. d. Kurl. Gesel.

Литвъ-Жмуди¹⁰⁾, Остзейскомъ краѣ (такъ наз. Gräber unter Steinquadraten), рѣже въ Галиціи, Волини¹¹⁾, Украинѣ¹²⁾, неизвѣстны намъ лично въ лѣвобережной Малороссіи и въ Великороссіи¹³⁾. Главная

f. Lit. u. Kunst. aus d. jahr 1850—63); *Rud. Virchow Archeolog. Reise nach Livland, его-же Üb. livländ. Schädel* (объ въ Zeits. f. Ethn. т. IX и X (1877—8); *Sievers Feuersteingeräthe im Livland* (ib. т. VI 1874), *Grevingk Das steinalter der ostseeprovinzen etc.* (Dorpat 1865). Для сравненія: *I. E. Aspelin Antiquités du Nord finno-ougrien* (Helsingfors 1877), извѣстн. труды Ворсо, напр. *Съверныя древн. королев. муз. въ Копенгагенѣ* (Спб. 1861) и др. Много отдѣльныхъ замѣтокъ и статей находится въ Memoires de la société royale des antiquaries du Nord (Copenhagen съ. 1836 г. и дал.) и въ Antiquarisk Tidskrift, udgivet af det Kongelige nordiske Oldskrift-Selskab. (Kiøbenhavn 1849—51, 1852) и въ друг. трудахъ, указаніе которыхъ читатель встрѣтитъ въ изготавляемомъ къ пред. археолог. съѣзду трудѣ «къ вопросу объ антропологическихъ изысканіяхъ въ археологич. Новорос. края.

¹⁰⁾ См. *Dubois de Montpereux Des tumulus etc de la Russie occidentale*, а также у *Красшевскаго Sztuka u Słowian* (стр. 25) и друг. приведен. выше въ литературѣ западно-русской курганогравіи.

¹¹⁾ Kraszowski.

¹²⁾ *Lippoman Zastanow. nad mogil. etc.* (стр. 7 и 12). *Самоквасовъ* (антроп. выст. т. 3 ч. I в. 4); найдены у М. Коростышева и С. Гнильца (Радомысльск. уѣзда); относительно послѣдняго мнѣнія расходятся: Крашевскій причисляетъ памятники къ бронзовой эпохѣ, Самоквасовъ—къ каменному вѣку.

¹³⁾ О существованіи ихъ въ Слободской Украинѣ и Новороссіи тоже свидѣній мы лично не имѣемъ. Кажется здѣсь они не встрѣчаются вовсе. Въ степяхъ черноморскихъ ихъ представителями по родству въ типѣ являются «скифскія могилы», о которыхъ, какъ принадлежащихъ въ больш. случаевъ металлическому времени, скажемъ въ своемъ мѣстѣ.

черта *древнѣйшихъ* гробовищъ каменнаго вѣка—отсутствіе всякихъ слѣдовъ трупосоженія. Костяки или лежатъ съ вытянутыми вдоль тѣла руками или сидятъ согбенными, при атрибутахъ дикаря «каменной культуры»: каменные молоты, топоры, долота, стрѣлы и сосуды—горшки (неяснаго, б. м., жертвеннаго назначенія), наполненные землею. Въ гробовищахъ каменныхъ могилъ *позднѣйшей* поры встрѣчаемъ вмѣстѣ костяка глиняныя урны, размѣрами огромныя, по вѣщности грубой, примитивной, неусовершенствованной работы. Внутри ихъ между костями (въ болѣе позднюю пору полусожженными, съ золой и съ пескомъ) находимъ грубо вырѣзанные изъ *кости* или изготовленные изъ обожженной *глины* бусы, при полномъ отсутствіи металловъ. Возлѣ урнъ встрѣчаемъ въ такихъ, сравнительно позднихъ, гробовищахъ иногда кости—зубы животныхъ (собакъ, лошадей, свиней). Всѣ эти остатки слишкомъ отдаленной эпохи, чтобы возможно было точно опредѣлить по времени конецъ, а тѣмъ болѣе начало ея, затерявшіеся въ глубинѣ тысячелѣтій. Однако хронологическія даты ихъ древности для восточной Европы (конечно, съ значительнымъ разнообразіемъ, смотря по мѣсту) отчасти могутъ быть поставлены приблизительно на пространствѣ времени отъ нѣсколькихъ тысячелѣтій до Р. Хр. и до X вѣка предъ началомъ той-же эры¹⁴⁾.

Намѣченный нами *общій* видъ съ теченіемъ времени выдѣлилъ изъ себя нѣкоторыя разновидности. Недостатокъ по геологическимъ условіямъ мѣстности въ камен-

номъ матеріалѣ вызвалъ I-ю *разновидность* каменной насыпи: это все съ тѣмъ-же каменнымъ гробовищемъ холмъ, но ужъ *земляной* насыпи, и лишь снаружи только, отъ подошвы до верху (а позже лишь у основанія) обложенной камнями. Преимущественное мѣсто нахожденія такихъ могилъ — въ странахъ, удаленныхъ отъ горъ (Литва, Украина, степное Приднѣпровье), усиливаютъ вѣроятность такого предположенія. Увеличеніе народонаселенія съ другой стороны не могло, быть можетъ, не стать причиной появленія и II-й *разновидности*, имено, такъ назыв., «семейныхъ могилъ» (вѣрнѣе общихъ, у грековъ и римлянъ — *tumuli rolyandri*): въ то время, какъ въ небольшихъ экземплярахъ каменныхъ могилъ всегда находимъ только *одну камеру* и *съ однимъ костякомъ*, въ нѣкоторыхъ крупныхъ—встрѣчаемъ *камеръ нѣсколько* или, по крайней мѣрѣ, обширную одну, но *съ многими костяками*. Обыкновенно встрѣчаются въ насыпи такой могилы кромѣ главной камеры—большой еще съ ней въ связи двѣ меньшихъ по бокамъ. Особенности конструкции: въ нѣкоторыхъ снаружи во внутрь до погребальной камеры (лежащей ужъ въ такомъ случаѣ не въ центрѣ, а въ склонахъ восточной или южной части насыпи) ведетъ нарочито сооруженный проходъ (нѣчто въ родѣ подземной галлерей-корридора, назыв. «шеей»), обложенный, подобно камерѣ съ боковъ, и плоско сверху камнями. Нерѣдко (въ большихъ могилахъ) 8—12 локт. длины и 3—4 ширины. Наружный видъ такихъ насыпей—значительно продолгіи холмъ (*long barrows*). Архитектурныхъ внутреннихъ отѣнковъ въ такихъ могилахъ бываетъ много. Иногда камеры только въ двойственномъ числѣ и снабжены каждая порознь «шеей». Встрѣчаемъ также могилы съ цѣлою серіей побочныхъ камеръ или совсѣмъ

¹⁴⁾ Всѣ эти большія каменные гробовища (съ каменными въ нихъ находками) принято (хотя гипотетически и по сей день) относить ко времени, предшествовавшему приходу новыхъ народностей, принесшихъ съ собой обычаи и обряды соженія тѣлъ покойниковъ.

безъ центральной, или независимыхъ только отъ нея¹³⁾ и разобщенныхъ громадными накопленіями камней, причѣмъ каждая имѣетъ свою подземную галлерію. Отверстія и входы во многія изъ могилъ тщательно засыпаны землей и утрамбованы. При діаметрѣ весьма разнообразномъ (то 3—4 локтей, то чуть не просторная зала), погребальная камера (напоминающая зачастую весьма явно родство свое съ крытымъ доменомъ) достигаетъ высоты, достаточной, чтобы помѣститься стоя взрослому мужчине. Размѣры эти, конечно, бываютъ не менѣе разнообразны. Находки все той-же каменной культуры (орудія, янтарь, мониста, глиняные сосуды)¹⁴⁾. Тѣла

¹³⁾ Почему нѣкотор. ученые рассматриваютъ послѣднюю, какъ первичную, а слѣдоват. и древнѣйшую гробницу. Второстепенныя камеры иногда расположены вверху надъ главной, что еще болѣе наводитъ на мысль о позднѣйшей (вторичной) утилизациа уже существовавшаго ранѣе погребальнаго кургана. Что касается входа, то есть могилы (въ Зап. Европѣ), представл. снаружн «ложный входъ», въ то время, какъ постоянное отверстіе, дающее доступъ въ погребъ—камеру (имѣющее часто видъ печурнаго рукава, или трубы) закрыто плитой и замаскировано растущимъ иногда на могилѣ кустарникомъ.

¹⁴⁾ Весьма рѣдко, но случаются въ такихъ могилахъ находки желѣза. Конечно, онѣ указываютъ лишь на то, что старое гробовище было утилизировано вторично въ позднѣйшее, желѣзное время. Что касается бронзы, то присутствіе ея здѣсь болѣе легально, особливо въ нѣкоторыхъ могилахъ позднѣйшаго «исходнаго» времени. Дѣло въ томъ, что, какъ увидимъ ниже, обычай сооружать каменные могилы мѣстами пережилъ дату X вѣка до Рож. Хр., захвативъ (въ нѣкот. числѣ случаевъ) и мѣкъ бронзы (съ янтаремъ, стекломъ и даже серебромъ), какъ свидѣлствуютъ о томъ находки (бронзовыя шпильки, кольца etc), притомъ-же «non ita natura per saltus» Ни одна эпоха, какъ-бы ни казалась она обособлен-

но сожжены. Если сама камера служила мѣстомъ погребенія, тогда находимъ скелеты, помѣщенными (лежащими) въ центрѣ ея (или вдоль стѣны); напротивъ, камера иногда пуста, тогда не мѣшаетъ искать настоящій гробъ ниже почвы—дна камеры. Костяки нерѣдко встрѣчаемъ локализованными и въ «шеяхъ», куда ихъ подносили съ теченіемъ времени и за недостаткомъ помѣщенія въ камерахъ. Находимъ часто костяки и въ сидячемъ положеніи, разобщенными каждый другъ отъ друга стѣнкой.

II-й типъ могилъ каменнаго вѣка (т. е. могилы безъ камеры) представляетъ обыкновенный *земляной холмъ насыпной* конструкции. Камеры нѣтъ никакой. Величина насыпи въ больш. случаевъ незначительна (6—1½ и 1 арш., даже менѣе, отвѣсной высоты, при различной длинѣ окружности подошвы: отъ 50—30 арш.). Какъ исключеніе бывають экземпляры¹⁵⁾ и выше, бо-

ной по своей отдаленности отъ насъ, въ сущности, абсолютно изолированной быть не можетъ. Каменная поэтому эпоха, имѣя долгодлвившіяся генезисъ и процѣтваніе, имѣла конечно не моментальную, а столь-же длительную и agonію. Слѣдуетъ постоянно помнить, что каменный вѣкъ отъ бронзоваго (какъ бронзовый, въ свою очередь, отъ желѣзнаго) не отдѣляются никакими рѣзкими границами. Бронзовый вѣкъ наступалъ постепенно; бронза вводилась въ потребности населенія исподоволь, непримѣтно и не повсемѣстно, камень преобладалъ еще долго въ употребленіи (чуть ли не до появленія желѣза) иногда на территории смежной съ мѣстностью, куда уже проникла бронза. Вотъ почему находка бронзы въ могилахъ «каменной среды» покойника всегда можетъ быть указаніемъ «исходныхъ» лѣтъ каменной эпохи. Неотъемлемой чертой прастарыхъ могилъ «каменная» — всегда будетъ полное отсутствіе металла.

¹⁵⁾ У с. Хамнея, Киевск. г. на высокой горѣ у берега Днѣпра.

ше 3-хъ, даже 4½ метровъ. Всѣ доселѣ найденныя могилы (намъ извѣстныя на Волынѣ, Подоліи, Украинѣ и Малороссіи) принадлежатъ къ неолитической эпохѣ (древнѣйшіе—къ переходному времени отъ палеолитической къ новокаменному). Погребальный обрядъ весьма разнообразенъ: то остовъ лежитъ подъ насыпью на материкѣ въ направленіи съ востока на западъ, на правомъ боку (иногда на лѣвомъ) съ кистями рукъ, подогнутыми къ бородѣ, съ ногами (бедрями), подогнутыми къ туловищу (животу), голеними къ бедрамъ, (рѣдко) съ кремневыми орудіемъ у правого виска¹⁸⁾,—то въ сидячемъ положеніи съ каменнымъ топоромъ у лѣвой кисти¹⁹⁾. Погребальная яма вырыта въ материкѣ на глубинѣ 1—3 арш.; вообще въ большинствѣ случаевъ похороны ниже уровня горизонта окружающей курганъ мѣстности. Въ курганахъ древнѣйшаго періода встрѣчаются еще и другія особенности, наприм: въ каждой могилѣ не одинъ, а 2—3 скелета, лежащихъ горизонтально на спинѣ, головою на западъ; подъ головами (иногда и подъ всѣмъ костякомъ) находится или подстилка изъ слоя весьма тонкаго бѣлаго песку или вообще слой земли, служащій погребальнымъ ложемъ, болѣе свѣтлый. Предметовъ бытовой обстановки въ такихъ (древнѣйшихъ) могилахъ не встрѣчается (рѣдко и единично каменное орудіе, по всему видно, попавшее не какъ обстановка погребальнаго ритуала, а какъ случайно затерянный при погребеніи предметъ), вообще замѣтно рѣзкое отсутствіе какихъ-либо признаковъ

¹⁸⁾ Острож. у. Волын. г. у с. Залужья (труды III арх. съезда т. I реф. г. Оссовскаго. также Канев. у. Кіев. г. у д. Гамарня (антр. выст. т. 3 ч. I в. 4. Самохвасовъ стр. 340);

¹⁹⁾ Подольск. г. у Малой Упицы: также Волын. г. у г. Кременца (Kraszewski, Sztuka i Słowian str. 28).

обрядъ, намекавшаго-бы на существованіе какого-либо культа или вѣрованій. Въ нѣкоторыхъ однако находимъ костякъ, обернутый въ березовую кору (бересту), или въ морскія водоросли (algamarina)²⁰⁾. Въ

²⁰⁾ Что касается Слободской Украины и Новороссіи то, не смотря на господство въ ихъ курганогрایی позднѣйшихъ типовъ (металлической, бронзовой или желѣз. эпохъ) съ слѣдами такъ назыв. «эллино-скифской» культуры, отрицать существованіе здѣсь погребальн. памятниковъ каменнаго вѣка мы не вправе, разъ, въ виду совершенно недостаточнаго и неповсемѣстнаго археологическаго изученія могилъ, особливо столь обширной территоріи, а во-вторыхъ, ужъ потому, что нѣкотор. находки издѣлій каменнаго вѣка даютъ въ этомъ случаѣ положительн. указанія. Извѣстно, что почт. рус. археологъ И. Е. Забѣлинъ, производя раскопки кургановъ въ мѣстностяхъ, прилегающихъ къ днѣпровскимъ порогамъ, открылъ рядомъ съ богатѣйшими скифскими могилами, еще и могилы отдаленнѣйшихъ эпохъ, изъ которыхъ однѣ (какихъ-то неизвѣстныхъ народовъ пастырей, незнавшихъ металловъ) заключали въ себѣ *только* каменные орудія, другія каменные съ бронзовыми, иныя—предметы желѣзной культуры. Каменные орудія находимы были также въ курганахъ при устьяхъ Дона (см. ак. Бергъ «О первонач. состояніи челоуѣка въ Европѣ. Мѣсяцесловъ на 1864 г. стр. 47). Особенно важны были-бы изслѣдованія кургановъ, находящихся ок. Киябурна и вообще на всемъ побережьи Чернаго моря. Т. к. въ нихъ находятъ остовы, завернутые въ морскія водоросли, а слѣд. погребенные по особому обряду, то раскопки подоб. могилъ не только доставятъ интересн. матеріалъ для антропологіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ ж. б. и опредѣлятъ народность неизвѣстнаго племени, обитавшаго здѣсь. Не мож. однако здѣсь умолчать о дачно намъ заявленномъ относител. подоб. могилъ индѣи, которое ихъ происхожденіе объясняетъ существующимъ якобы у современныхъ жителей края обычаемъ хоронить завернутыми въ водоросли утопленниковъ (?).

топографическомъ отношеніи «земляныя» могилы каменнаго вѣка расположены большею частью группами (иногда цѣлыми кладбищами). Выдающіеся, впрочемъ, по величинѣ экземпляры встрѣчаются чаще особнякомъ. Последніе представляютъ собою мерѣдко, такъ назыв., «эталонные курганы»: часто въ верхнихъ слояхъ ихъ находимъ слѣды погребенія позднѣйшей поры (металловъ: бронзы и желѣза, наприм., съ человѣческими и лошадиными остовами — лежать стремена, удила, сабли, наконецъ и стрѣлы и т. п.), но если изслѣдователь продолжитъ раскопку до основанія, то всегда найдетъ яму, — вырытую въ материкѣ, а на днѣ ея покойника глубочайшей древности ²¹). Вотъ все, что пока намъ извѣстно о могилахъ этого типа за каменное время. Дальнѣйшія археологическія изслѣдованія, конечно, откроютъ еще другіе способы погребенія этой эпохи и много другихъ намъ неизвѣстныхъ фактовъ, сравнительное изученіе которыхъ дастъ право установить законныя хронологическія даты «земляныхъ» сооружений безъ металловъ ²²); теперь же невозможно

²¹) Большинство могилъ Литвы и Бѣлой Руси, изслѣд. Дюбоа и Говорскимъ (см. выше литер. кург.), представляютъ тоже содержаніе, что и земляныя могилы II типа (несожженные костяки, иногда пересыпанные крупн. пескомъ, рѣдко сидя, чаще лежащія на правомъ боку, головой на западъ, лицомъ на полдень, часто бевъ утвари, иногда съ глинян. кружечками, колечками въ рукахъ и пр.). Внѣшность могилъ въ то же время близка и къ I типу (многіе обложены снаружы камнемъ), хотя внутренняя камера отсутствуетъ. Размѣры въ діаметрѣ макс. 36, min. 12 фут.

²²) Отсутствіе въ разсмотрѣнныхъ нами погреб. сооруженій бронзы и желѣза, а так же погребальнаго обряда чрезъ сожженіе, служить б. м. указаніемъ на время, когда территория отъ Одера до Волги, отъ Балтики до

еще съ должной строгостью научной говорить даже о томъ, въ какихъ хронологическихъ реляціяхъ стоятъ оба, разсмотрѣнныхъ нами, типа между собою. Кому изъ нихъ дать преимущество въ старинѣ (или же оба они ровесники)? Нельзя не замѣтить нѣкоторой родственной связи между ними: ее мы видимъ въ особой *разновидности* земляныхъ кургановъ, представляемыхъ которой даемъ названіе «срубныхъ». Дѣло въ томъ, что среди могилъ каменной эпохи земляной конструкціи попадаются экземпляры, имѣющіе въ основаніи насыпи на материкѣ обгорѣлый *деревянный срубъ* (т. е. камеру), а въ немъ обугленный человѣческой остовъ въ скорченномъ положеніи, въ сопровожденіи рѣчныхъ раковинъ, глиняныхъ сосудовъ (съ грубой орнаментацией изъ круглыхъ дырочекъ и прямыхъ черточекъ, сведенныхъ въ треугольники), кремневыхъ орудій (копій, стрѣлъ, ножей). Иногда въ насыпномъ слое надъ срубомъ находятъ обломки раковинъ (быть можетъ остатки погребальнаго пиршества ²³). Намъ лично могила съ деревяннымъ срубомъ кажется переходной фазой между каменной (или земляной могилой) съ камерой и просто насыпнымъ землянымъ курганомъ безъ камеры. (Хотя не съ меньшимъ правомъ въ подобной могилѣ можно видѣть вызванную условіями мѣстными разновидность I-го типа). Не позволяя себѣ давать какое-либо хронологическое опредѣленіе этой разновидности, (хотя присутствіе въ ритуалѣ полусожже-

Чернаго моря не вѣдала ни греко-римской, ни даже скифской (скажемъ шире, — арійской) культуры, — эпоху, предшествовавшую приходу въ Европу народностей, принесшихъ на сѣверъ ея металлы и новый погреб. культъ (сожженіе).

²³) У д. Гамарни, при впадѣніи Россавы въ Рось (Антр. выст. Т 3. ч. I. 340. Самоквасовъ).

нія указываетъ на вторженіе, быть можетъ, новаго культа, а слѣдов. и на сравнит. позднѣйшую пору), мы смѣлѣе разрѣшаемъ себѣ толкованіе этого факта территоріальными условіями (недостаткомъ камня, побудившимъ населеніе, строившее каменное гробовище — камеру замѣнить ее деревянной). Дѣйствительно, сколько помнится, земляныя могилы съ деревяннымъ срубомъ встрѣчаются въ лѣсистыхъ низменныхъ мѣстностяхъ (Литвы, Бѣлоруссія).

Послѣ скуднаго и смутнаго, сознаемся, обзора погребальныхъ насыпей каменнаго вѣка рассмотримъ:

В. Могилы (металлическаго времени) мѣдно-бронзоваго вѣка.

Время, слѣдующее за періодомъ каменной культуры, съ легкой руки сѣверныхъ (датско-шведскихъ) археологовъ получило, какъ извѣстно, названіе *періода бронзы*; мотивировано это положительно доказаннымъ исключительнымъ господствомъ или-же преобладаніемъ въ памятникахъ этого времени мѣдныхъ и бронзовыхъ находокъ, издѣлій населенія, незнакомаго еще съ желѣзомъ. Говоря подробно о бронзовой эпохѣ (какъ и о предшествовавшей ей каменной) въ особомъ трудѣ, мы, въ виду прямыхъ цѣлей настоящей замѣтки, воздерживаемся тутъ отъ деталей, ограничиваясь лишь тѣмъ положеніемъ, что констатированная западной археологіей упомянутая культурная фаза древняго человѣка не лишена мѣстныхъ ограниченій: именно,—остатки бронзовой культуры, весьма многочисленныя въ Западной Европѣ, не смотря на ихъ сравнительно съ камнемъ легкость порчи и исчезанія, у насъ, строго говоря, довольно рѣдки (понимая послѣднее слово не въ количественномъ, а въ характерно-качественномъ смыслѣ). Въ преобладающемъ большинствѣ доселѣ найденныхъ памятниковъ они всегда фигурируютъ совмѣстно съ

желѣзомъ, а не какъ самостоятельная стадія культуры края. Дѣйствительно, до сихъ поръ въ предѣлахъ разсматриваемой здѣсь нами территоріи²⁴⁾ не было встрѣчено могилъ съ типичными предметами бронзовой культуры (мечами, копьями, топорами). Могилы съ *бронзовыми наконечниками стрѣлъ* хотя и встрѣчаются очень часто, но обыкновенно съ предметами желѣзной эпохи, равно какъ встрѣчаются могилы, заключающія въ себѣ совмѣстно различныя бронзовыя *только украшенія* съ каменными и желѣзными орудіями. Или къ народностямъ каменнаго вѣка этой мѣстности пришло племя желѣзной культуры, познакомившее туземцевъ одновременно съ употребленіемъ мѣди, желѣза и другихъ металловъ (равно и внесшее мѣстами погребальный обрядъ сожженія) или рѣшительныя сужденія по этому поводу еще преждевременны, въ виду малочисленности у насъ въ наукѣ извѣстныхъ слѣдовъ селитбы бронзовой эпохи²⁵⁾. Вотъ почему отличительныя черты

²⁴⁾ Отъ Одера (Эльбы?) и Карпатъ до водораздѣла Днѣпра и Дона съ Волгой, отъ Балтики до Чернаго моря (особливо въ черноземной области Приднѣпровья).

²⁵⁾ Другими словами могилы чистобронзоваго времени намъ мало извѣстны и сомнѣніе въ существованіи періода на нашей территоріи, въ которомъ употреблялась мѣдь—бронза, но неизвѣстно было желѣзо, есть всего только вопросъ времени: б. м. дальнѣйшія изслѣдованія русской археологіи сдѣлаютъ въ данномъ вопросѣ такой-же переворотъ, какой имѣлъ мѣсто еще недавно по поводу каменнаго вѣка, существованіе могилъ и селитбы котораго въ Россіи долго находилось подъ сомнѣніемъ у западно-европейскихъ ученыхъ. Дѣйствительно, какъ увидимъ ниже, изслѣдованія нашихъ почтен. археологовъ Забѣлина и Самоковсова подають надежду на рѣшеніе бронзоваго вопроса въ положительномъ для

погребальных сооружений бронзовой эпохи в наших краях пока не могут быть с достодолжной истинностью (вѣрнѣе, — рѣзкостью) установлены¹⁶⁾. Разъ, вѣсть съ тѣмъ признана наукой въ человѣческомъ прогрессѣ постепенная эволюція формъ, не будетъ ошибкой разсматривать погребальныя сооруженія бронзового вѣка — послѣдующими т. е. позднѣйшими фазами имъ предшествовавшихъ могильныхъ формъ каменнаго вѣка. Дѣйствительно, сравнитель-

южной и западной Руси смыслъ. Пока вопросъ остается открытымъ и русс. арх. сѣзды въ числѣ вопросовъ своихъ программъ неоднократно ставили вопросы и о нашемъ бронзовомъ вѣкѣ (вопросы рус. сѣздовъ по курганографіи буд. приведены ниже).

¹⁶⁾ Общей чертой для характеристики погребальныхъ сооружений бронзового вѣка кажется можемъ замѣтить, что громадные каменные изъ безеормен. блоковъ или камнями огражденныя могилы въ этомъ періодѣ постепенно исчезаютъ (внѣше уменьшаются въ количествѣ) или же мельчаютъ въ формахъ и мѣсто ихъ заступаютъ насыпные холмы. Мѣстами большія плоскія насыпи прикрываютъ собою обширныя могильники. Раскопки могильныхъ холмовъ обнаруживаютъ постепенное преобладаніе обычая сожженія труповъ надъ «похороннымъ», (хотя оба способа иногда видимъ примѣненными одновременно; сущест. и посредствующая стадія — полусожженіе). Могильные холмы или совсѣмъ свободны отъ обкладки камнемъ или мѣстами оказываются (какъ черта сродства съ камен. вѣкомъ) еще обложены камнями, но только у основанія (Ворсѣ «Сѣверныя древности» стр. 7—9); равно не встрѣчаемъ вокругъ ихъ прежнихъ циклическихъ долменнаго характера оградъ изъ вертик. поставленныхъ или просто лежащихъ камней. Вообще въ сооруженіяхъ видна черта постепеннаго трансформизма стили каменнаго вѣка въ послѣдующій, подобно тому, какъ это замѣтно въ развитіи каменныхъ могилъ изъ формъ долменовъ, искусственныхъ гротовъ и т. д.

ное изученіе тѣхъ и другихъ подтвержда-етъ наше предположеніе: виды и разновидности могилъ и въ бронзовую эпоху удержавшихся двухъ могильныхъ типовъ (съ камерой и безъ оной) суть позднѣйшія усовершенствованія соответственныхъ видовъ, встрѣчаемыхъ нами въ каменное время. Рельефнѣе всего это замѣчается на:

Могиллахъ I-го типа (съ камерой), имѣющихъ въ бронзовомъ вѣкѣ своими представителями *каменные гроба - ящики* (cistes, kistvoens, «groby skrzynkowe» польскихъ археологовъ). Это четвероугольные и очень рѣдко трегоугольные ящики, стѣнки которыхъ изнутри рачительно сложены изъ не особенно крупныхъ, но тщательно подобранныхъ плитъ (или нарочито расколотыхъ для этого камней), до извѣст. степени сглаженныхъ, хотя и не шлифованныхъ (гранитовъ, чаще слоистыхъ породъ: кварцитовъ, гнейсовъ), уставленныхъ вертикально. Снаружи стѣнки обложены въ два-три ряда «кругляками» (эратическихъ породъ). Сверху ящикъ плотно закрытъ плитой. Въ обширныхъ гробницахъ такая крышка составлена нерѣдко изъ 2—3 плитообразныхъ кусковъ, причемъ возникшія между ними щели задѣяны мелкими плоскими камнями. Иногда вся поверхность гроба какъ-бы цементирована старательно наложеннымъ слоемъ глины. Размѣры подобныхъ гробницъ (гробовъ-ящиковъ) близко колеблются около слѣд. метрическихъ величинъ: 0,60—1,50 метр. и болѣе длины при 0,50—0,75 метр. ширины и такой-же глубины. — Отличительныя черты каменныхъ бронзового вѣка гробовъ отъ «гробовищъ» каменной эпохи заключаются: во-первыхъ, въ геометрической правильности архитектурныхъ элементовъ сооруженія: криволинейныя, ломанныя и лишеныя прямыхъ угловъ формы гробовищъ и пропорціональности въ размѣрахъ,

какъ въ частяхъ (стѣнкахъ примыхъ и поперечныхъ, крышъ и т. п.), такъ и въ цѣломъ, особливо въ мѣстностяхъ скудныхъ круглымъ камнемъ,—сбѣгаются въ гробахъ прямыми линиями, прямоугольными комбинаціями частей, разумной соотвѣтственностью въ размѣрахъ этихъ послѣднихъ и друг. чертами, знаменующими значительную степень каменотесной техники²⁷⁾. Возможность намѣтить среди разнообразія единичныхъ экземпляровъ нѣкоторую постепенность въ развитіи формъ каменнаго гроба даетъ право заключить, что каменный гробъ-ящикъ есть, именно, позднѣйшая фаза каменнаго гробовища, служившаго оригиналомъ (прототипомъ) для послѣдовательной эволюціи изъ грубаго агрегата плитняковъ, близкаго къ примитивной пещерѣ, стройнаго ящика—камеры. Весьма знаменательна въ этомъ случаѣ и слѣдующая черта отличія: каменная насыпь, столь отчетливо характеризующая гробовища каменной поры, для гробовъ—ящичковъ не существуетъ. На верхней покрывкѣ непосредственно покоится слой земли около 2-хъ футовъ и тождественный по уровню съ окружающей гробъ поверхностью почвы (отсюда—полное отсутствіе наружныхъ признаковъ нахождения гроба-ящика на данной территоріи). Причиной этого всего возможно является при естественномъ приростѣ (быть можетъ и колонизаціонномъ) населенія постепенное истощеніе нерепродуктивно утилизируемаго строеваго матеріала на территоріи, не обладающей скалой, а пользующейся лишь эрратическимъ камнемъ. Подобныя условія, въ виду еще и неизбежной съ теченіемъ вѣка перемѣны въ экономической цѣнности труда, могли постепенно изъять обычай сооруженія надъ

²⁷⁾ Конечно разныхъ изображеній или, вообще, какихъ-либо разнообразящихъ суровый стиль памятника чертъ еще не встрѣчаемъ.

гробницами насыпей—или каменныхъ могилъ, по крайней мѣрѣ,—въ большинствѣ случаевъ, сохранивъ лишь его въ извѣстные рѣдкіе моменты (погребеніе народныхъ героев или лицъ состоятельныхъ родовъ или иныя стремленія увѣковѣчить въ памяти потомства случившееся)—черта, уплывшая въ славянствѣ (особливо въ казачествѣ до послѣднихъ временъ²⁸⁾). Третья отличительная черта гроба-ящика отъ каменной могилы съ гробовищемъ — топографическія особенности. Гробы-ящики почти никогда не встрѣчаются (или очень рѣдко)²⁹⁾ особнякомъ (въ одиночку,—черта, обыденная для каменныхъ могилъ-гробовищъ), но всегда они (въ количествѣ

²⁸⁾ Этимъ б. м. и объясняется фактъ существованія въ нѣкот. мѣстностяхъ кромѣ могилъ, располож. группами, еще и отдѣльныхъ обособленныхъ т. сказ. «могилъ особняковъ».

²⁹⁾ Покрайней мѣрѣ въ Пруссіи и Польшѣ. Найденные гг. Будзинскимъ (Ломжин. г. д. Пюнтницы) и Пршиборовскимъ (у р. Вепря, сс. Парчево и Радзинь) также проф. Самоквасовымъ (Варшав. у. д. Чеховичи) мы, судя по находкамъ (необожжен. горшки, несомн. кости, шлифов. топоры, каменные и кремневые наконечн. стрѣлъ etc.) относимъ къ гробовищамъ камен. эпохи,—особнякамъ. Скученные гроба-ящики въ Ц—въ Польск. найдены Самоквасовымъ въ Нешавск. у (Варш. г.), нѣкотор. безъ металла (шлифов. камень и сгнившія кости), нѣкотор. съ бронзой (антр. выст. т. 3 ч. I 176. рефератъ Самоквасова). Познанскій археологъ г. Оссовскій замѣтилъ еще ту черту, что на территоріи прусской Польши камен. могилы съ гробовищами никогда не встрѣчаются среди, рядомъ изъ посѣдству съ гробами ящичками, но постоянно въ видѣ могилъ «особняковъ». Стоящіе камни (менгиры) не только сопутствуютъ камен. могиламъ каменнаго вѣка, но и встрѣчаются въ сосѣдствѣ съ гробами-ящичками (см. Porzeczko Wieleży... i Wisły p. wzgl. archeolog. Krak. 1880 стр. 11).

иногда 3—20, а иногда и больше экземпляров) формируют цѣлыя кладбища, въ которыхъ гробъ отъ гроба лежатъ на известномъ разстояніи, съ соблюденіемъ нѣ котораго общаго порядка и симетріи. Расположены кладбища эти на вершинахъ или-же окраинахъ возвышенностей (взгорьяхъ), преимущественно песчаныхъ и прилегающихъ къ рѣчнымъ или озернымъ водамъ. Замѣтно, что чаще избирались мѣстности, вдающіяся какъ-бы полуостровами въ водныя пространства. Въ подобныхъ случаяхъ гробницы лежатъ по радіальнымъ направленіямъ отъ центра взгорья къ его окраинѣ, причемъ каждый гробъ переднимъ концомъ обращенъ къ водѣ. Тамъ-же, гдѣ окраина горной площадки принимаетъ прямолинейное или-же параллельное руслу водъ направленіе,—положеніе гробницъ соответствуетъ такому направленію: встрѣчаемъ ихъ лежащими параллельными рядами. Вообще, каменный ящикъ и песчаное взгорье съ прилегающими къ нему водами представляютъ какъ-бы принципиозно составные элементы этого рода памятниковъ,—элементы, находящіеся въ известномъ постоянномъ отношеніи. Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что въ современной гидрографіи условія сравнительно съ прошлымъ измѣнились, что воды, нѣкогда омывавшія подножія нагорныхъ кладбищъ, значительно убыли или совсѣмъ исчезли, въ связи съ общимъ пониженіемъ горизонта водъ всего края; тщательное однако геологическое изслѣдованіе мѣстности всегда дастъ замѣтить нѣкоторый топографическій смыслъ въ расположеніи всѣхъ таковыхъ нагорныхъ кладбищъ въ странѣ. Внутренность гробовъ-ящиковъ заключаетъ или кости непосредственно погребенныхъ (безъ сожженія ³⁰⁾) въ лежачемъ (и сидячемъ) поло-

женіи покойниковъ, или (чаще) наполненъ урнами и засыпанъ пескомъ. Во второмъ случаѣ, внутри горшковъ, между кальцинированными костями и золой ³¹⁾ находятъ различныя издѣлія изъ стекла, глины, бронзы ³²⁾, рѣже изъ кости и янтаря. Въ эти предметы исключительно принадлежатъ къ украшеніямъ (шпильки, серьги, фибулы, бусы, ожерелья и неизвѣстн. назначенія мѣдныя кольца съ лучами старо-этрускаго стиля и т. п.). Боевыя орудія (бронзовые щелы и проч.) рѣдки; впрочемъ, въ нѣкоторыхъ гробахъ встрѣчаемъ еще удержавшіяся въ быту шлифованныя каменные орудія (топоры, долота и кремневые наконечники стрѣлъ). Попадаютъ и бронзовые сосуды. Что касается глиняныхъ урнъ, то онѣ разнообразіемъ формъ и рѣзной орнаментацией (особливо въ прусской Польшѣ) представляютъ въ сравненіи съ урнами гробовищъ каменной поры несравненно высшую ступень въ развитіи горшечнаго дѣла (падаютъ даже столь цѣнными любителями древней керамики «лицевыя урны»). Многія урны имѣютъ покрывшки глиняныя, формы опрокинутой

гдѣ указ. нѣкот. находки бронзов. въка въ Галиціи, Познани, Силезіи etc).

³¹⁾ Очевидно устанавливается въ краѣ погребальный ритуалъ чрезъ «сожженіе» (конечно въ связи съ нов. культомъ), вѣроятно, занесен. приливомъ новыхъ съ юго-востока народностей. Хронологическое наслѣдованіе прастарому, такъ назыв. «похоронному» (т. е. безъ сожженія) обряду обычна сожженія подтверждается также и открытіями (напр. въ Даніи) «этажныхъ кургановъ»—съ двойнымъ слоемъ гробовъ: въ нижнемъ находимъ прастарое гробовище съ несожженными костями, а надъ нимъ вверху новый гробъ со слѣдами трупосожженія.

³²⁾ Въ гробахъ позднѣйшей поры, захватывшихъ въка желѣза, встрѣчаемъ и этотъ послѣдній металлъ.

³⁰⁾ Около Овинска въ Вел. Польшѣ (см. Kraszew. Sztuka и Słowian. стр. 48 и слѣд.,

украинской «макитры» или миски²⁰⁾. Территория распространения гробовъ-ящичковъ совпадает преимущественно съ западными окраинами «Сарматской низменности» (бассейнами Одера и Вислы — Пруссией, Польшей, Галиціей). Можно думать, что не лишены этихъ памятниковъ богатые рѣчными и озерными системами равнины Литвы, сѣверо и юго-западной Россіи²¹⁾ (конечно, въ несравненно меньшемъ количествѣ, въ виду недостатка въ каменномъ матеріалѣ); къ сожалѣнію, при скудной цифрѣ археологическихъ изысканій, а также при затруднительныхъ условіяхъ, какъ было сказано выше, обнаружить присутствіе этого подземнаго памятника, найденные въ Россіи экземпляры слишкомъ единичны²²⁾. Что касается хронологическихъ датъ этого рода сооружений, то обыкновенно польскими археологами принято эпоху ихъ развитія относить къ пяти-шести вѣкамъ до Р. Хр., но, судя

²⁰⁾ «Лицевыми урнами» обыкновенно зовутъ находимые въ могилахъ горшки съ формами и орнаментикой, пытающіеся передать изображеніе человеческого лица (очей, носа, ушей, рта), шеи (съ ожерельемъ), даже волосныхъ косъ (въ гробахъ съ женск. остатками). О лицевыхъ урнахъ Пруссіи и Польши см.: *D-r Berendt Nachtrag zu d. romm. rel. Gesichte-Urnen* (въ *Schr. d. Phys. Ökon. Ges. zu Königsb.* 1878). *D-r Marhardt* о томъ же (въ *Zeitschr. f. Ethn. Jahrg.* 1870). Судя по находкамъ въ нѣкоторыхъ изъ такихъ урнъ вмѣстѣ съ бронзой, костью и стекломъ еще и желѣза, — слѣдуетъ кажется ихъ приурочивать къ исходной эпохѣ бронзы — и начальной желѣза (если только объ эти эпохи въ дѣйствит. несомнѣнны).

²¹⁾ Напр., гробъ съ слѣдами полусожженія, упомян. Крашевскимъ (стр. 50) въ с. Гнилицѣ, котор., впрочемъ, проф. Самоковцовъ относитъ къ каменному вѣку.

²²⁾ Весьма скудные извѣстія имѣемъ мы о существованіи таковыхъ каменныхъ гробовъ

по находкамъ (кремневые орудія и бронзовые целты, даже въ единичномъ случаѣ — желѣзо) время ихъ существованія должно быть весьма продолжено, какъ въ одну сторону (вѣкъ шлифованнаго камня), такъ и въ другую (этрусскаго и греко-римскаго вліянія въ сѣверъ Европы до самой желѣзной поры)²³⁾.

Гораздо менѣе замѣтна прогрессивность эволюція формъ на —

II-мъ типѣ погребальныхъ сооружений бронзовой эпохи, на могилахъ безъ намеръ, вообще, на насыпныхъ земляныхъ курганахъ, какъ это слѣдовало, собственно говоря, и ожидать, судя по примитивной простотѣ общаго стиля и матеріала сооружений этого типа. Какъ и всегда, такъ и теперь, такой погребальный памятникъ представляетъ простую, вырытую въ почвѣ яму для помѣщенія останковъ покойника и его бытовой обстановки и засыпанную землей сплошь до уровня горизонта и сверхъ послѣдняго до степени большаго или меньшаго всхолмленія, — кургана. Отличительными чертами земляныхъ могилъ бронзоваго вѣка (сознаемся, довольно сомнительными) могутъ быть: отсутствіе каменной обложки (каменнаго пояса, не по-

въ Новороссіи (плоскихъ могилъ безъ насыпей — см. *П. Полевой* Очер. Рус. Ист. въ пам. быта. Спб. 1879. стр. 59). Не слѣдуетъ однако упускать изъ виду, что вообще мѣстное населеніе современности зачастую утилизируетъ каменные плиты изъ такихъ гробовъ на свои нужды.

²³⁾ О бронзов. вѣкѣ въ прусской Польшѣ кромѣ указан. раньше извѣстн. труда Садовскаго еще см. *G. v. Hirschfeld* Die im Gebiete d. Ostsee, unter Weichsel u. Netze nachgewiesenen, alterthüml. (vorrömisch.) Geräte u. Gefässe aus Erz (Bronze) etc. (въ *Zeitschr. d. hist. Vereins f. d. Marien-Werder* 1876. в. 1), а такъ-же статья (въ *ж. Schlesien Vorzeit. in Bild u. Schrift* 1875) *Ub. die Bronzefrage*.

всеобщихъ и притомъ не составляющихъ безусловнаго симптома и могилъ каменнаго времени) и (что вѣроятнѣе) отсутствіе концентрическихъ (циркулярныхъ) оградъ изъ камней долменнаго характера. Скорѣе судить объ ихъ принадлежности къ разсматриваемому нами вѣку возможно на основаніи содержимаго такихъ могилъ. Къ сожалѣнію и здѣсь археологія не располагаетъ достаточными данными. Мы выше уже говорили о томъ, что произведенныя доселѣ (весьма малочисленныя) археологическія разслѣдованія не рѣшили положительно вопроса о существованіи какъ въ предѣлахъ Малороссіи, такъ и на всей территоріи, занятой славянскимъ племенемъ, самостоятельнаго періода бронзовой культуры³⁷⁾ (несовмѣстнаго съ желѣзомъ); то-же должно сказать и о Литвѣ и Остзейскомъ краѣ³⁸⁾. Только въ сѣверной части Новороссіи (въ уѣздахъ, прилегающихъ къ Днѣпровскимъ

порогамъ) встрѣчаются (по изслѣдованіямъ И. Е. Забѣлина) между другими и могилами, содержащія каменные и бронзовыя орудія безъ слѣдовъ желѣза³⁹⁾. Кроме того, недавно, благодаря энергичнымъ изысканіямъ Самоквасова, получены нѣкоторыя указанія въ положительномъ для бронзовой культуры смыслѣ на территоріи черниговскаго Подесняня⁴⁰⁾. Наконецъ и въ Украйнѣ⁴¹⁾ (по сообщенію І. И. Крашевскаго), чуть-ли не какъ единственный примѣръ, найденъ былъ земляной курганъ съ предметомъ мѣдной техники (хотя найденное вблизи кургана желѣзо и эллинскій стиль въ керамикѣ (узкогорлая амфора и расписаная ваза-урна) этой насыпи невольно должны смущать осторожнаго археолога). Вотъ почему все, что возможно извлечь пока изъ извѣстныхъ намъ фактовъ, можетъ быть сведено только къ единственной общей чертѣ отличія этой эпохи отъ предыдущей, именно: въ погребальномъ обрядѣ *преобладаетъ сожженіе*, о чемъ свидѣлствуютъ найденные въ могилахъ зола, уголья, иногда заключенные въ глиняныхъ горшкахъ-урнахъ виѣстѣ съ кальцинированными костями. Въ нѣкоторыхъ изъ такихъ урнъ помѣщаются съ костями и золой еще и бронзовыя украшенія (иглы, пуговицы, ножи, фибулы, бусы и т. п.), а извнѣ рядомъ оружіе и кой-какая утварь. Горшокъ или покрытъ специально изготовленной къ нему глиняной крышкой или просто плоскимъ камнемъ. Сверху его

³⁷⁾ Подробности см. у Самоквасова (Антр. Выст. т. III ч. 1 стр. 342).

³⁸⁾ *Kraszewski Sztuka u Słowian etc* (стр. 47 и 53). Отысканные (гг. Ивановскимъ и Бранденбургомъ) въ предѣлахъ Петербург. губерніи, а также (и профес. Крузе и друг.) въ Остзейск. губерніи. предметы бронзоваго вѣка принадлежатъ, какъ извѣстно, къ общему типу произведеній западно-европейскаго бронзоваго времени (едва-ли не позднѣйшаго его періода, судя по совмѣстности ихъ съ серебряными издѣліями) и до такой степени тождественны съ европейскими, что ихъ происхожденіе кажется—скорѣе не туземное. Что касается бронзъ, находящихся въ могилахъ и городищахъ (напр., въ Анавинскомъ могильникѣ) между Волгой и Уральскими горами, то азійское ихъ происхожденіе несомнѣнно. То-же должно сказать и о могильныхъ находкахъ въ Москов. губ. Звенигород. уѣз. (см. у А. Д. Черткова Памят. Имп. Арх. Об. I 234). Подроб. у Полеваго Оч. Рус. Ист. въ памят. быта вып. I гл. 3. Бронз. вѣкъ.

³⁹⁾ Ист. Рус. жизни; приложение: Древняя Скиѣя въ своихъ могилахъ (1879 г. т. I стр. 616 и слѣд.).

⁴⁰⁾ Чернигов. губ. Новгородсверск. уѣзд. у сел. Юхнова и Комани (Самоки. Антропол. Выст. etc 343).

⁴¹⁾ Киев. г. между сс. Лазурцами и Пищальниками (Kraszew. стр. 50). Самоквасовъ относитъ вполне заслуженно эту насыпь къ эллиноскиеской порѣ желѣзн. вѣка.

иногда расположенъ небольшой слой мелкихъ камешковъ, а затѣмъ насыпная и плотно убитая земля. Установка урнъ и предметовъ быта въ насыпи (или-же въ ямѣ), какъ кажется, не представляетъ какой-либо системы или установленного порядка (въ серединѣ-ли, съ боковъ, симметрично или т. п.), а имѣетъ все разнообразіе случайности. Случалось, что на томъ мѣстѣ гдѣ былъ костеръ находили только оружіе и утварь, прикрытая землей, а въ самой могилѣ сокрытой оказывалась только урна съ золой.

Резюмируя все сказанное нами о могильныхъ сооруженіяхъ разсматриваемой территории, приходится все таки пока остаться при томъ мнѣніи, что изъ трехъ эпохъ бронзоваго вѣка (именно: 1) камня и бронзы, 2) одной бронзы и 3) бронзы съ желѣзомъ) въ погребальныхъ памятникахъ нашихъ несомнѣнно явны только первая и послѣдняя¹¹⁾, что-же касается второй эпохи,

¹¹⁾ Говоря о могилахъ съ бронзой II-го типа нельзя умолчать о существованіи особой категоріи кургановъ преимущественно того же типа (лишь въ одномъ случаѣ I-го, т. е. съ намерой дубовымъ срубомъ), открытыхъ на 3-мъ археолог. съѣздѣ у с. Гатнаго (подлѣ Кіева, см. Труды III-го Археолог. с. т. I, стр. LXXIX) и у д. Мархалеви и Янковицъ (ib. т. II реф. Волошинскаго), — находки которыхъ—орудія изъ шлифованнаго камня совмѣстно съ бронзой (въ туалетѣ) и желѣзомъ (въ орудіяхъ), по видимому говорятъ за то, что въ предѣлахъ Малороссіи культура каменной эпохи сѣвилась непосредственно культурой желѣзной; таковыя курганы поэтому относятся къ переходной эпохѣ отъ каменнаго къ металлическому времени (бронзѣ, если угодно, — непосред. къ «желѣзу»). Въ нихъ еще обрядъ сожженія отсутствуетъ, человѣческіе остовы лежатъ съ вытянутыми ногами и руками. Сосуды — безъ гончарнаго кружала, плохо выжжены.

то о ней выразимся словами Д. Я. Самоквасова: «я не желаю утверждать положительно, что въ Малороссіи существовалъ періодъ бронзовой культуры до времени ознакомленія ея первобытныхъ обитателей съ употребленіемъ желѣза. Я желаю только, чтобы рѣшеніе этого вопроса было предоставлено будущимъ археологическимъ изысканіямъ, такъ какъ количество изслѣдованій, произведенныхъ до настоящаго времени, еще не даетъ права рѣшать этотъ вопросъ положительно въ томъ или другомъ смыслѣ». Сказанное почтеннымъ профессоромъ о Малороссіи можетъ быть распространено и на болѣе обширную территорию, особливо вправѣ примѣнять мы это къ Новороссіи, гдѣ, къ сожалѣнію, по этому вопросу еще ничего не сдѣлано.

Гораздо обильнѣе матеріалы (положимъ только въ количественномъ смыслѣ) доставилъ въ распоряженіе русской археологін

С) Могины (металлическаго времени) желѣзнаго вѣка.

Ближайшая къ намъ и послѣдняя въ археологической преемственности культуръ эпоха, которую характеризуютъ вещественные остатки быта съ явнымъ и преобладающимъ присутствіемъ желѣза, какъ извѣстно, для сѣвера и востока Европы заканчиваетъ собою доисторическую древность челоуѣка и входитъ послѣдними стадіями своими въ предѣлы такъ наз. письменной древности (исторіи) въ строг. знач. слова. Вопросъ о времени и обстоятельствахъ появленія желѣза въ Европѣ вообще и на ея востокъ въ частности еще не рѣшенъ обстоятельно наукой, за неимѣніемъ достаточныхъ повсемѣстныхъ данныхъ,¹²⁾ но то, что до сихъ поръ доста-

¹²⁾ Подробности у *Mortillet* «Sur l'origine des métaux»; резюме его реферата на съѣздѣ антропологовъ въ Москвѣ (см. антр. выст. 1879 г. т. III ч. 1 стр. 362).

влено археологін какъ эксплораціей памятниковъ, такъ и свидѣтельствомъ античныхъ и средневѣковыхъ писателей, обнаруживается возможность признать за желѣзомъ на территоріи европейскаго востока давность существованія (по сей день) около двадцати-пяти вѣковъ; друг. слов., древнѣйшія извѣстія (главнымъ образомъ письменныхъ памятниковъ—напр., Геродотъ etc) рисуютъ, напр., обитателей Приднѣпровья въ желѣзной культурѣ со времени не позже VI-го в. до Р. Хр. Археологическія изслѣдованія юга Россіи со временемъ, думаемъ, отодвинутъ для понятійскихъ странъ этотъ предѣлъ еще къ болѣе глубокой старинѣ, равно какъ изученіе древностей финскаго сѣвера, особливо При-и Зауралья обнаружить б. м. еще болѣе раннюю эпоху вторженія желѣза въ наше отечество путемъ сѣверо-восточнымъ. Во всякомъ случаѣ если принятіемъ (въ VIII—X в.) христіанства преобладавшимъ въ странѣ населеніемъ завершить язычскій обычай соорудать погребальныя насыпи⁴³⁾, то на долю могилъ желѣзнаго вѣка все-таки придется не менѣе пятнадцати столѣтій, въ теченіе которыхъ, какъ гласитъ намъ исторія, восточная Европа была ареной многихъ, быстро смѣнявшихся, проявленій разнородно-племенной слѣдоват. и разнообразно-культурной жизни. Понятно, что и погребальныя памятники столь продолжительной и сложной событіями эпохи должны-бы неминуемо носить на себѣ черты различныхъ временъ и этнографическихъ особенностей зодчихъ, доставившія-бы въ тоже время возможность привести и сами памятники къ соотвѣтственной классификаціи. Къ сожалѣнію, наука не въ си-

лахъ еще пока этого сдѣлать, такъ какъ собранный матеріалъ только въ весьма скудной цифрѣ случаевъ (и лишь за послѣднее время) добытъ по строго научно-веденнымъ раскопкамъ⁴⁴⁾. Еще до недавняго времени въ наукѣ вѣсмъ курганнаго характера насыпямъ Россіи, безъ признаковъ «каменной» культуры и со слѣдами желѣза, давали заурядъ общую кличку «скифскихъ могилъ». Только въ послѣдніе годы русской археологін, благодаря систематическимъ изысканіямъ г-фа Уварова, профессоровъ Антоновича, Самоквасова, и др. удалось придти къ группировкѣ такихъ памятниковъ въ двѣ серіи, выделивъ даже въ отдѣльный легіонъ могилы съ неопредѣленными еще наукой чертами. Совершенно, однако, подвигъ этотъ съ небольшими ограниченіями, именно, терминъ «скифскій» и «славянскій» вправѣ быть понимаемы пока только въ хронологическомъ смыслѣ, т. е. должны означать не столько принадлежность памятниковъ извѣстнымъ народамъ, сколько принадлежность ихъ извѣстнымъ историческимъ эпохамъ⁴⁵⁾. Съ этнографической точки зрѣнія

⁴³⁾ Проф. В. Б. Антоновичъ насчитываетъ всего десятка 3—4 научно-произведенныхъ раскопокъ въ Приднѣпровьи (антроп. вѣст. т. II в. 3 стр. 120). Интересно-бы знать, какое процентное отношеніе въ Новороссіи составляютъ изслѣдованные курганы къ общему числу ихъ—и, въ свою очередь,—изслѣдованные строго научнымъ методомъ къ числу дилетантски разграбленныхъ кургановъ нашего края?!

⁴⁴⁾ Погребальными памятниками скифской эпохи проф. Самоквасовъ считаетъ могилы, относящіяся къ періоду времени, когда классическія исторіи и географы древнихъ обитателей Приднѣпровья называютъ общимъ именемъ Скивовъ-Сарматовъ etc, т. е., памятники, относящіяся къ періоду времени съ VI-го в. до Р. Хр. по VI-й в. послѣ Р. Хр., а памятниками славянской эпохи—древности, отно-

⁴⁵⁾ Принимая дальнѣйшее существованіе этого обычая среди южно-русскаго козачества за исключительную уступку новаго культа стойкости старыхъ традицій.

(заключеніемъ ясно выдѣленныхъ г. Уваровымъ Флнновъ) разграниченіе такое пока болѣе менѣе гипотетично, хотя труды тѣхъ же почтенныхъ археологовъ и особенно краниолога проф. А. П. Богданова и др.⁴⁷⁾ положили немалый фундаментъ къ осуществленію въ будущемъ этого деизидеріума русской археологіи.

Вообще отдѣленіе погребальныхъ памятниковъ желѣзнаго вѣка отъ предшествовавшаго бронзоваго дается провести не такъ рѣзко, какъ это было возможно сдѣлать въ отношеніи бронзоваго къ каменному времени⁴⁸⁾, — то-же должно сказать и по вопросу объ отдѣленіи памятниковъ скинской эпохи отъ памятниковъ эпохи славянской. Въ обоихъ случаяхъ разграниченіе основывается на характерѣ памятниковъ того и другаго вѣка, той и другой

сящіяся ко времени, когда среди древнихъ обитателей Приднѣпровья преобладающимъ элементомъ являются славяне, т. е., памятники съ VI-го в. по X-й послѣ Р. Хр. (см. антр. выст. 1879 г. т. III ч. 1 стр. 343).

⁴⁷⁾ А. П. Богдановъ: 1) Курганные черепа Суджанскаго длинноголоватаго населенія по р. Пселу. 2) О могилахъ скино-сарматской эпохи въ Полтавской губ. и о краниологіи Скиновъ (антр. выст. т. III ч. 1 стр. 263). 3) Древніе киевляне по ихъ черепахъ и могиламъ (ib. 305). 4) Курганные жители сѣверянской земли по раскопкамъ въ Черниговской губ. (ib. стр. 350...) и др. Описание скин. череповъ акад. Е. М. Бэра въ изд. археол. комис. въ С.-Пб. Recueil d'Antiquités de la Scythie (1866) перепечат. съ добавлен. проф. Штиды въ Arch. f. Anthr. (X т. 1877 г. стр. 215).

⁴⁸⁾ Что ясно вытекаетъ какъ изъ не столь великой цѣны вѣковъ, выпавшей на долю бронзы сравнительно съ пространствомъ времени, — принадлежавшимъ каменной порѣ, такъ—и изъ всего того, что мы говорили уже выше о неопредѣленности самостоятельной бронзовой культуры на территоріи востока Европы.

эпохъ: на различіи въ особенностяхъ конструкции самихъ памятниковъ и на различіи въ стилѣ вещественныхъ остатковъ, находимыхъ въ насыпяхъ, въ связи съ погребальнымъ ритуаломъ. Въ разграниченіи вѣковъ (желѣза отъ бронзы) различія не такъ рѣзки, въ огдѣленіи эпохъ (скинской—отъ славянской) они рельефнѣе. Дѣйствительно: въ общемъ—со стороны конструкции въ могилахъ сооруженіяхъ желѣзной эпохи (какъ раннѣйшихъ—«скинскихъ», такъ и позднѣйшихъ—«славянскихъ») мы встрѣчаемъ тѣ-же два общіе типа, постоянную эволюцію формъ которыхъ мы видѣли въ вѣкахъ камня и бронзы: и теперь, какъ и въ бронзовое время, мы находимъ могилы съ погребальными камерами и просто насыпи безъ камеръ, — причемъ и здѣсь прогрессивность формъ, составляющая черту отличія погребальныхъ памятниковъ желѣзнаго вѣка отъ таковыхъ бронзоваго явственно выступаетъ только въ сооруженіяхъ I го типа (могилахъ съ камерой) и почти незамѣтна во II-мъ типѣ—въ простыхъ земляныхъ насыпяхъ безъ камеръ, т. е. съ помѣщеніемъ остатковъ покойнаго въ непосредственномъ соприкосновеніи съ почвой,—выше, на уровнѣ или ниже ея. Могилы съ камерой (особливо «скинской» эпохи) отличаются несравненно грандіознѣйшими размѣрами какъ насыпи, такъ и самой камеры и особенно архитектурнымъ совершенствомъ послѣдней, представляющей (какъ увидимъ ниже въ «скинскихъ» курганахъ) довольно сложную тектоническую комбинацію⁴⁹⁾. Могилы безъ камеры

⁴⁹⁾ Въ цѣломъ такіа сооруженія настолько прочны, что по вѣчности своей, можно сказать, не измѣнились въ теченіи 2000 лѣтъ, принесшихся надъ главою многихъ изъ нихъ; съ внутренней стороны пострадали немногіе экземпляры.

столь-же просты по конструкціи въ желѣзномъ вѣкѣ, какъ и въ предшествовавшихъ. Вторая черта отличія вѣка: каменная насыпь и окружающіе холмы цѣлы изъ «стоящихъ камней» (менгировъ), характеризовавшіе главнымъ образомъ каменный вѣкъ и замѣненные кой-гдѣ позже, особливо въ бронзовомъ, каменной обкладкой отсутствуютъ абсолютно; во всѣхъ погребальныхъ насыпяхъ желѣзнаго вѣка преобладаетъ земляная консистенція холма. Каменный поясъ, ограждающій въ нѣкот. новороссійскихъ (рѣдко украинскихъ⁵⁰) курганахъ подошву насыпи, чуть-ли не всегда представляеть не столько слѣды традиціоннаго агрегата булыжниковъ (на могилахъ каменнаго вѣка), сколько архитектурную деталь, правильной (часто-цементированной (кладки, имѣющей специфическое назначеніе — дѣйствовать статически на сооруженіе, — скрѣплять насыпь, удерживая земляныя части отъ обваловъ. Въ количественномъ отношеніи обоихъ типовъ между собою замѣчается поставленный нами ранѣе законъ постепеннаго вымиранія формъ близкихъ къ первобытной пещерѣ, друг. слов. въ желѣзномъ вѣкѣ съ увеличеніемъ въ размѣрахъ могилы съ камерой становятся меньше въ числѣ, уступая первенство въ этомъ случаѣ могиламъ безъ камеры. Особенно это чувствуется на каменномъ гробѣ — ящикѣ, бывшемъ для нѣкоторыхъ мѣстъ (см. бронзовый вѣкъ) представителемъ погребальнаго сооруженія съ камерой въ предшествовавшее время. Встрѣчается онъ и теперь, но рѣдко представляетъ самостоятельный памятникъ, и не вездѣ (напр. только въ Пруссіи и Поль-

шѣ), а скорѣе — погребальный аксессуаръ могильной камеры и въ этой роли достигается иногда права съ архитектурной стороны быть причисленнымъ къ болѣе или менѣе удачнымъ по техническому исполненію «саркофагамъ»⁵¹). Притомъ законъ вымиранія формъ замѣчается въ этомъ случаѣ еще въ одномъ явленіи: на той территоріи, гдѣ въ бронзовое время гробъящикъ былъ господствующимъ (Пруссія, Польша), въ желѣзномъ вѣкѣ — его исподоволь (а въ славянскую эпоху безусловно) вытѣсняетъ нѣкогда отъ него зависимая, а теперь ставшая самостоятельной, какъ новый погребальный памятникъ, — «обособленная урна» или «гробъ — горшокъ» (все та-же погребальная камера, но въ той третьей искусственной фазѣ, къ которой пришелъ искусственный гротъ, пройдя чрезъ фазу гробовища и ящика, ставъ изъ каменнаго глинянымъ⁵²).

Къ этимъ незначительнымъ отличіямъ въ общемъ можно прибавить еще нѣкот. и частн. въ связи съ условіями мѣста и времени такъ, наприм., строительный матеріалъ камеръ въ курганахъ припонтійскихъ (бѣдныхъ лѣсомъ) раіоновъ — главный образ. камень, то-же — замѣчается въ скудныхъ числомъ камерныхъ могилахъ Галиціи, Силезіи, Польшѣ, Луицкой Сербіи (богатыхъ эрратическими валунами); — сѣвернѣе и восточнѣе въ Украинѣ и Малороссіи камень раздѣляетъ свое значеніе съ деревомъ, а въ мѣстностяхъ лѣсистыхъ (Бѣлороссіи и Литвѣ) уступаетъ «деревянному срубу».

Что касается содержимаго, то единствен-

⁵⁰ Лично намъ извѣстны всего два случая: Кіев. г. Звенигор. у. сс. Петриковка и Ромейковки (антроп. выст. т. 3 ч. 1 стр. 344 Самоков.) также у сс. Пальчики и Гончарихи (Krasz. Stuka и Slow. 82).

⁵¹ Во многихъ камерныхъ могилахъ каменный гробъ симвошелъ до деревяннаго, особливо въ Украинѣ (напр. въ извѣстн. кург. — хъ Перепятихъ, — Кіев. г. Васильк. у. и Овручской, наз. «Игоревои» Волин. г.).

⁵² О нихъ — ниже, — въ «славянской эпохѣ».

ная общая черта отличія отъ бронзового вѣка—будетъ заключаться въ присутствіи, а затѣмъ и въ преобладаніи издѣлій изъ жѣлѣза съ больш. или меньш. остатками бронзовой культуры (болѣе въ украшеніяхъ, чѣмъ въ орудіяхъ и утвари—особливо въ позднѣйшую славянскую эпоху). Всѣ другія особенности не могутъ быть приняты общими для всего вѣка: они слишкомъ разнообразятся по мѣсту и по эпохамъ (хотя-бы, наприм., въ погребальн. обрядѣ,—то съ преоблад. сожженія покойника въ славянскую эпоху, то наоборотъ—въ скинскую), вотъ почему умѣстнѣе разсматривать особенности погребальныхъ памятниковъ согласно упомянутой выше группировкѣ ихъ на скинскую и славянскую эпохи.

Могилами скинской эпохи называютъ тѣ погребальн. насыпи жѣлѣзнаго вѣка, которыя какъ по территориальн. условіямъ (преимуществ. въ степяхъ Новороссіи,—рѣже въ лѣво и правобережномъ Приднѣпровьи), такъ и по особенностямъ конструкціи, а главное по содержанию въ нихъ, представляють и подтверждаютъ всѣ тѣ черты своеобразной культуры, которую на основаніи историч. (письменныхъ) данныхъ установлено называть эллино-скинской, приурочивать къ черноморскимъ степямъ, и вліянію мѣстныхъ греческихъ колоній на полукочевой—полуосѣдлый агрегатъ народностей востока Европы, получившій общую кличку Скиновъ-Сарматовъ. Не касаясь этнографической стороны вопроса о тѣхъ и другихъ, — мы считаемъ долгомъ посвятить только ихъ могиламъ нѣсколько словъ. Изъ всего, что извѣстно намъ о скинахъ и сосѣднихъ имъ народностяхъ, можно вывести заключеніе, что господств. территоріей ихъ погреб. сооружений—по самымъ географическимъ условіямъ—движенія населеній этого времени изъ Азіи

въ Европу—должны были быть новороссійскія равнины,—откуда только ужъ позже эллино-скинская культура проникла на сѣверъ, захвативъ и полосу-лиственныхъ лѣсовъ (не переходя однако къ сѣверу за 50-ю параллель).

Дѣйствительно, среди всѣхъ мѣстностей территоріи Восточной Европы, археологическая эксплуатація которыхъ можетъ разсчитывать привести къ самымъ богатымъ для науки результатамъ, безспорно первое мѣсто занимаетъ Новороссія, могильныя насыпи которой, покрывающія почти непрерывной сѣтью привольныя степи нашего юга, доставляли до сихъ поръ самую крупную долю древнихъ остатковъ, сохранившихъ намъ память объ отдаленной старинѣ. Давно уже наука признала, что южно-русскія степи это громадный и доселѣ неначертанный первый томъ исторіи не только одной Россіи, но и большинства странъ Запада, — громадное поприще для изслѣдованій европейскихъ антропологій, этнографіи и археологій. Безспорно, обширный край отъ низовьевъ Волги и предгорій Кавказа до Чернаго моря, за Днѣпръ, Бугъ и до Дуная и Карпатъ всегда разсматривать должно какъ большую столбовую дорогу, по которой проходили чуть не всѣ народы^{*)}, передвигавшіеся изъ Азіи въ Европу, гдѣ притомъ многіе изъ нихъ проживали по долгу и даже заканчивали свой вѣкъ, исчезая подъ новыми, нахлынувшими на нихъ волнами народовъ.

^{*)} Античные *каммеріане*, скины, разные загадоч. племена Геродотовой географіи (меланхлены, тиссаеты, негры, будины и т. п.); сарматы, алланы, готы, печенѣги, половцы-татары; прошедшіе какъ-бы мимолетамъ гунны, авары, болгары, узы, угры и т. п., наконецъ осѣвшіе на этой территоріи и создавшіе не безъ вліянія со стороны всѣхъ этихъ элементовъ—славяно-русы.

Между тѣмъ, кромѣ отрывочныхъ (и сбивчивыхъ) извѣстій, разбѣянныхъ въ твореніяхъ греческихъ и средневѣковыхъ писателей, мы почти ничего не знаемъ объ этихъ народностяхъ съ подобающей наука — точностью; всѣ они какъ въ антропологическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ, такъ и, строго говоря, въ отношеніи археологическомъ доселѣ остаются загадкою въ ней, загадкою, которая можетъ быть разрѣшена изученіемъ покинутыхъ ими неизгладимыхъ слѣдовъ пребыванія, разрытіемъ южныхъ степныхъ кургановъ, изслѣдованіемъ сокрытыхъ тамъ череповъ, костиковъ и бытовой археологіи ⁴⁴). Что это дѣйствительно такъ, показываетъ тщательное топографическое и археологическое изученіе южно-русской степи. Изъ него обнаруживается, что во-первыхъ распределеніе земляныхъ насыпей на территоріи нашего Юга количественно неравномерно и во-вторыхъ, далеко неоднобразна и качественная сторона таковыхъ сооружений. Въ то время какъ встрѣчаемъ мѣстности, въ которыхъ лишь кой-гдѣ изрѣдка торчатъ курганъ или иная насыпь, — около нѣкоторыхъ пунктовъ степи замѣчается напротивъ особенно большое скопленіе подобныхъ могильныхъ памятниковъ, какъ бы свидѣтельствующее о томъ, что населеніе степи именно въ этихъ пунктахъ собиралось особенно охотно и кочевало въ большемъ количествѣ.

Не говоря о причинахъ такого явленія, для насъ еще невѣдомыхъ, нельзя умолчать, что оно вправдѣ навести на мысль о

⁴⁴) Въ изготавляемомъ нами «историческомъ очеркѣ Новорос. края въ связи съ программой VI-го арх. съѣзда» мы постараемся подробно коснуться значенія Новороссійскаго края въ наукѣ и главн. обр. задачъ мѣстныхъ археологіи и исторіи.

нѣкоторой территоріальной опредѣленности самаго населенія, въ связи, конечно, съ этнографическимъ его разнообразіемъ. Дѣйствительно, на нашихъ степяхъ мы встрѣчаемъ могилы не одного поколѣнія, не одного племени, а цѣлаго наслоенія народовъ, въ теченіи многихъ вѣковъ донаторической и исторической жизни края то безгласно исчезнувшихъ, то приобретающихъ имя и значеніе. Подтверждается это внѣшнимъ и внутреннимъ характеромъ мѣстныхъ могильныхъ насыпей, разнообразная внѣшность и содержимое которыхъ указываютъ на то, что онѣ сооружены не однимъ какимъ-либо племенемъ и не въ одно время ⁴⁵). Къ сожалѣнію, отсутствіе въ наукѣ археологической карты мѣстныхъ степей, равно минимальная доля въ археологіи, выпавшая на долю методическаго изученія южнорусскихъ кургановъ, лишаетъ возможности ориентироваться въ курганномъ лабиринтѣ Новороссіи. Списки кургановъ сдѣланы не повсемѣстно и не полно ⁴⁶), толковыя изслѣдованія и описа-

⁴⁵) О могилахъ въ Новороссіи каменной и бронзовой эпохъ мы мало говорили; подробности у *Забѣлина* Истор. рус. жизни т. I стр. 616. Резюме у *Богданова* Древ. киевляне по ихъ черепамъ и могиламъ (антроп. выст. т. III ч. 1 стр. 305...); импонируютъ надъ всѣми могилами «железа»; рядомъ съ бѣдными насыпями каменныхъ то безымянныхъ народовъ пастырей, не знавшихъ ни бронзы ни железа, возвышаются полныя драгоцѣннѣйшихъ памятниковъ эллинистической культуры гробницы скинскихъ царей, рядомъ съ могилой козака-запорожца торчатъ курганъ какого-либо наѣздника «тюрга» — Половчина, или иного малозвѣстнаго монгола.

⁴⁶) Среди немногихъ намъ извѣстныхъ указаній могилъ Россіи (см. приведен. выше литературу), для будущаго составителя археологической карты Россіи долгомъ считаемъ рекомендовать *списокъ* землян. насыпей, сдѣланный Н. Г. Керделли по матеріаламъ, собраннымъ В. И. Мочульскимъ (къ сожалѣ-

нія едва-ли могутъ быть выражены въ какомъ-либо процентномъ отношеніи ко всему числу раскопанныхъ погребальныхъ памятниковъ, а тѣмъ болѣе ко всей цифрѣ насыпей края, доселѣ невѣдомой⁵⁷⁾. Отсюда вытекаетъ полнѣйшая пока невозможность общей для всего края характери-

нію устарѣлымъ и неопредѣленнымъ въ археологическомъ отношеніи), напечатанный въ Труд. Антр. Отд. Имп. Моск. Общ. Люб. Ест. зн. 2 в. 1 стр. 50 (томъ «Извѣстій» XX).

⁵⁷⁾ Хотя раскопки начаты въ Новороссіи еще чуть-ли не въ концѣ прошлаго столѣтія (напр. на Тамани генер. ванъ-дербъ Вейде; случайно даже раньше генер. Мельгуновымъ 1763. «Кучеровы буераки» у р. Ингульца; акад. Келера 1804, полк. Парочки 1817 etc), но къ сожалѣнію были слишкомъ разрозненны какъ по мѣсту, такъ и по времени. Серьезнѣе по результатамъ начались археологическ. эксплораціи съ 30-хъ годовъ: знаменитый съ царскимъ погребеніемъ курганъ «Куль-Оба» (земля пепла) у Керчи (столь варварски и съ неслыханнымъ нахальствомъ къ стыду жителей Керчи ограбленный и погибшій д. науки) раскопанъ въ 1831; въ 1836, 1842, 1845—7 на Тамани идутъ изслѣдованія Корейши и Ашина; находка Пуленовскаго сокровища (Древности ч. VI); 1851—3 раскопки г-на Перовскаго (см. ст. Бекера въ «Пропилеяхъ» т. III); въ 1853, раск. «Дуговой могилы» у с. Александрополя (Екатер. у. 50 верстъ отъ Дивпра, 30 отъ Базавлука) и «Близницъ» у с. Марьевки; въ 1860—«толстыхъ» могилъ Краснокутской (у станц. тог. имени въ 20 в. отъ Дуговой, на дорогѣ изъ Екатеринослава въ Никополь) съ «рабскимъ» курганомъ,—и у сел. Бѣленькаго (въ 4 вер. отъ Дивпра); въ 1861,—могилъ «Острой» (у с. Тогмаковки). «близницъ слоновскихъ» и «каменной» (всѣ въ Екатер. губ. см. Отчетъ Арх. Ком. за 1859—63, и въ «Древн. Герод. Скиеи» в. I); въ 1862—3 Забѣлинымъ толст. Чертомлыцкая могила (въ 20 вер. къ С.-З. отъ Никополя, на бер. Дивпра у выхода изъ Пороговъ, см. въ Отч. Арх. Ком. 1863) и др.

стики, а тѣмъ болѣе и классификаціи земляныхъ насыпей. Обыкновенно замѣчаютъ (?), что отличительными чертами кургановъ южнорусскихъ степей отъ могильныхъ сооружений средней и сѣверной Россіи являются: во-первыхъ, количественное ихъ преобладаніе (о чемъ уже говорилось въ началѣ замѣтки),—во-вторыхъ, (условно) топографическая сторона ихъ: могилы сѣверной Россіи расположены на возвышен. пунктахъ—вершинахъ холмовъ и взгорьяхъ, вблизи или по теченію рѣкъ и форму имѣютъ коническую, курганы южныхъ степей на первый взглядъ кажутся чуждыми гидрографическихъ и орографическихъ элементовъ (хотя нѣкоторые, преимущественно такъ наз. скинскіе—царскіе, лежатъ вблизи Днѣпра, а, судя по спискамъ Мочульскаго, многіе какъ будто цѣпью тянутся вдоль рѣчныхъ ложбинъ); наконецъ (не менѣе условно), отлична и внѣшняя наружность насыпей: курганы въ сѣверной Россіи рѣдко попадаютъ въ громадныхъ по размѣрамъ экземплярахъ,—курганы степнаго юга—значительной величины (одна площадка вершины Чертомлыцкаго кургана имѣла въ діаметрѣ 7 саж.)⁵⁸⁾ и отличаются формой болѣе плоской и кру-

⁵⁸⁾ См. Забѣлина «Древ. Скиеи въ ея могилахъ» в. 2 стр. 74, что объясняется по мнѣнію нѣкот. арх.—въ (см. Гатцука въ чт. М. Общ. Ист. Др. 1869, к. 4 и въ «Стар. Зем. Рус.») способомъ насыпки земли. На сѣверѣ могилы сыпали сразу (даже и для новаго покойника въ «семейн. курганахъ» подсыпали за разъ—отчего таков. обыкновенно продолговаты)—на югѣ (у кочевниковъ, черта замѣч. и у соврем. туркменъ) долгое время каждый нисходящій подбрасывалъ на могилу часть земли, взятой съ того мѣста гдѣ стоялъ,—почему около нѣкот. кургановъ здѣшнихъ не видно углубленій, откуда бралась земля. Лучшее, по нашему, объясненіе даетъ Геродотъ (IV кн. гл. 71—73 и др.).

гой»). Самые интересные для нас по

“) Размѣры кургана, какъ черта различія, пока, по нашему мнѣнію, симптомъ для классификаціи весьма неустойчивый (о чемъ ужъ и говорилось въ началѣ наст. замѣтки); притомъ далеко нерѣдки въ нашихъ степяхъ незначительные по размѣрамъ насыпи съ боками, ставшими съ теченіемъ времени подъ вліяніемъ природы степей и землед. культуры до того отлогими, что сама насыпь наконецъ почти приравнивается къ окружающей ее степной поверхности (въ Бахмут. уѣздѣ, наприм. у большой дороги на Екатеринославъ встрѣч. вокругъ больш. кургановъ нѣсколько весьма маленькихъ, отстоящихъ одинъ отъ другаго шаговъ на 26, каждый имѣетъ не болѣе одного аршина вертикальнаго возвышенія) Это дало поводъ, какъ извѣстно, прежнимъ ученымъ заподозрить въ таковыхъ насыпяхъ реальную могилу и полагать, что эти бугры найданы сурками или байбаками (см. Древн. Герод. Скиѣ. ст. Ф. Бруна. Опытъ соглаш. etc. стр. LXXI). Вотъ почему не можемъ не игнорировать дѣленія степныхъ кургановъ на «малые» (3—4 арш. въ отвѣсѣ), «средніе» (2—4 саж. высоты и до 100 саж. въ окружности) и «большіе» (10 саж. высоты и до 150 саж. въ окружности), равно какъ и дѣленіе, предлож. г. Мочульскимъ:—на *Скиѣскіе*, лежащіе на возвышенностяхъ (?), выражающіе тѣмъ религіозную идею приближенія къ небу и свѣтиламъ небеснымъ,—*Савроматскіе*, впазу эллиптическіе съ продольною осью, идущей отъ В. на З., причѣмъ запад. склонъ покатъ,—что дѣлалось (!) въ знакъ воспоминанія выхода ихъ съ Востока,—*Сторожевые*, обыкновенно встрѣчающіеся по одиночкѣ и очень рѣдко по два и по три вмѣстѣ (?),—*Номайскіе* (судя по описанію Мочульскаго,—не могилы, а городища особаго вида, извѣстн. въ народѣ по вѣншему сходству подъ кличкой «раскопана могила», «майданъ», татарское становище», и о котор. скажемъ въ своемъ мѣстѣ).—Вся эта классификація произвольная — ужъ потому, что и сарматы намъ пока столько же мало извѣстны, какъ и скифы и т. п., «сторожевѣ» же курганъ назовемъ по

археологическому значенію и богатству въ памятникахъ культуры желѣзнаго вѣкатъ изъ нихъ, обыкновенно самые большіе курганы, которымъ мѣстное населеніе (конечно, ради ихъ энормной вѣншности) даетъ названіе «толстыхъ могилъ». Представительницы по преимуществу «скиѣской эпохи», онѣ являютъ собою правильныя сооруженія, надъ которыми, очевидно, трудились много и долго руки, опытные въ земляныхъ работахъ, возводившія притомъ такія сооруженія по опредѣленному, строго обдуманному плану. Насыпаніе могилы производилось съ юга къ сѣверу; отъ этого, по естественной причинѣ, южный бокъ кургана становился всегда наиболѣе отлогимъ, а сѣверный наиболѣе крутымъ, такъ что въ большихъ насыпяхъ (напр., Чертомлыцкой и друг.) строители вынуждены были подкрѣплять этотъ бокъ рядами или гнѣздами камней, чтобы удержать въ отвѣсномъ положеніи почти рыхлую насыпь чернозема“). Вотъ почему одна изъ вѣншнихъ примѣтъ погребальныхъ скиѣскихъ кургановъ та, что бока такихъ громадныхъ могилъ обыкновенно бываютъ подперты снизу цоколемъ, ограждающимъ всю нижнюю часть насыпи снаружи, или обкладкой изъ громадныхъ каменныхъ плитъ, въ 4—5 арш. длины, иногда изъ камня-дикаря, слой кото-

праву лишь тогда, когда археолог. карта обнаружитъ дѣйствительность существованія въ расположеніи нѣкоторыхъ кургановъ новорос. степей стратегическаго смысла (средняя и «у-краинная» Русь сюда—не въ примѣръ).

“) Думаютъ, что этотъ способъ насыпанія могилъ не былъ случайнымъ, а напротивъ,—представляетъ неизмѣнное условіе, которое можетъ быть служило выраженіемъ вѣрованій, освящавшихъ, безъ сомнѣнія, каждый шагъ и каждое дѣйствіе въ обрядахъ, сопровождавшихъ похороны и самое сооруженіе подземнаго памятника.

раго у нѣкоторыхъ могилъ около сажени въ толщину (иногда въ мѣстностяхъ богатыхъ камнемъ каменные глыбы лежатъ и на вершинѣ кургана, напр. въ такъ наз. «Золотомъ курганѣ» близъ Керчи). Внутреннее строеніе скифскихъ могилъ Новороссіи, равно и погребальный ритуалъ (являющіеся изъ указан. выше раскопокъ) въ большинствѣ случаевъ не противорѣчаютъ, напротивъ, подтверждаютъ сказанія отца исторіи Геродота (кн. IV гл. 71—73).

Конструкція могилъ оказывается довольно сложной, схема ея вкратцѣ слѣдующая: земляная насыпь болѣе или менѣе значительной высоты (иногда до 10 саж.) и плотности (мѣстами чередующаяся ради статическихъ и консервативныхъ пѣлей съ камнемъ) прикрываетъ собой цѣлую систему построекъ, состоящую изъ одного или нѣсколькихъ большихъ подземельевъ, выкопанныхъ въ почвѣ или высѣченныхъ въ скалѣ (одной главной ямы—камеры въ центрѣ съ правильно окопанными и выложенными стѣнами и нѣсколькихъ боковыхъ, — иногда числомъ до 4-хъ, т. е. по одной въ каждомъ углу главной), соединенныхъ между собою правильно устроенными подземными ходами. Въ иныхъ могилахъ главная или центральная камера соединена особымъ потайнымъ ходомъ съ обширнымъ подземельемъ, находящимся въ сторонѣ отъ всѣхъ прочихъ гробницъ. Кроме того, иногда подъ верхнимъ склепомъ въ нѣкоторыхъ курганахъ входятъ еще и нижній, отдѣленный каменнымъ изъ плитъ поломъ (случается, что курганъ заключаетъ въ себѣ только одну камеру — чаще у западной стороны насыпи). Стѣны камеръ обшиты или каменными плитами, или (рѣже на южной территоріи, чаще на сѣверѣ) деревянными брусьями-досками (цементированными иногда глиной). Кровля камеръ представляетъ въ большинствѣ случаевъ интересный образчикъ свода цикло-

пической кладки (такъ наз. египетскаго стиля): она состоитъ изъ составляющихъ основаніе кургана каменныхъ глыбъ-плитъ (толщиною иногда въ 1 ф., а нѣрѣдко величинной не по силамъ и 15 человекъ), расположенныхъ въ квадратъ или въ кругъ (смотря по формѣ камеры) слоями (до 12 и болѣе), покоящимися одинъ на другомъ и идущими къ верху, постепенно сближаясь, благодаря постоянному выступу верхняго камня-слоя надъ нижнимъ; такимъ образомъ, сводъ получаетъ видъ опрокинутой воронки, идущей обратными уступами снизу вверхъ; заключается онъ наверху однимъ каменемъ-плитой (характер. примѣры—«Царскій и Золотой курганы» у Керчи). Сообщеніе съ внутренностью кургана возможно при посредствѣ спеціального прохода, крытой галлерей-корридора, называемой «шеей» (о каковой мы говорили уже въ «могилахъ каменнаго вѣка», встрѣч. напр. въ Даніи). Въ неразрытомъ курганѣ такой проходъ всегда старательно замаскированъ, что (при правильно-круглой формѣ многихъ кургановъ Новороссіи съ діаметромъ въ нѣск. сотъ футовъ) —представляетъ немало затрудненій въ дѣлѣ вскрытія кургана (въ «Золот. курганѣ» входъ съ юго-восточной стороны). Входъ—корридоръ или «шея» состоитъ изъ двухъ параллельно идущихъ вертикальныхъ стѣнъ, вышиною почти въ сажень, сложенныхъ изъ тесанныхъ камней съ выпуклостью посрединѣ (см. «Царскій курганъ» у Дюбуа), на которыхъ лежатъ крышей гладко-обтесанные камни въ 2—3 аршина длины, 1 фут. вышины. Камни лежатъ по обѣ стороны одинъ на другомъ, уступами въ 2 вершка,—образуя такимъ образомъ нѣчто въ родѣ крыши или египетскаго свода;—вся постройка, суживаясь на нѣсколько саженей въ вышину, покрыта, наконецъ, горизонтально лежащими камнями (такой ходъ иногда около 30

шаговъ въ длину и 4-хъ — 5-ти сажень вышины).

Центральныя гробницы служили усыпальницами для тѣхъ лицъ, въ честь которыхъ воздвигались самыя курганы ⁴¹⁾. Въ боковыхъ—погребались кони, убитые на могилѣ покойника, а также и тѣ лица, которымъ назначалось сопровождать умершаго за предѣлы земной жизни; послѣднихъ впрочемъ чаще находятъ въ ближайшихъ къ главному кургану насыпяхъ-могилахъ, окружающихъ его и составляющихъ какъ-бы одну группу съ главнымъ. Онѣ несравненно меньше по размѣрамъ; представляютъ иногда цѣлыя кладбища (10—12 остововъ скорченныхъ, лежащихъ то навзничь, то на боку, въ бѣдныхъ гробахъ, расположенныхъ безъ всякаго порядка). Судя по матеріальному убожеству обстановки загробныхъ спутниковъ (мѣдныя наконечники копій, глиняныя грубыя горшки, обыкнов. рѣчныя раковины), — можно признать въ нихъ рабовъ умершаго владыки. Что касается этого послѣдняго, то онъ покоемъ (иногда рядомъ съ женщиной) на возвышенныхъ ложахъ въ деревянныхъ (раскрашенныхъ) гробахъ. Въ одномъ и томъ-же курганѣ встрѣчается часто по нѣскольку гробовъ, въ расположеніи которыхъ трудно замѣтить какой-либо порядокъ или симметрію. Они расположены то по одной, то по другой сторонѣ кургана и имѣютъ между собою то общее, что въ каждомъ гробѣ находится по одному скелету. Въ каменныхъ склепахъ

⁴¹⁾ Замѣчено, что всѣ гробничныя ямы одинаково копались до известнаго слоя *бѣлой* глины, который всюду въ Приднѣпровьи лежитъ подъ слоемъ чернозема, слоемъ желтоватой и слоемъ красноватой глины, иногда на 2½, иногда же и на 6 саж. глубины отъ поверхности степи. И въ этомъ условіи погребенія замѣчаютъ тоже одну изъ обрядовыхъ подробностей погребенія скинскихъ владыкъ.

людей богатыхъ съ явными слѣдами эллинизированной культуры встрѣчаемъ каменные (мраморные) саркофаги (Керчь). Въ формѣ гробовъ много разнообразія, и изученіе съ художеств. и археологической сторонъ каждого могло-бы привести науку къ любопытнымъ выводамъ. Самыя большіе и грубѣйшіе кажутся намъ древнѣйшими. Всѣ они имѣютъ видъ ящика и такъ просторны (1 — 1½ арш. вышины, 1 арш. ширины, 2—3 арш. въ длину), что въ нихъ могли-бы помѣщаться трое или четверо покойниковъ; въ больш. случ. — безъ крышекъ. Стороны гробовъ не суживаются ко дну, какъ въ нынѣшнихъ, но сдѣланы подъ прямымъ угломъ и болѣе шпирство въ одинаковомъ разстояніи и у головъ, и у ногъ покойниковъ. Гроба отличаются не только формою, но и матеріаломъ: нѣкоторые—изъ кедра, другіе изъ кипарису, можжевельника. Дерево часто такъ хорошо сохранилось, что гробы могли бы годиться еще и теперь. Наружная сторона досокъ, по больш. части, гладкая, но попадались и гробы, украшенные рѣзбою ⁴²⁾.

Находки: несожженные костяки людскіе (мужскіе и женскіе) и коней. Утварь назидническаго быта (конская збруя и уборъ, стѣльный нарядъ, желѣзное удило, съ золот. украшеніемъ, даже остатки желѣзной погребальной колесницы), а самъ цѣнное—предметы богатой эллино-скинской культуры, отличит. черты которой: золотыя украшенія съ вытиснутыми на нихъ характерными изображеніями (грифоновъ, драконовъ, олсней, львовъ, зайцевъ, собакъ, птицъ и пр.) и съ узорами, состоящими изъ спиральныхъ линій, черточекъ и точекъ, соединенныхъ въ треугольники и т. п.;—золотые (рѣдко серебряные) обручи, кольца, серьги (греческой работы) и бляхи съ изображеніями, нашивавшіяся

⁴²⁾ Напр. найден. въ Керчи (см. *П. Беккеръ* «Керчь и Тамань» въ «Пропилеяхъ» т. III).

на платье; утварь (бронзовые чаши и ведерца, рога для питья, блюда, ложки, котлы для варки на высокой ножке съ ушками, крынки, терракотовая посуда покрытая лакомъ, большія глиняныя амфоры для вина, бронзовые зеркала); оружіе (бронз. наконечники стрѣлъ и копій, *железные* мечи съ золотыми украшеніями напр. на рукояткахъ), ножи (съ костян. ручкой), съ «мусатомъ» (точильнымъ камнемъ въ видѣ небольшой палочки), остатки брони, состоявшей изъ желѣзныхъ пластинокъ, нашивавшихся на одежду.

Въ скинскихъ могилахъ желѣзо фигурируетъ какъ и бронза, золото преобладаетъ надъ серебромъ (послѣднее почти не встрѣчается). Великолѣпіе погребенія въ царскихъ гробницахъ еще усугублялось модой увѣшивать стѣны подземелья великолѣпными одеждами, покрытыми множествомъ нашитыхъ на нихъ золотыхъ бляхъ (послѣднія отысканы въ кучѣ перетлѣвшихъ одеждъ, между тѣмъ въ стѣнахъ подземелій открыты и тѣ крючья, на которыхъ висѣли одежды ⁴¹). Большинство предметовъ принадлежитъ къ произведеніямъ греческаго искусства, блестящей поры IV—III и др. вѣк.; есть не мало предметовъ, еще необъясненныхъ (фигуры грифовъ, крылатыхъ львовъ, кабановъ etc, раковины и челюсти какихъ-то маленькихъ животныхъ, нанизанныя на ремешки, обдѣланныя въ золото медвѣжьи когти, что все, можно догадываться, играло роль амулета).

Съ хронологической стороны большинство могилъ «скинской эпохи» разсматриваемого нами типа на основаніи особенностей стили въ произведеніяхъ эллино-скинского искусства, въ нихъ находимыхъ, а

⁴¹ Забыли въ «скинскія въ своихъ могилахъ» (633). гдѣ прекрас. сводъ всего, что добыто археологическою наукой по отношенію къ скинамъ.

главн. образ. на основаніи найденныхъ монетъ, надгробныхъ плитъ и погребальныхъ сосудовъ съ надписями, несомнѣнно относятся къ періоду времени съ IV вѣка до Р. Х. по IV-е послѣ Р. Х. Что-же касается ихъ распространенія, то территория его весьма обширна: встрѣчаемъ скинскіе курганы у береговъ Дуная, Днѣстра, Южнаго Буга, Днѣпра, Конскихъ Водъ, Ингула, Базавлука и Дона; всего скученнѣе они въ губ. Екатеринославской, частью Херсонской и Таврической (вообще въ мѣстностяхъ упоминаемаго Геродотомъ Герросса — спеціального мѣста погребенія скинскихъ царей ⁴²), менѣе въ Бессараб-

⁴² Геродотовъ Герросъ одни ученые видятъ въ мѣстности ниже пороговъ, насупрот. Николая, гдѣ окрестности сел. Малой-Знаменки (Таврич. губ.) покрыты буграми, между которыми и теперь еще видны слѣды искусств. холмовъ, водоемовъ и окоповъ, а въ пескѣ находятъ въ чрзвыч. множествѣ остатки древн. глиняной посуды, кости человѣческія и домаш. животныхъ, древн. монеты, золотыя кольца, пуговицы, бляшки греческ. работы съ рельефн. изображеніями. Другіе—пріурочиваютъ Герросъ къ такъ наз. «Бѣлозерскому городку», въ 9 верст. ниже М. Знаменки, гдѣ и доселѣ сохранились высокіе валы и глуб. рвы, ограждающіе небольшую площадь, усаивную курганами. Около этого городка стояли 4 кургана значит. высоты, а не въ дальн. оттуда разстояніи, по горѣ, идетъ цѣлый рядъ больш. кургановъ, обвѣщающихъ обильную жатву будущимъ изслѣдователямъ, судя потому, что окрест. жители уже находили въ городкѣ и въ курганахъ золот. украшенія, конск. сбрую и больш. глин. сосуды, подоб. греческ. амфорахъ (см. Древ. Герод. Склеин, в. 2, ст. Ф. Бруна LXXVII; также *Вертепьянъ* Описаніе Бѣлозер. городка. Зап. Од. Общ. И. Др. т. IV). Наконецъ иные указываютъ на Приднѣпровск. степь выше пороговъ (Екатер. губ.), весьма богатую высок. и больш. могилами. на сыпцями, какъ на мѣстность классич. Герросса и вѣют. счастья. находки при раскопкахъ въ

ской, Харьковской, Зем. Войскъ Донскаго и Черноморскаго, напр. Тамани. Приближаясь къ губерніямъ Курской, Черниговской и Волини ⁶¹⁾, они становятся рѣже, хотя встрѣчаемъ ихъ еще не мало въ губерніи. Кіевской ⁶²⁾, отчасти Подоліи и Полтавской ⁶³⁾. Сѣверная граница ихъ распространѣнія, за которой онѣ намъ неизвѣстны—50 параллель, — вообще граница «лѣса» и «степи». Хотя устройство и со-

этой мѣстности не даютъ права игнорировать и этотъ районъ.

⁶¹⁾ Единствен. памъ извѣст. курганъ, этого типа на Волини—«Маруша» (Дубенск. уѣзда у м. Берестечка, доселѣ не разрытъ). Раскоп. г. Піотровскимъ могилу надъ р. Ушемъ въ Овруч. у., носящ. назв. «Игорева», хотя и весьма схожую по конструкціи съ Черепатиной, не знаемъ должны-ли причислить къ скинской эпохѣ или къ позднѣйшей «Славянской», въ виду не ясныхъ указаній на предметы находокъ (Kraszew. Sztuka u Slow. 81; здѣсь указаны между проч. подобные курганы и въ друг. мѣстахъ Украйны).

⁶²⁾ Звенигород. у. сс. Петриковки и Ромейковки, — Каневск. у. сс. Пищальники и Лазурцы, — с. Петрика, — с. Яблоньки («Острая мог.»), Васильк. у. знам. «Черепатица»; Чигирин. у. с. Осоты, также въ у.—хъ Черкасск. Таращанск. Сквирск. (напр. у м. Романовки) вообще по теченію Роси, также ряды ихъ между Васильк. и Бѣл.-Церковью (Антропол. Выст. т. 3 ч. I 338... Самоковасовъ).

⁶³⁾ Не менѣе слѣдовъ скинской эпохи сохранилось и на восточной сторонѣ Днѣпра, гдѣ проф. Самоковасовъ насчитываетъ до 20 могилъ, по размѣрамъ своимъ почти соответствующихъ «царскому кургану» подъ Керчью и Чертомлыцкому въ Новороссіи, какова напр. находящ. въ Роменск. у.—ѣ у с. Аксютинецъ («Старшая мог.» которую пытался раскопать г. Кибальчичъ), — Медвѣжьяго («Веселая мог.») у сс. Малые-Будки, Волковцы, Плавшинцы, Смиѣе и др. (Самоков. *ibid*), хотя археолог. изслѣдованія тутъ только что начаты и археологич. богатства мало извѣстны.

держаніе многихъ изъ таковыхъ могилъ не степной полосы, а право-бережной и лѣво-бережной Украйны до такой степени сходны съ устройствомъ и содержаніемъ новороссійскихъ могилъ, босфорскихъ (керченскихъ, таманскихъ) и ольвійскихъ, что не можетъ быть сомнѣнія въ принадлежности тѣхъ и другихъ одной исторической эпохѣ, но мѣстные условія (въ томъ числѣ вѣроятно и этнографическія) не остались безъ вліянія на характеръ памятниковъ, внеся нѣкоторыя особенности въ детальныя черты какъ со стороны ихъ конструкціи, такъ и со стороны погребальнаго ритуала. Черты особенностей могилъ «скинской» эпохи въ юго-западной Руси и Малороссіи, на основаніи памъ извѣстныхъ экземпляровъ, возможно имѣть слѣдующія: *по размѣрамъ* — меньше скинскихъ Новороссіи — отъ 4 арш. высоты при 15 саж. окружности у подошвы (Петриковка) до 25 арш. высоты и 100 саж. окружн. (Аксютинцы «Старшая могила»). Окружающія нерѣдко (какъ и въ Новороссіи) большой курганъ кольцо или группа маленькихъ не достигають часто въ вышину и сажени; *по конструкціи* — земляныя; каменный цоколь при основаніи извѣстенъ только въ двухъ случаяхъ (Петриковка, гдѣ до 1½ арш. толщины, Пальчики; быть можетъ существовалъ и въ другихъ, но утилизированъ на постройки мѣстнымъ населеніемъ). Иногда большіе курганы обведены охранными рвами. Каменная камера, преобладающая въ Новороссіи и встрѣчающаяся въ Галиціи, Польшѣ (Мѣднєвицахъ, Волъ Ростокской у Калиша), Силезіи (Сулау), Лужицкой Сербіи ⁶⁴⁾, встрѣчается рѣже; или камень въ строительномъ матеріалѣ употребленъ наравнѣ съ деревомъ (Черепатица, «Игорева могила») или-же вся камера

⁶⁴⁾ Kraszew. стр. 67, 72—3, 83 и др.

является древеснымъ срубомъ, иногда только погребомъ, обнесен. дерев. частоколомъ съ кровлей изъ такихъ-же брусевъ или изъ досокъ съ слоемъ глины: (Пальчики и Гончариха, Перепятиха, Стебне и Ольховцы, Ольшанка и Лоситинцы, Лазурцы и Пищальники, Яблоновка—«Острая» — Аксютинцы); дно гробницы иногда—просто политый известью слой глины (Острая). Малые курганы, окружающіе большой, встрѣчаются—то-же камерные и обложены деревомъ, но есть и просто съ ямами (III-го типа безъ камеръ). Сравнительная непрочность древесной камеры служить причиной происхожденія особенной вѣшней черты въ камерныхъ скинскихъ могилахъ вообще (а въ Украинѣ въ особенности),—всегда указывающей изслѣдователю на камерный типъ могилы, а слѣдовательно и на возможность въ ней находокъ. Мы говоримъ о такъ называемыхъ «*Чубатыхъ могилахъ*» (у Фундуклея—II-ой разрядъ украинскихъ кургановъ), въ сущности тѣхъ-же «скинскихъ», но подвергшихся въ своихъ обведенныхъ формахъ съ теченіемъ времени значительной модификаціи⁴⁹). Именно, прежде высокій, крутой (съ винтовымъ по необходимости всходомъ), островершинный конусъ скинского кургана, съ теченіемъ времени понизившійся и удлинившійся, получаетъ еще видъ усѣченного, съ обведенной валикомъ впадиной на вершинѣ, изъ средины которой торчитъ хохоломъ (чубомъ) прежняя верхушка кургана. Нѣкоторые изъ прежнихъ археологовъ принимали чубатые могилы за особый типъ кургановъ юга Россіи, иные считали ихъ обведенными, но уже обысканными, подвергшимися вертикальной раскопкѣ.

⁴⁹) Примѣръ «Чубатой могилы» напр. у м. Битячева, Киев. г. (Тр. Автр. Отд. кн. 2, в. 1. «Извѣст.» Моск. общ. естест. т. XX рео. Волошинскаго «киевск. курганы»).

Теперь убѣдились, что курганы съ углубленіемъ—впадиной и хохломъ на вершукѣ, въ сущности, не тронуты человекомъ, и что углубленіе на верху произошло отъ обрушившагося во внутрь могилы-камеры свода, черезъ подгнившіе отъ времени опорные столбы или каменного склепа, или древеснаго сруба (Перепятиха, Яблоновка). Содержимое чубатыхъ могилъ въ силу этого, въ большинствѣ случаевъ, извлекается въ поврежденномъ видѣ. Въ топографическомъ отношеніи расположеніе «скинскихъ» могилъ въ Украинѣ также слабо констатировано, какъ и въ Новороссіи; кажется, что всего чаще встрѣчаются они какъ «особняки» (нѣкоторые окруженные, какъ и въ Новороссіи, кольцомъ или группою небольшихъ могилъ (Перепятиха и др.).

Содержимое: погребеніе преобладаетъ по «похоронному» обряду (костики не сожженный: Перепятиха, Петрикровка - Ромейки, Осоты, Яблоновка, Аксютинцы), хотя встрѣчаются (значительно рѣже) и могилы съ сожженіемъ (Лазурцы, Пищальники, Петрики, Яблоновка-«Острая», Аксютинцы), равно (еще рѣже) совместно и тотъ и другой обрядъ (Перепятиха, Яблоновка). Въ одномъ случаѣ (Аксютинцы-Медвѣжье) открыто большое кострище съ остатками трупосожженія—характеризующее обыкновенно уже «славянскую» пору. Въ первомъ случаѣ чуть-ли не всеобщее погребеніе — ниже горизонта (Петрикровка-Ромейковки, Игорева могила, Яблоновка, Аксютинцы и др.); кости лежатъ головами къ западу въ деревянныхъ гробахъ (Перепятиха, Игорева могила и др.), часты также слѣды погребенія покойника съ животными (лошадами—Перепятиха, Яблоновка-«Острая», «Игорева могила»); встрѣчаются какъ остатки погреб. трезны кости барана, гуся, утки, яичную скорлупу («Острая»). Коллективное погребеніе (съ

спутниками, или «фампльные склепы») не рѣдко (Петриковка, Перепятиха, «Игорева могила»). Что касается вещественныхъ находокъ, то бронза-мѣдь не преобладаетъ только въ украшеніяхъ (гдѣ раздѣляется свое мѣсто съ золотомъ: Петрики, Перепятиха, Осота, Яблоновка-Острал), но встрѣчается и въ пластикѣ (статуетки: Осоты, Яблоновка), утвари (сосуды: Пищальники, Яблоновка-Острая, Петрики), колокольчики (Осоты), оружіи: остріи копій, бронзов. и электров. наконечники стрѣлъ (Перепятиха, Острая, Яблоновка). Серебра не встрѣчаемъ вовсе или очень рѣдко (въ украшеніяхъ: бляхи, спиральн. проволоки: Перепятиха, Яблоновка). Находимъ также стекло и благор. камни въ бусахъ (Перепятиха, Острая, Яблоновка), мышьяковистую краску и пр.

Желѣзо встрѣчается вездѣ и преобладаетъ въ орудіяхъ и утвари. Предметы керамики, особливо греческ. амфоры и урны-вазы съ изображеніями (Пищальники, Яблоновка, Острая), терракотов. блюда (ibid.), простыя глиняныя пепельницы съ каменными подставками въ цѣломъ видѣ или въ ломѣ встрѣчаемъ почти во всѣхъ выдающихся могилахъ этой эпохи.

Какъ и въ Новороссіи (но сравнительно скуднѣе и въ количествѣ, и въ качествѣ), издѣлія носятъ и здѣсь характеръ богатой эллино скиѣской культуры (Пищальники, Петрики, Аксютинцы), что замѣчается даже на реаліяхъ малыхъ окружающихъ большой кургановъ, хотя въ послѣднихъ содержимое и количественно, и качественно бѣднѣе. Оно и понятно: «чѣмъ значительнѣе и богаче былъ покойникъ (говорить знатокъ нашихъ древностей И. Е. Забѣлинъ), тѣмъ больше сокровищъ хранилось съ нимъ въ землю, тѣмъ огромнѣе насыпалась и могила, а потому очень натурально, что наиболѣе важныя и блистательныя открытія ожидаютъ изслѣдователи

только въ курганахъ самой большой величины».

Культурная солидарность Новороссіи съ Приднѣпровьемъ въ этомъ случаѣ простирается, помимо кургановъ, еще и на другіхъ представителей погребальныхъ сооружений, хотя-бы, напримѣръ, на такъ называемыя *катакомбы*, греко-римской поры, встрѣчаемыя въ достаточномъ количествѣ на югѣ Россіи (напр., въ Митридатовой горѣ подъ Керчью и на Тамани у станціи Сѣнной, у дороги, ведущей отъ Фанагорійскаго городища въ такъ называемую «аллею кургановъ»). Онѣ, какъ извѣстно, представляютъ подземныя комнаты, вырубленныя въ скалѣ (песчаникѣ) или въ материкѣ, обособленныя или въ количествѣ 2-хъ или 3-хъ и болѣе, соединенныхъ небольшими отверстіями; въ каждой находимъ особыя возвышенія въ родѣ лежанки (напоминающія въ цѣломъ отчасти *loculus* съ *arcosolium* въ *cubicula* хъ римскихъ катакомбъ) длиною въ 3 ар., шир. $1\frac{1}{2}$ арш. и $\frac{1}{2}$ арш. вышиной, предназнач. для помѣщенія покойника безъ гроба (съ характерными углубленіями въ стѣнѣ надъ серединою всякаго ложа для урны, лампы или чего-либо подобнаго). Тогда какъ фампльныя катакомбы богатыхъ особъ (иногда до 2-хъ саженой высоты—съ египетскимъ сводомъ) сложены изъ правильныхъ камней и выштукатурены подъ роспись фресками, и притомъ остоны покоятся въ деревянныхъ гробахъ (числомъ въ пещерныхъ катакомбахъ — до 40), — катакомбы бѣдняковъ зачастую—просто ямы,—вырубленныя въ скалѣ или вырытыя въ землѣ,—засыпаны послѣдней, иногда прикрыты плитами, а иногда сложенными надъ ними изъ кирпича возвышеніемъ въ родѣ крыши. Найденныя въ Кіевской Украинѣ катакомбы (у с. Осоты Чигирин. уѣзда и у с. Рушковки Звенигородскаго), хотя несравненно грубѣе и отчасти своеобраз-

нѣ по стѣлю (яма въ материковой глинѣ съ нишей и катакомбой въ видѣ бочки, съ лежанкой въ сторонѣ), но съ архитектурной стороны—безспорно принадлежать къ той-же категоріи сооружений⁷⁰⁾. Дѣйствительно, не смотря на исчезаніе могильныхъ памятниковъ отъ распахки и—на исконныя и по сей день совершаемыя изъ нихъ расхищенія научныхъ цѣнностей разными *«копачами изъ драбовъ, ищущими по городищамъ и селищамъ обручей и перстней»*⁷¹⁾, все, что до сихъ поръ найдено въ разсматриваемыхъ нами могилахъ Украины и Малороссіи, до такой степени сходно съ древностями керченскихъ кургановъ, что невозможно сомнѣваться въ принадлежности ихъ народу того-же историческаго періода и той-же по роду и времени цивилизаціи⁷²⁾, фактъ, дающій поводъ къ нѣкоторымъ соображеніямъ. Далеко не малочисленные слѣды этой античной гражданственности на нашей территоріи устраняютъ всякую возможность толковать ихъ генезисъ только случайнымъ заносомъ съ юга купцомъ Эллиномъ колонистомъ, или (какъ это нѣкоторые думали и что еще болѣе странно) обратнымъ движеніемъ съ запада Европы на востокъ познаковавшихся съ Римомъ варваровъ Аланъ; въ то-же время о коллективныхъ поселеніяхъ (колоніяхъ) грековъ въ предѣлахъ Малороссіи ничего

⁷⁰⁾ Находки въ нихъ: человѣческіе остоны, аморы: электроны и костяные наконечники стрѣлъ и мелкія желѣзныя издѣлія (подробн. см. у Фундуклея «Опис. город.» стр. 4; — Кразев. стр. 99—100; Тр. III Арх. С—да т. 2. реф. Д. Люденки).

⁷¹⁾ Жалоба епископа Каневскаго въ Метрію Литовской кн. VI въ описаніи Каневскаго замка 1545 г.

⁷²⁾ Единственные предметы—скифскихъ кургановъ Украины, не встрѣчаемые въ могилахъ Босора это привѣски изъ костей медвѣдя, зубовъ волка и вепря (игравшіе, можно догадываться, роль амулетовъ), каменные тарелки, желѣзныя кирпичи и т. п.

не говорятъ намъ древніе писатели. Вотъ почему нельзя не согласиться съ предположеніемъ проф. Самокусова, что въ первыхъ вѣкахъ нашей эры туземные обитатели Приднѣпровья не были дикии варварами въ такой степени, какъ это до сихъ поръ предполагалось. Раскопки доказываютъ намъ, что въ то время, какъ сѣверо-западъ Европы занимали народы, довольствовавшіеся каменными и бронзовыми орудіями, обитатели черноземной области Приднѣпровья уже знакомы были съ употребленіемъ желѣза, земледѣіемъ и различными предметами роскоши, получавшимися отъ грековъ путемъ торговли. Можетъ быть азіатскіе переселенцы эпохи великаго переселенія народовъ произвели въ Приднѣпровьи такое-же опустошеніе страны, какое произведено было вторично монголами въ XIII столѣтіи. Оставшаяся часть населенія уже не имѣла возможности вести сношенія съ бывшими центрами европейской культуры, а новыя колонисты принесли съ собою между тѣмъ новыя формы оружія и орудій домашняго быта, новыя формы украшеній и рисунковъ на нихъ и новыя обряды погребенія покойниковъ, дающіе намъ возможность отличить въ могилахъ желѣзнаго вѣка курганы отжившей «скифской» эпохи отъ кургановъ наступившей эпохи «славянской»⁷³⁾.

Могилами «славянской» эпохи поэтому называемъ тѣ погребальныя насыпи желѣзнаго вѣка, которыя какъ по территориальнымъ условіямъ (отъ Эльбы до Дона, отъ Балтики до Черноморскихъ стѣней), такъ и по содержанию въ нихъ представляютъ черты культуры различныхъ народностей, заселившихъ восточную Европу со времени великаго переселенія наро-

⁷³⁾ Самокусовъ «Веществ. памятники древности въ предѣлахъ Малороссіи» (Антропол. Выст. т. III ч. 1, стр. 317).

довъ, т. е. въ періодъ съ VI-го и по X вѣка послѣ Р. Хр., среди которыхъ на основаніи письменныхъ данныхъ въ связи съ фактами, добытыми археологіей нельзя не узнать и черты славянскія. Не смотря на то, что вообще памятники «славянской» эпохи относятся къ историческому періоду, отъ котораго сохранились болѣе точныя и обстоятельныя извѣстія писателей объ обитателяхъ восточной Европы, нежели какія были у насъ о томъ же предметѣ за «скиѣское» время, однако общая характеристика погребальныхъ памятниковъ эпохи, а тѣмъ болѣе частное выдѣленіе исключительно славянскихъ могилъ изъ среды современныхъ инородческихъ дѣло велегкое. Причиной этого явленія великое разнообразіе въ характерѣ памятниковъ, происходящее изъ факта совместнаго жительства на одной территории съ славянами многочисленныхъ не-славянскихъ народовъ, въ свою очередь поклававшихъ за собой тѣ или нныя могильныя сооруженія. Отсюда общими чертами отличія погребальныхъ насыпей «славянской» эпохи отъ «скиѣской» будутъ только: во-первыхъ, по *конструкціи*—преобладаніе сооружений II-го типа (безъ камеры, — съ ямой, иль даже и безъ этой) надъ I-мъ—(камерныхъ могилъ), — во-вторыхъ, сравнительное со скиѣскими измѣльчаніе въ *размѣрахъ* (рѣдко доходящихъ до величинъ «среднихъ» скиѣскихъ могилъ), — въ третьихъ, *топографическое* расположеніе не особнякомъ, а въ большихъ случаяхъ группами — кучами («кладовищами», «могильниками»). Ихъ *территоріи* затѣмъ передвигаются отъ кочевыхъ черноморскихъ степей въ земледѣльческія полосы черноземной и песчано-лѣсистой восточно-европейской низменности, притомъ въ мѣстностяхъ, всего болѣе сгустившихъ населеніе (западная окраина славянскихъ поселеній—Польша etc), земляныя насыпи рѣдѣютъ и

смѣняются простой ямой въ материкѣ или глинянымъ «горшкомъ—гробомъ» (обособленной урной). Погребальный ритуалъ «сожженія» беретъ верхъ надъ похороннымъ. Но всего рельефнѣе черты отличія выступаютъ въ комплектѣ вещественныхъ предметовъ погребальной обстановки: по содержанію могилы «славянской» эпохи отличаются отъ могилъ «скиѣской» обиліемъ вещей, почти никогда не встрѣчающихся въ «скиѣскихъ» курганахъ, какъ напр., *железные* удила, стремени, сабли и наконечниковъ стрѣлъ, ножей, топоровъ, шлемовъ съ остроконечными шишаками, кольчугъ, земледѣльч. орудій—серповъ, а также обиліемъ *серебра*, (рѣдко встрѣчающагося въ насыпи скиѣской эпохи). За то въ славянскихъ курганахъ отсутствуютъ бронзовые наконечники стрѣлъ и бронзовые зеркала, узорчатая терракотовая посуда, покрытая лакомъ, золотыя украшенія съ характерными скиѣскими изображеніями грифовъ, оленей, зайцевъ и собакъ, обыкновенныхъ въ могилахъ предшествующей эпохи. Наконецъ въ нумизматикѣ кургановъ—въ эпоху «скиѣскую» преобладаютъ греко-римскія монеты, — въ эпоху «славянскую» — византійскія и восточныя (самнидскіе диргеми) и проч. Но и въ этомъ случаѣ не всѣ черты отличія эпохи—выпадаютъ на долю только славянскихъ зодчихъ, наука еще не въ силахъ быть непогрѣшимымъ судіей въ эт. вопросѣ, — пока она только дѣлаетъ попытки, которыя болѣе или мѣнѣе уже увѣнчались успѣхомъ. Дѣйствительно, намѣчены многія изъ могилъ несомнѣнно славянскаго происхожденія, которыя, хотя и представляютъ значительное разнообразіе въ связи съ племенными особенностями и территориальными условіями славянскихъ народностей, но, судя по изысканіямъ профессоровъ Антоновича, Богданова и Самокурасова, могутъ быть отчасти ужъ сведены къ слѣдующимъ типамъ:

а) сѣверянскому (съ могилами безъ камеръ, иногда съ ямой, — съ сожженіемъ и слѣдами его выше уровня горизонта), господствующему на территоріи этого славянскаго племени (бассейнахъ рр. Десны, Сейма, Сулы и пр.). Исследовавшій ихъ проф. Самоквасовъ группируетъ сѣверянскіе курганы въ 3 вида: 1) *курганы съ кострищами* (на основной насыпи 50—200 арш. въ окружности—кострище съ сожженнымъ покойникомъ, оружіемъ и предметами быта, засыпанное слоемъ земли съ поставленнымъ на немъ горшкомъ съ костями сожженаго жертвеннаго животнаго, въ свою очередь прикрытымъ цѣлой насыпью кургана;—по всему видно могилы богатыхъ лицъ;⁷¹⁾ 2) *курганы съ погребальными сосудами* (земляной холмъ 1—3 арш. высоты; внутри насыпи — только одинъ или нѣсколько горшковъ съ перегорѣвшими человѣческими и домашн. животныхъ костями и остатками украшеній; иногда рядомъ пустые сосуды съ землею, поставленные, думаютъ, съ пищей и питьемъ); 3) *курганы съ несожженными остовами* (насыпь—до 3 арш. прикрываетъ яму въ матеріи на глубинѣ 1—3 арш.; въ послѣдней остова съ вытянутыми ногами, головой на западъ, руками на груди, съ признаками деревяннаго гроба; украшенія бѣдны); въ сравненіи съ «курганами-кострищами»—многочисленны (составляя кладбище 20—500 насыпей); можно въ нихъ видѣть—могилы черни, бѣдняковъ⁷²⁾;

⁷¹⁾ Образецъ так. мож. служить «Черная Могила» въ Черниговѣ. Вообще находки въ эт. видѣ могилъ богаты и разнообразны (см. Антр. Выст. т. 3. ч. I. 349;—т. 2 в. 4. 180—95; Тр. Антр. Отд. Моск. Об. Люб. Ест. н. 2. в. 1).

⁷²⁾ Сѣверянскіе курганы 1-го вида встрѣчаются Самоквасовымъ подъ Черниговомъ, Сидневымъ, Стародубомъ (у с. Левянки), — 2-го вида тамъ же и кромѣ того въ Конотопскомъ

б) древлянскому — «похоронному» (т. е. безъ сожженія) съ положеніемъ костяка тоже выше уровня горизонта. Покойникъ клался на площадкѣ насыпи, по окружности которой ставились четыре камня (измельчавшая камера), два въ головахъ и два по сторонамъ. Костякъ лежить въ распростертомъ положеніи, на спинѣ, и по сторонамъ его видны восемь большихъ шляпокъ отъ желѣзн. гвоздей, воткнутыхъ въ землю; голова положена на кускѣ бересты. Въ ногахъ серпъ, съ правой стороны отъ него большое кольцо, а рядомъ съ протянутой лѣвой рукой ножъ и т. п. Мѣсто нахождения: Волинско—Кіевское полѣсья, — бассейны Припечи и Тетерева;

в) полянскому (?) «похоронному», но съ весьма своеобразнымъ ритуаломъ. Дѣло въ томъ, что территорія Полянъ, — другими словами, кіевская земля, какъ извѣстно, долго была ареной столкновений разноплеменныхъ народностей древней Россіи. Слѣдствіемъ этого—погребальныя здѣсь сооруженія представляютъ значительное разнообразіе, единичные экземпляры котораго аналогичны зачастую съ памятниками другихъ мѣстностей. Указать поэтому типъ погребальнаго обряда собств. полянскаго племени возможно только путемъ выдѣленія изъ среды аналогичныхъ типовъ еще особеннаго типа, въ другихъ у—хъ (у Любитова), Глуховск. (у с. Волокидино и противъ с. Ростовки) въ Сумскомъ у. (у с. Сѣтнаго), — 3-го вида въ Черниговск., Новоградсѣверск., Стародубск. и Переславскомъ у—хъ. Изложеніе доказательствъ славянской народности черниговскихъ кургановъ см. въ I т. Тр. III арх. с—да рефер. Самоквасова стр. 204; его же сообщ. о чернигов. раскопкахъ въ Антр. Выст. т. 2, в. 4, 213. Интерес. данныя сѣверян. курганографіи читатель встрѣтитъ еще въ реф. знатока чернигов. древн. Н. А. Константиновича (Тр. 3. Арх. С—да т. I 181).

мѣстахъ не встрѣчающагося и единственно присущаго кievской землѣ. Особенно-сти его: въ материкѣ вырывали яму, въ которую опускали покойника въ полномъ вооруженіи, притомъ усадивъ его верхомъ на копѣ. Последнему разбивали голову камнемъ (въ одномъ случаѣ найденъ камень даже внутри конскаго черепа) и сверху насыпали курганъ;

г) **поднѣстрянскому**, мало изслѣдованному (всего три случая)⁷⁶⁾. Каменный изъ плоть гробъ ниже пли на уровнѣ горизонта. Сверху земляная насыпь.

Къ той-же «славянской» эпохѣ насыпей желѣзнаго вѣка южной Россіи принадлежатъ еще погребальн. сооруженія нѣсколькихъ **неразгаданныхъ народностей** напр.: 1) найденныя въ Кievской г. Уманск. у—дѣ (въ семи мѣстахъ пока: курганной насыпи нѣтъ, — замѣнена цикломъ изъ эрратическихъ валуновъ, верхушки которыхъ торчатъ изъ земли. Въ центрѣ круга находятся костякъ, у ногъ котораго помѣщенъ узко-горлый сосудъ (мѣдный) съ носкомъ на подобіе чайника, но довольно значительныхъ размѣровъ (въ одномъ случаѣ вмѣстѣ съ чайникомъ найденъ восьмигранный мѣдный сосудъ съ дырочками и изображеніями евангелистовъ, — по всѣмъ признакамъ христiанская кадильница V—VI вѣка, вѣроятно похищенная племенемъ въ его набѣгѣ на какую-либо эллинизированную припонтийскую острѣлость юга Россіи, б. м. греческую колонію); 2) — въ Каневск. у—дѣ (той-же губ.—и) курганное кладбище у с. Россавы, напоминающее погреб. ри-

туаломъ — полянскій (невсокія насыпи съ могилами въ *материкѣ*, 3 арш. длин. 2 шир. 2—3 глуб.). Правую сторону ямы занимаютъ лошадинные остовы, положен. хребтомъ вверхъ, мордою вытянутые впередъ въ направленіи туловища и съ подогнутыми подъ него ногами; при нихъ желѣзные удила, стремяна, деревян. сѣдла, серебрян. и бронзовыя бляхи etc. Въ лѣвой половинѣ людскіе остовы *въ гробахъ* изъ толстыхъ досокъ, сколоченныхъ желѣз. гвоздями; при нихъ желѣзные кольчуги, сабли, ножи, огнива, наконечники стрѣлъ. Женскіе остовы съ діадемами изъ золотой матеріи, съ серебрян. золот. и костяными бляхами; золотые перстни и ушные кольца, бляшки отъ поясовъ, привѣски; серебрян.-позолоченные обручи и браслеты съ камнями, янтарныя и каменные ожерелья-бусы; остатки кожаной обуви и узорчатыхъ матерій; бронзов. сосуды и деревян. съ желѣзной ручкой и обручами ведра. Въ этой-же мѣстности встрѣчаемъ почти тождественныя съ предыдущими могилы, но только лишь съ одними человѣческими остовами при несравненно бѣдной обстановкѣ и *безъ гробовъ* (б. м. лицъ бѣднаго класса); 3) Кievск. у—дѣ (у с. Триполья и у города за р. Лыбедью) могилы *въ материкѣ* съ остовами *въ гробахъ*, сколоч. желѣзн. гвоздями, при скудныхъ украшеніяхъ изъ серебра и бронзы, — орудіяхъ изъ желѣза; 4) — Полтавской губ.—и (Роменск. у—да, с. Липоваго) подобныя же и съ тѣми-же реалиями, но *безъ гробовъ*; 5) — въ Чернигов. г.—и (Новгородсѣвер. у—да, с. Форостовичи) кладбище съ остовами, погребенными *на материкѣ безъ ямъ и гробовъ* съ той-же вещественной обстановкой, и др. «Многія изъ нихъ кажутся славянскими, но доказать это положительно мы теперь еще не можемъ. Мож. быть, современемъ путемъ антропологическимъ (по черепамъ) если не историческимъ,

⁷⁶⁾ Интересныя подробности о каковыхъ надѣмся узнать на предстоящ. VI съѣздѣ изъ резервата почт. археолога профес. В. Б. Антоновича (см. программа VI арх. с—да отд. II вопр. 8. «Опредѣленіе погребальн. типовъ въ курганахъ, находящихся въ бассейнѣ Днѣстра и Южнаго Буга etc.).

наукъ удастся опредѣлить народность этихъ и имъ подобныхъ могилъ, остающуюся намъ еще неизвѣстною»⁷¹⁾).

Обыкновенно съ введеніемъ христіанства заканчивается языческій обычай насыпать курганы по умершемъ; однако въ восточной Европѣ—древней Руси—обычай этотъ еще длился довольно долго, существовалъ и пережилъ «княжескую» эпоху, уцѣлѣвъ даже въ средѣ южно-русскаго козачества какъ своеобразная черта уступки христіанской культуры стойкости языческихъ скифо-славянскихъ традицій. Отсюда встрѣчаемъ мы какъ послѣдніе слѣды курганографіи желѣзнаго вѣка еще:

МОГИЛЫ КНЯЖЕСКАГО (христіанскаго) времени,—опредѣляемыя по находкамъ — мраморнымъ и янтарнымъ крестикамъ, стекляннымъ браслетамъ, варяжскимъ мечамъ, остроносымъ амфорамъ и друг. предметамъ, характеризующимъ княжескую почти всю до-монгольскую эпоху;—

МОГИЛЫ КОЗАКІИ, — рѣже встрѣчающіяся какъ самостоятельное сооруженіе, а чаще какъ позднѣйшая утилизациа ранѣе сооруженныхъ иными народностями могилъ. Находки: предметы костюма и военнобытовой утвари козацкой.

Говоря о погребальныхъ сооруженіяхъ желѣзнаго вѣка I-го типа, въ которыхъ, какъ мы видѣли, не послѣднюю роль играютъ «пепельныя урны», не можемъ пройти молчаніемъ одинъ изъ видовъ погребальнаго обряда, столь своеобразный (и, если не ошибаемся, исключительно восточной Европѣ принадлежащій), что не упомянуть о немъ было-бы археологу непростительно. Мы желаемъ напомнить читателю о такъ называемыхъ *«горшечныхъ гробахъ»* или *«обособленныхъ погребальныхъ урнахъ»*⁷²⁾. Само названіе памятника харак-

теризуетъ ужъ отчасти этотъ родъ погребенія. Гробомъ покойнику служить урна, наполненная жженными костями, съ которыми вмѣстѣ помѣщены предметы боевой утвари или туалетныхъ украшеній. Урну въ роли погребальнаго вмѣстилища встрѣчали мы не разъ и раньше (говоря напр. ужъ о могилахъ каменнаго вѣка и бронзоваго), но въ данномъ случаѣ находимъ мы ее при обстановкѣ настолько отличной отъ прежде нами указанной, что безспорно мотивомъ здѣсь очевидно являться долженъ совершенно отличный и религіозный культъ. «Обособленные урны» никогда не встрѣчаются ни въ каменныхъ гробовищахъ, ни въ каменныхъ гробахъ, но попросту водружены въ почву (въ неглубокихъ ямахъ) на глубинѣ 1½—2 фут. безъ всякой вѣшной защиты. Никогда не встрѣчаемъ ихъ группой или въ кучѣ, напротивъ стоятъ онѣ единично, уединенно, особнякомъ. Формы самыхъ урнъ разнятся явно отъ гробничныхъ пепельницъ: горнее отверстіе несравненно шире и столь значительно, что срединный т. ск. энтазисъ (обыденная въ горшкахъ одутловатость боковъ) исчезаетъ почти: урна является широкогорлой, часто цилиндричной. Указан-

торіи (Пруссія, Польша etc.) курганы (корсу) желѣзнаго вѣка сравнительно съ Россіей довольно рѣдки. Курганныхъ кладбищъ, состоящихъ изъ нѣсколькихъ десятковъ и сотенъ насыпей, что не рѣдкость въ сѣверныхъ, центральныхъ и южныхъ губерніяхъ Россіи, въ Ц—въ Польскомъ не встрѣчается. Такимъ кладбищамъ, по количеству могилъ, соответствуютъ здѣсь кладбища (zalniki), содержащія въ себѣ сосуды съ прахомъ сожженныхъ покойниковъ (zale и ropielnice), напр. открыт. проф. Самоквасовымъ подѣ Варшавою между Гроховомъ и Датшиною (см. Самокв. Объ антропол. и археол. матеріалахъ эпохи язычества въ предѣл. Ц—ва Польск. Антропол. Выст. т. 3, ч. 1, 177).

⁷¹⁾ Самоквасовъ (Антрополог. Выст. т. 3, ч. 1. 348).

⁷²⁾ Въ западной окраинѣ славянской терри-

ная черта не вытекает из случайной модификации формъ, но есть непремѣнное послѣдствіе обычая вмѣщать въ сосудахъ предметы значительныхъ объемовъ (мечи, щиты и др. экземпляры боевого наряда: шпоры, копья, также нѣкот. аксессуарн туалета, украшенія покойника: крючки отъ поясовъ, пряжки и проч.) Лишенные за-
калки, хотя и согнуты они въ два, три оборота, но для локализациі своей въ со-
судѣ нуждаются въ достаточно простор-
номъ отверстіи. Отверстія некрупныхъ эк-
земпляровъ такихъ урнъ покрывались о-
быкновенно глиняными тарелками, а иногда
сверхъ того большимъ глинянымъ сосу-
домъ въ родѣ малорос. «манитры», обра-
щенной дномъ вверхъ. Если излишняя ши-
рина отверстія въ крупныхъ экземплярахъ
затрудняла возможность приспособить къ
нимъ специальную глиняную крышку, то
послѣднюю замѣнялъ плоскій камень (ино-
гда старый, обращенный выемкой внизъ
жерновъ)⁹⁰). Гончарный матеріалъ урнъ
(темной глины) не представляетъ въ себѣ
примѣси измельченнаго гранита, съ та-
кимъ постоянствомъ характеризующей ке-
рамику «каменныхъ гробницъ», въ свою
очередь изученіе орнаментаціи горшковъ
вѣчными украшениями, часто съ ориги-

⁹⁰) Иногда встрѣчаемъ урны небольшихъ раз-
мѣровъ, въ такомъ случаѣ въ нихъ вмѣстѣ
съ палеными костями находимъ только укра-
шенія костюма покойника, вещи домашнего
быта и очень рѣдко оружіе, послѣднее тогда
встрѣчается въ сосудахъ при своеобразной чер-
тѣ: согнутый желѣзный мечъ охватываетъ
кольцомъ урну, покрытую шлемомъ или иною
частью брони (напр. находки въ Мѣдневицахъ
у с. Воли б. Варшавы, у м. Дешны, также
въ Галиціи между Коломыей и Каніонками и
др.; однако подобныя урны не всегда обособ-
лены, а попадаютъ и внутри земляныхъ на-
сыпей и каменныхъ гробовъ (см. Kraszew.
Sztuka u Slow. 67).

нальнымъ рисункомъ, можетъ дать еще
новыя черты отличія этого рода памятни-
ковъ отъ—прежнихъ вѣковъ (какъ во вку-
сахъ, такъ и въ техникахъ). Обособленные
урны образуютъ собой пространныя клад-
бища, вѣрнѣе погребальныя поля разнѣромъ
иногда въ нѣсколько десятковъ саженей
длины и ширины (часто въ этомъ отноше-
ніи соперничающія съ некрополями клас-
сической древности, напр. въ Вилленбергѣ
и Бруншвальдѣ—въ Пруссіи), откры-
ваемые или случайно при распашкѣ по-
лей и проведеніи дорогъ или (въ песча-
ныхъ мѣстностяхъ) ихъ открываетъ часто
сама природа, снося вѣтромъ верхній слой
песку и обнажая горшки. Въ кладбищахъ
такихъ урна отъ урны лежитъ въ разсто-
яніи 5 арш. или даже нѣсколькихъ мет-
ровъ⁹⁰). Между урнами въ промежуткахъ
тамъ и сямъ находимъ мѣсто сожженія
труповъ: небольшія круглыя гнѣзда, на-
полненныя углемъ, среди котораго усма-
триваютъ частицы кальцинированныхъ ко-
стей. Ситуаціонный характеръ этого рода
кладбищъ представляетъ заслуживающій
особеннаго вниманія контрастъ съ ситуа-
ціей каменныхъ гробовъ-ящиковъ: послѣд-
ніе, какъ мы указали, расположены исклю-
чительно на возвышенностяхъ, взгорьяхъ,
—первые преимущественно локализованы
только въ долинахъ. Матеріалъ издѣлій,
находимыхъ въ этихъ урнахъ, частью
бронза или мѣдь, преобладаетъ однако же-
лѣзо. Изслѣдованіе горшечныхъ гробовъ и
полей съ таковыми привело къ заключе-
нію, что памятники эти принадлежатъ къ
погребальному обряду черезъ *сожженіе*
и въ хронологическомъ отношеніи совре-
женны срединѣ и концу — могилъ «ские-
ской» эпохи (принадлежатъ къ желѣзному

⁹⁰) У дна урнъ такихъ иногда находимъ два-
три камня въ кулакъ величиной, очевидно
помѣщенные для устойчивости сосуда.

времени и могутъ быть отнесены къ послѣднему вѣку до Р. Х. или первымъ вѣкамъ послѣ него). Преобладаютъ въ Пруссіи и Польшѣ, встрѣчаются въ западной Россіи (рѣдко), нѣютъ себѣ подобныхъ на островѣ Борнгольмѣ⁸¹⁾, попадаются въ Силезіи, откуда проникли и на территорию Галиціи, хотя вообще принадлежатъ здѣсь къ числу рѣдкихъ памятниковъ, что и понятно: беззащитно и безслѣдно сокрытыя въ почвѣ урны трудно добываются. Происхождение гроба-урны можно (хотя и гипотетически) объяснять только вызванною мѣстными тектоническими условіями (исчерпаннымъ при густотѣ населенія каменнымъ матеріаломъ) необходимостью замѣнить прежде господствовавшіе каменные гробовище и гробъ-ящикъ, даже деревянную камеру, — болѣе доступной глиной. Вотъ почему, придерживаясь нашей классификаціи погребальныхъ сооружений на два типа (съ камерой и безъ нея), мы помѣщаемъ разсматриваемый погребальный памятникъ къ сооружениямъ I-го типа; гробъ-ящикъ бронзовой поры (смѣнившій гробовище каменнаго вѣка) въ постепенномъ ходѣ эволюціи въ измельчаніи погребальныхъ сооружений исчезъ въ позднѣйшее время на извѣстной

⁸¹⁾ Многочисленные экземпляры которыхъ въ Копенгагенскомъ музеѣ студированы и описаны датск. археол. Веделемъ. Объ «обособленныхъ урнахъ» см. у Dr Berndt'a Zwei Gräberfelder in Natangen (въ Schrift. de Phis. Okon. Gesells. z. Königsb. 1873 I Abth. De-witz'a Ein. Alterthumsfunde im Ostpreussen (ib. 1873. 2. Abth.) W. Hensche, Einig. z. Kenntniss, d. Todtenbestattung b. d. heidn. Preussen (ib. 1861 2 Abth.), статьи Dr Lis-sauer'a (въ Schrif. d. naturfors. Gesel. in Dan-zig 1873 и др.) Вирхова (въ Zeitsch. f. Ethn. 1870 II) Dr Marshal'a въ Sitzunber. d. anthr. Verein zu Danzig 1872, 10 decemb. и др. также въ указан. ранѣе труд. г. Оссовскаго. H. Wankel D. Urnenfriedhof V. Trsic etc.

территоріи, покинувъ заключавшуюся въ немъ урну, развившуюся въ объемѣ и формахъ соответственно потребностямъ населенія. Какой народности была она — пока это тайна для науки, одно сказать лишь мы въ правѣ, что горшокъ-гробъ принадлежалъ народностямъ той эпохи, въ каковую фizioграфическій образъ края (особливо съ точки зрѣнія гидрографіи) мало отличенъ былъ отъ намъ современной (рѣзко отличаясь отъ эпохи каменныхъ гробницъ). Столь-же невѣжественны мы въ вопросѣ о существованіи «обособленныхъ урнъ» въ южной Россіи⁸²⁾.

Намѣчая въ «обособленныхъ урнахъ» западнославянской территоріи одну изъ послѣднихъ фазъ дивнаго вѣка постепеннаго измельчанія формъ погребальныхъ сооружений, остается нашу замѣтку «о земляныхъ насыпяхъ 1-ой могильной серіи» завершить нѣсколькими словами о 1) языческихъ кладбищахъ и 2) нѣкоторыхъ загадочнаго характера земляныхъ сооруженияхъ курганнаго типа, похоронный характеръ которыхъ констатировать наукѣ доселѣ не удалось.

Что касается *первыхъ* (подтверждающихъ подобно вообще курганамъ своей топографіей извѣстія Прокопія, Иорнанда, Маврикія и др. о спорадическомъ характерѣ поселеній славянъ), то уяснить себѣ происхождение ихъ кажется намъ дѣломъ еще не столь труднымъ: значительный приростъ

⁸²⁾ Въ виду чего VI арх. съѣздъ въ ряду иныхъ вопросовъ научной своей программы поставилъ и слѣд. вопросъ: Встрѣчаются-ли въ южной Россіи, на правой сторонѣ Днѣпра, могины съ урнами, начальной эпохи земельнаго вѣка, какъ въ Польшѣ, сѣверной Германіи и т. д., и нельзя-ли опредѣлить восточную границу распространенія означенной характеристичной формы погребеній и соответственной культуры?

населения и территориальная мѣстами его скученность при исчерпаніи строительнаго матеріала привели подъ конецъ и здѣсь къ необходимости удовлетворить погребаль- ный обрядъ сооруженіемъ не единичныхъ им- позантныхъ могилъ-кургановъ, а задру- жно-родовыхъ или же общинныхъ поселковъ на общемъ посмертномъ урочищѣ.

Существованіе языческихъ славянскихъ кладбищъ (могильниковъ, кладовищъ, степ- larzysk) признано наукой по даннымъ не единичнымъ и не единобѣстнымъ. Ихъ на- ходимъ во многихъ мѣстахъ старо-славян- ской «краины»⁸⁹⁾. Къ сожалѣнію, внутрен- нее изученіе предмета только еле начато, а потому далеко до научной картины во- прсса. На небольшомъ возвышеніи, иногда поросшемъ лѣсомъ, — планировано (въ стро- гомъ значеніи слова) кладбище, отъ 500— 600 шаговъ (Клечево) длины и ширины⁹⁰⁾, состоящее изъ десятковъ или сотенъ кур- гановъ, въ расположеніи которыхъ замѣ- тенъ нѣкотор. порядокъ, именно: холмы идутъ рядами, формируя четверо-угольные пространства, раздѣленные одинъ отъ дру- го какъ-бы проходами въ видѣ улицъ. Насыпи не велики (около 15 шаг. въ діа- метръ), съ одной стороны округлены, съ другой сѣужены; края обложены больш. или меньшими камнями. Иногда вмѣсто холмовъ — все урочище покрыто только

камнемъ, прачемъ крупные его экземпляры ограничиваютъ пространства земли въ 2—3 арш. длиною и 1—2 арш. шириною; сре- динна такихъ четырехъугольниковъ, густо расположенныхъ одинъ возлѣ другаго, за- ложена мелкимъ булыжникомъ. Подъ кур- ганами находятъ или «пепельныя урны» (Клечево) или подъ камнями (на глубинѣ 1 — 2 арш.) человѣческіе остоны, въ на- правленіи головой на западъ, съ руками сложенными на животѣ или вытянутыми, безъ или съ украшеніями, состоящими изъ бусъ различ. формы и состава, серебря- ныхъ и бронзовыхъ ушныхъ колецъ и пер- стней и желѣзныхъ ножиновъ. Прямоли- нейное расположеніе могилъ и формы ко- лецъ авторитет. археологи (напр. копенга- генскій ученый Sophus Müller) признаютъ типично-славянскими⁹¹⁾.

Что касается *последнихъ*, то общая связь этимъ проблематической категоріи курганнымъ сооруженіямъ черта — отсут- ствіе всякихъ вещественныхъ находокъ, которыми археологія и антропологія могли- бы воспользоваться для опредѣленія време- ни ихъ происхожденія и народности ихъ зодчихъ. Единственную надежду возла- гать приходится только на топографиче- скія особенности ихъ существованія, — которыхъ наука, хотя и недостаточно ясно, но не могла не замѣтить и на основаніи которыхъ пытается приблизительно класси- фицировать ихъ въ слѣдующія 3 группы: 1-ю, *курганы неизвѣстнаго назначенія*. Встрѣчаются въ территоріяхъ угловъ, обра- зуемыхъ впаденіемъ притока въ главную

ссія, представ. обнчнов. 3 формы 4-хъугольную, треугольную и круглую. Впрочемъ, кажется, вѣроятнымъ, что послѣднія двѣ — не что иное, какъ подвергнувшаяся порчѣ въ позднѣйшее время (отъ потребности земледѣльской куль- туры; или отъ утилизаціи камней) 1-я форма.

⁸⁹⁾ Напр. у береговъ Дняпра между Рогаче- вомъ и Могилевомъ, затѣмъ упомянутыя ранѣ- ше кладбища въ Угряинѣ и Малороссіи (см. «могилы слав. эпохи» стр. 43), замѣчат. ве- личиной и характерностью «Клечевское» (въ Велик. Польшѣ. Kraszew. стр. 89); у Скальс- ка въ Чехіи; при Рависѣ (по діакону Аль- берту) въ землѣ Сорабовъ и друг., наконецъ отыск. проф. Павинскимъ въ Петроковской губ., г. Луневскимъ въ Сѣдлецкой (у с. Гремб- нова, Венгровск. уѣзда) и друг.

⁹⁰⁾ Грембовское — всего 125 арш. въ окруж- ности. Древнія кладбища, находимыя въ Пру-

⁹¹⁾ Kraszew. стр. 89—90; Самовъ. Антроп. Выст. т. 3, ч. I. 178.

рѣку. Расположены циклами (иногда кругомъ центрального). Величина различна (около 1 сажени). Наружность—строение: земляной холмъ, отличающ. отъ природнаго только большей правильностью формъ. Содержаніе раскопокъ: находокъ никакихъ. Современная территория: пока извѣстны только при устьѣ р. Згара въ Южный Бугъ, также у р. Роси (въ Васильковск. уѣздѣ, Киевск. губ.) Назначеніе загадочно (прежняя археологія символической школы приписывала имъ религиозное назначеніе какъ жертвеннымъ мѣстамъ);

2-ую, *курганы сторожевые*, названные такъ лишь потому, что таковая ихъ утилизация значится въ описаніяхъ замковъ Вел. Княж. Литовскаго (стратегическіе противъ кочевниковъ пункты, на которыхъ населеніе должно было «держатъ ордынскую сторожу») ⁸⁷⁾. Расположенные въ одиночку, идутъ однако какъ-бы цѣпью (по водораздѣламъ двухъ рѣчныхъ системъ, отдѣляя иногда и большой притокъ отъ главной рѣки) въ значительномъ разстояніи другъ отъ друга. Последнее однако достаточно,—чтобы, взобравшись на курганъ, замѣтить на двухъ противоположныхъ пунктахъ горизонта двѣ соседнихъ насыпи (обстоятельство, могущее служить какъ признакомъ, такъ быть можетъ и указаніемъ на назначеніе памятника). Величина: довольно значительны (выше среднихъ, ниже скиѣскихъ). Наружность и строение: обыкновенный земляной, насыпной холмъ. Содержаніе раскопокъ: находокъ никакихъ (какъ рѣдкій случай—оружіе позднѣйшаго историческаго времени). Современная территория: всего рельефѣ видны на водораздѣлѣ Припяти и Южнаго Буга (границахъ Подоліи съ Волинью), гдѣ идутъ

⁸⁸⁾ Упомянуты также въ книгѣ «Большаго Чертежа» изд. Спаасаго стр. 18, 37, 44 и проч. въ той же роли, а также какъ указатели пути въ степяхъ.

чуть-ли не на пространствѣ 200 верстъ (по «чорному шляху»). Принадлежатъ-ли ихъ сооруженіе Московской или Литовской порѣ или-же еще населенію дописменной старины,—не знаемъ ⁸⁹⁾;

3-ю, *курганы парные*. Разрѣшаемъ себѣ дать такое имъ названіе потому, что расположены они всегда попарно. Величина: большіе. Наружность: похожи на скиѣскіе (но уже, кромѣ того, не такъ круты,—доступны). Строение—земляная насыпь, безъ всякой каменной или деревянной камеры. Содержаніе: пусты, иногда по обычаю исторической Украины утилизированы для погребенія позднѣйшимъ населеніемъ, какъ это явствуетъ изъ находокъ различныхъ экземпляровъ современнаго народнаго костюма въ краѣ (поясовъ, женскихъ плахтъ и т. п.). Современная территория: пока извѣстны только въ Черниговской губерніи. Назначеніе—неизвѣстно; быть можетъ были пограничными—межевыми сооруженіями для территорій древнихъ неизвѣстныхъ наукъ племенъ ⁹⁰⁾).

⁸⁷⁾ Пренія по этому поводу между гг. Гатцукомъ, отрицающимъ существованіе сторожевыхъ «кургановъ» и граф. Уваровымъ, его признающимъ—см. въ Труд. I Арх. Свѣзда т. I, стр. LXXVII и д.

⁸⁸⁾ Пользуясь хронологическимъ и терминологическимъ родствомъ, считаемъ долгомъ указать одну серію земляныхъ насыпей курганнаго характера, которая безспорно должна носить названіе «*межевыхъ кургановъ*». Подобныя сооруженія служили указаніемъ поворота границы или межи земельного участка и извѣстны подъ именемъ «*пяты*» (или *korców granicznych*). Расположены попарно, тройками и болѣе, смотря по числу смежныхъ въ углу владѣній. Величиной — маленькіе. Вѣншній видъ—полушаріе. Строение—обыкновенная земляная насыпь. Содержаніе—или ничего, или же угли, битые черепки (иногда бутылъ съ документомъ, современныя межеванію монеты) и др. веществъ. Доказательства поземельныхъ разграниченій Литовско-Польской поры.

Самый снисходительный въ требованіяхъ и великодушный читатель, оказавшій хотя мимолетное вниманіе къ изложенному нами обзору кургановъ, не могъ не замѣтить всей поверхности, научной неопредѣленности, а отсюда и сбивчивости приведенныхъ въ немъ данныхъ. Критическое отношеніе строгой науки (если только удостоитъ подсудности замѣтку нашу) безъ сомнѣнія укажетъ въ ней, не малый сбродъ промаховъ и тяжкихъ археологическихкихъ погрѣшностей. Вѣняя себя лично (говоримъ это не краснѣя) большинство

Слышали мы еще о существованіи особой какъ бы категоріи кургановъ, которыхъ (если наблюденія были достаточны и самъ фактъ существованія дѣйствителенъ) возможно было бы наименовать «цѣпными», такъ какъ идуть они какъ бы непрерывною цѣпью съ юго-востока Россіи на сѣверъ и западъ по теченію рѣкъ черноморскаго и балтійскаго бассейновъ, соблюдая причемъ слѣд. особенность: пройдя вдоль по теченію какого-либо восточнаго притока до его устья въ известную рѣку, текущую къ югу, такіе курганы опускаются или поднимаются по ней до устья перваго какого-либо притока этой рѣки, текущаго съ запада, вверхъ по теченію котораго идуть на западъ до его верховьевъ; переваливъ затѣмъ черезъ водораздѣлъ данной рѣчной системы отъ системы сосѣдней, переходятъ на одинъ изъ восточныхъ притоковъ послѣдней, совершая такое же шествіе и далѣе... Подобные курганы будто имѣютъ мѣсто въ бассейнѣ Днѣпра, связывая его такимъ образомъ съ бассейномъ Вислы (черезъ Западный Бугъ. Находокъ—нигалихъ. Значеніе:—путевой-де слѣдъ народныхъ переселеній (?). Подтвердить дѣйствительность слышаннаго не можемъ; реальность факта обнаружится только при усиліяхъ дальнѣйшихъ изслѣдованій и то лишь на полѣ археологической карты Россіи вообще и ея кургановъ въ частности,—давнишняго *prim desiderium* русской археологіи, въ сожалѣнію и доселѣ отсылаемаго на «будущее время».

провинностей въ этомъ случаѣ, мы однако не можемъ не повторить въ облегченіе строгости приговора то, что уже высказали ранѣе при началѣ настоящ. статьи и говорили не разъ и въ ней самой, что научная цѣнность фактическаго матеріала по русской археологіи вообще и по вопросу о «земляныхъ насыпяхъ» въ частности доселѣ еще болѣе чѣмъ низка какъ въ количественномъ, такъ особливо въ качественномъ отношеніи. Археологическія изслѣдованія у насъ недавни, не повсемѣстны и не численны (строго научно веденныхъ едва-ли насчитаемъ нѣсколько десятковъ); спросъ со стороны науки великъ, предложеніе со стороны матеріала далеко недостаточно. Вотъ почему явленіе всякой теоретической въ родѣ нашей попытки классификаціи скуднаго матеріала извинительно только въ роли скромнаго введенія въ строго научныя *инструкціи по изслѣдованію* разсматриваемаго нами отдѣла археологіи, отъ разумнаго примѣненія которыхъ только и можетъ ожидать наука удовлетворенія своихъ вопросовъ,—рѣшенія своихъ проблемъ. Такія инструкціи считаемъ теперь долгомъ нашимъ предложить на благоусмотрѣніе гг. изыскателей, оставляя за собой право надѣяться, что *положительные результаты* отъ ея примѣненія въ дѣло не останутся неизвѣстными для *VI го археол. съѣзда* и погибшими для науки.

І. Общая инструкція для курганной экспедиціи.

1) Изслѣдователь соберетъ на мѣстѣ по возможности полныя свѣдѣнія о количествѣ, расположеніи и группировкѣ кургановъ изслѣдуемой имъ мѣстности, пользуясь для этой цѣли работами мѣстныхъ статистическихкихъ комитетовъ, матеріалами въ «Трудахъ одес. общ. ист. и древностей», археологическихкихъ обществъ и комиссій, въ трудахъ бывшихъ 5-ти археолог. съѣздовъ, московскаго антропологич. обще-

ства и пр., наконецъ указаніями мѣстныхъ изслѣдователей и личнымъ наблюденіемъ.

2) Собранныя свѣдѣнія—подробно заносить онѣ въ *путевой журналъ*, равно какъ и свои наблюденія относительно наружнаго вида, группировки и мѣстоположенія тѣхъ кургановъ, которые будутъ имъ лично осмотрѣны.

3) По мѣрѣ возможности отдѣльные курганы и ихъ группы будутъ заносимы на карту въ дополненіе къ курганамъ уже приведеннымъ въ извѣстность и намѣченнымъ на ней (если таковая карта уже имѣется; въ противномъ случаѣ заводится новая); притомъ, при обозначеніи группы, на картѣ-же будетъ отмѣчено приблизительное количество кургановъ, составляющихъ каждую группу; каждый курганъ обозначенъ особымъ номеромъ.

4) Изслѣдователь будетъ производить раскопки кургановъ согласно нижеприведеннымъ специальнымъ инструкціямъ, стараясь опредѣлить похоронный типъ каждой отдѣльной группы, разрывая для опредѣленія этого типа только необходимое количество кургановъ⁹¹⁾.

⁹¹⁾ Не упуская изъ виду, что нашъ край служилъ съ самой глубокой древности мѣстомъ транзита народовъ изъ Азіи въ Европу, имѣвшихъ каждый свои обычаи и вѣрованія, необходимо отражавшіеся на ихъ погребальныхъ обрядахъ, станетъ яснымъ, что главная цѣль курганныхъ изысканій опредѣлить народности могильныхъ насыпей Новороссіи, уловить оттѣнки погребальнаго ритуала. Последніе пусть не всегда ярко выдаются въ глаза изслѣдователю, но все таки могутъ быть отмѣчены въ нѣкоторыхъ подробностяхъ расположения предметовъ въ могилѣ, такъ и въ устройствѣ этой последней. Поэтому число раскопокъ не можетъ быть указано инструкціей, а предоставляется прозорливости изслѣдователя (обыкновенно изъ каждой группы 2—3 кург. если они одинаков. устройства, большее число разрыв. только въ случаѣ если обрядъ

5) Опредѣливъ похоронный типъ одной группы, изслѣдователь перейдетъ на слѣдующую, причемъ желательно было-бы, чтобы изслѣдованія располагались такимъ образомъ, чтобы могли быть выяснены археологическія данныя кургановъ болѣе или менѣе обширной мѣстности, но представляющія одно цѣлое, связанное топографическими или гидрографическими условіями⁹²⁾.

погреб. окажется въ кажд. кург. различнымъ. При этомъ нельзя не выразить желанія, чтобы посредствомъ фототрапеи или вѣрнаго рисунка сняты были внутренніе виды могилъ съ распределеніемъ найденныхъ въ нихъ предметовъ. Такое графическое дополненіе къ подробному дневнику еще нагляднѣе опредѣлитъ различіе каждаго способа погребенія. А что для этихъ изысканій Новороссія представляетъ почву благодарную можно заключить изъ того, что въ соседнихъ къ ней степныхъ мѣстностяхъ напр. Ставропольской губер. и восточн. подгорья кавказск. хребта, прилегающихъ къ Каспійскому морю, нѣмецкій пасторъ Цвикъ, производя раскопки, отмылъ 22 различ. приѣма погребенія (Dogratische Jahrbuch т. V). Одно, что долгомъ считаемъ при этомъ заявить еще,—это просьбу дѣлать всѣ отмѣтки и замѣчанія совершенно объективно, не предпріявъ выводовъ, которые могутъ быть впоследствии сдѣланы изъ раскопокъ. Поэтому всегда рекомендуется по возможности производить раскопки въ присутствіи посторонняго лица. Вообще относительно производства раскопокъ кургановъ выяснилось, что производство раскопокъ въ присутствіи нѣсколькихъ специалистовъ по антропологии, археологии и естеств. наукамъ было бы болѣе желательно, чѣмъ производство раскопокъ отдѣльными лицами, недостаточно подготовленными къ такого рода изслѣдованіямъ во всѣхъ подробностяхъ.

⁹²⁾ Такъ какъ до наступленія сѣзды невозможно обследовать повсемѣстно хотя-бы и меньшинство земляныхъ насыпей Новороссіи, то необходимо ограничиться изслѣдованіями кургановъ и вообще мѣстностей особенно за

6) При производствѣ раскопокъ должны быть ведены подробные дневники и ориентированные планы какъ cadaго раскопаннаго кургана, съ обозначеніемъ мѣстопомѣстительныхъ по историческ. своему значенію, только тѣми частями края, которые доселѣ менѣе были изслѣдованы, чѣмъ остальными. По нашему мнѣнію, на первый разъ весьма важно для разъясненія нашей начальной исторіи изслѣдованіе кургановъ, находящихся на о—въ Хортицѣ за и у пороговъ Днѣпровскихъ (част. студиров. уже гг. Беренштамъ и Поповскій) вообще въ тѣхъ мѣстностяхъ гдѣ, основываясь на Констант. Вагрянородномъ и др. византійскихъ или арабскихъ источникахъ, можно надѣяться открыть могильные остатки Руссовъ. Необходимо было бы изслѣдовать антропологически древнія болгарскія могилы, чтобы разрѣшить по возможности племенное происхожденіе этого народа. Курганы его, какъ намъ извѣстно, слѣдуетъ искать: во 1-хъ, на берегахъ Камы и по Волгѣ (что не входитъ въ районъ нашей дѣятельности); во 2-хъ, — *изслѣдовать степерный берега Черпаго моря между Днѣпромъ, Бугомъ и Днѣстромъ*, не встрѣтятся-ли тутъ курганы, воздвигнутые тѣми-же болгарами при переселеніи ихъ съ Сѣверовосточной Руси на Дунай; въ 3-хъ, наконецъ въ нынѣшней Болгаріи на берегахъ Дуная, гдѣ раскопка древнихъ могилъ можетъ служить для проверки тѣхъ раскопокъ, которые будутъ сдѣланы на Камѣ, Волгѣ и въ Новороссіи. Если краниологическіе признаки остововъ, найденныхъ въ курганахъ этихъ трехъ мѣстностей, будутъ почти одинаковы, тогда окончательно разъясняются тѣ темныя свѣдѣнія, которыя дошли до насъ въ произведеніяхъ визант. писателей (графъ А. С. Уваровъ). Для первобытной археологіи интересно было бы изученіе упомянутыхъ уже нами выше Кинбурнскихъ могилъ (съ погребеніемъ покойника, завернутаго въ морскія водоросли), равно какъ и насыпей въ другихъ мѣстахъ, указаніе которыхъ при отсутствіи археологической карты Новороссіи невозможно; на основаніи выше приведеннаго нами обзора курганныхъ типовъ быть можетъ изслѣдователь заинтересуется напр. «толстыми

ложенія найденныхъ въ немъ предметовъ, такъ и глазомерный (если не инструментальный) планъ расположенія самой курганной группы, съ обозначеніемъ нумерами входящихъ въ ея составъ раскопанныхъ кургановъ.

Примѣчаніе. Кромѣ кургановъ въ путевомъ дневникѣ слѣдуетъ, по мѣрѣ возможности, помѣщать описаніе всѣхъ осматриваемыхъ по пути древностей: городищъ, валовъ, пещеръ, мегалитическихъ построекъ, надписей, каменныхъ бабъ и изваяній и друг. археолог. могущихъ встрѣтиться въ экскурсіи предметовъ, напр.: развалины древнихъ строеній, башенъ, мостовъ, особливо слѣдовъ и направленія древнихъ дорогъ (нѣкогда б. м. проложенныхъ греками, римлянами, византійцами, генуэзцами или мѣстн. населеніемъ—какъ «Муравскій шляхъ», «Черный шляхъ»), пользуясь при этомъ указаніями и преданіями мѣстныхъ жителей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, необходимы: точное обозначеніе мѣстонахожденія всѣхъ встрѣчаемыхъ памятниковъ и составленіе по возможности плановъ, рисунковъ и фотографій.

7) По окончаніи экскурсіи изслѣдователь не откажетъ сообщить какъ дневники путешествія и раскопокъ, такъ и предметы находокъ въ научное распоряженіе распорядительнаго комитета VI-го археологическаго съѣзда и временное пользованіе самаго съѣзда.

II. Специальная инструкція для изслѣдованія кургановъ⁹¹⁾.

Значеніе научныхъ раскопокъ. Каждый могилами.—скифской эпохи или мало изслѣдов. по Днѣстрянскими и т. п.

⁹¹⁾ См. 1) «Инструкцію для описанія городищъ, кургановъ и пещеръ и для производства раскопокъ кургановъ», составленную комиссіей (Д. Самоковцовъ, Л. Ивановскій, В. Антоновичъ), назначенною 3-мъ Археологич. Съѣздомъ въ Кіевѣ и утвержденною въ общемъ засѣданіи съѣзда 21 авг. 1874 г.; 2) «Инструкцію для научнаго изслѣдованія кургановъ» Д. Я. Самоковцова (въ Прилож. 2-мъ

курганъ, каждая могила языческой эпохи представляет собою вещественный памятникъ нашей исторіи. Этотъ памятникъ дѣлается достояніемъ современной науки и охраняется для будущихъ поколѣній правильною научною раскопкою, вѣрнымъ и полнымъ описаніемъ его вѣднѣйшей формы и внутренняго содержанія. Раскопка и описаніе кургановъ, по своему значенію для науки, подобны изданію писанныхъ историческихъ памятниковъ и одинаково требуютъ отъ изслѣдователя извѣстныхъ знаній; но разниа здѣсь состоитъ въ томъ, что ошибки, невѣрности и неполнота въ изданіи писаннаго памятника могутъ быть исправлены вторичнымъ его изданіемъ, такъ какъ оригиналъ его сохраняется въ архивѣ; раскопкою — изданіемъ кургана оригиналъ памятника уничтожается, а потому неполнота въ описаніи раскопки или ошибки въ этомъ описаніи въ большинствѣ случаевъ уже не могутъ быть исправлены. Слѣдовательно, раскопка, неправильно и неполно описанная, не только бесполезна для науки, но вредна: уничтожая историческій памятникъ, она можетъ повести къ невѣрнымъ въ наукѣ выводамъ. Поэтому: каждый назначенный для раскопки курганъ долженъ быть описанъ и разрытъ по правиламъ, изложеннымъ въ инструкціи.

Дневникъ раскопки. Научное изслѣдованіе кургановъ обуславливается правильнымъ веденіемъ дневника раскопокъ, въ которомъ, съ возможною вѣрностью и полнотою, должно быть помѣщено описаніе разрытыхъ кургановъ, ихъ измѣреніе, ходъ работъ, должны быть записаны свѣдѣнія о вѣднѣйшихъ условіяхъ изслѣдованныхъ кургановъ, способъ раскопки, устройствъ мо-

къ № 7 Цирк. по Вилен. учеб. окр. за 1878 годъ; также въ изд. Моск. общ. любит. естествозн. «Антропол. Выставкѣ» т. 2, вып. I, стр. 51—53).

гилъ и могильномъ содержаніи, положеніи костяковъ, перечень вещей, найденныхъ на и около костяковъ, планы разрытыхъ кургановъ, съ указаніемъ глубины, на которой помѣщены были находки.

Вѣднѣйшія условія кургановъ. Въ описаніи вѣднѣйшихъ условій изслѣдованныхъ кургановъ насыпей должны быть сообщены свѣдѣнія объ ихъ мѣстонахожденіи, мѣстоположеніи, количествѣ въ данномъ пунктѣ, формѣ, величинѣ, мѣстныхъ названіяхъ и мѣстныхъ преданіяхъ объ ихъ происхожденіи и историческомъ значеніи.

1. Мѣстонахожденіе. За указаніемъ губерніи, уѣзда и волости, въ которыхъ находятся изслѣдованные курганы, должны быть указаны: направленіе и разстояніе изслѣдованныхъ насыпей отъ ближайшаго къ нимъ поселенія: города, села, деревни; разстояніе ихъ отъ ближайшаго нынѣшняго или бывшаго водохранилища: рѣки, источника, озера, болота, колодца; разстояніе ихъ отъ ближайшаго городища или городка, если таковыя имѣются въ окрестностяхъ помѣщенія описываемыхъ кургановъ. Необходимо перечислять названія всѣхъ, окружающихъ курганъ, населенныхъ мѣстъ и урочищъ.

2. Мѣстоположеніе. Должно быть указано: помѣщены-ли описываемые курганы на возвышенности или склонѣ ея, на равнинѣ или низменномъ мѣстѣ, въ поляхъ, лугахъ или лѣсахъ? Распределены-ли группами или въ разбросъ? Сколько группъ ихъ? На какомъ берегу рѣчки или ручья: правомъ или лѣвомъ, возвышенномъ или низменномъ, въ луговомъ мѣстѣ или въ открытомъ полѣ? По какому направленію тянутся, т. е. гдѣ начинается и гдѣ заканчивается ихъ гряда? Ихъ взаимное разстояніе.

3. Количество. Въ сообщеніи свѣдѣній о количествѣ кургановъ, изслѣдованныхъ въ данномъ пунктѣ, требуются отвѣты на

сѣдующіе вопросы: сколько насыпей изслѣдовано? Сколько насыпей оставлено неизслѣдованными? Не имѣется-ли курганных насыпей въ окрестностях изслѣдованнаго пункта на разстояніи до трехъ верстъ во всѣ стороны, а если онѣ имѣются, то въ какомъ количествѣ? Не сохранилось-ли у мѣстныхъ жителей воспоминаній о курганахъ, существовавшихъ въ данномъ пунктѣ, но уничтоженныхъ путемъ раскопки кладонскателями и ради простаго любопытства, а равно при проведеніи дорогъ, возведеніи построекъ, при добываніи песку, глины, камня и пр.? Не сохранилось-ли въ пунктѣ изслѣдованія и его окрестностяхъ слѣдовъ курганныхъ насыпей, уничтоженныхъ по причинамъ вышесказаннымъ? Производились-ли кѣмъ и съ какою цѣлью и когда раскопки, гдѣ помѣщены описанія ихъ, что при этомъ было найдено, куда поступили найденныя вещи? Не было-ли находимо вблизи ихъ каменныхъ и металлическихъ орудій или друг. какихъ-либо древностей?

4. *Форма.* Какую форму имѣютъ курганы относительно ихъ внѣшняго вида? При описаніи формы изслѣдованныхъ насыпей должны быть сообщены свѣдѣнія, указывающія на общій видъ кургана, его вершину, поверхность и основаніе. Изслѣдованный курганъ имѣлъ-ли форму полушара или конусообразную? вершину острую, тупую или впаую? имѣются ли на вершинѣ площадки или углубленія, или нѣтъ ихъ? поверхность поросшую (дерномъ, кустарникомъ, лѣсомъ) или распаханную? Въ окружности основанія не сохранилось-ли слѣдовъ охраннаго рва или вала, а если сохранились, то каковы ихъ высота, ширина и глубина? Не были-ли обложены вершина или стороны или только обгорожено основаніе валунами, битымъ камнемъ или каменными плитами? Если вблизи кургановъ имѣются городи-

ща, или городокъ, или замковище, то въ какомъ они разстояніи отъ кургановъ? Не имѣется-ли на могилахъ памятниковъ и если имѣются, то что они изображаютъ и нѣтъ-ли на нихъ какихъ-либо надписей? Если на курганахъ гдѣ-либо встрѣтятся каменные бабы, то обследовать мѣстность, гдѣ онѣ поставлены, дознать, не находится-ли близъ такихъ кургановъ осколковъ или каменныхъ кучъ отъ нихъ и произвести раскопку тѣхъ кургановъ, на которыхъ онѣ поставлены (О каменныхъ бабахъ подробности ниже).

5. *Величина.* Въ описаніи величины курганной насыпи должны быть выражены въ саженихъ или аршинахъ: а) величина окружности основанія, б) разстояніе отъ одной стороны основанія чрезъ вершину насыпи до противоположной его стороны и с) отвѣсная высота насыпи отъ вершины чрезъ центръ насыпи до основанія²¹⁾.

²¹⁾ Высота значительныхъ по размѣрамъ кургановъ опредѣляется по общимъ правиламъ и приемамъ тригонометрической или даже обыкновенной простой землеѣрной съемки, которая желающій встрѣтитъ въ любомъ практическомъ руководствѣ межеванія; что-же касается небольшихъ кургановъ, то позволяемъ себѣ привести здѣсь довольно простой способъ, техника котораго нуждается: 1-хъ, въ *шесть* съ желѣзн. «башмакомъ» (острымъ наконечникомъ—вонзаетъ въ почву) высоты равной росту наблюдателя, съ прикрѣпленной къ верхнему концу его *дощечкой* (плашеткой, — горизонтальной при вертикальной постановкѣ шеста); послѣдняя по размѣрамъ д. б. достаточна для установки на ней—2) *отѣса* (треугольнаго ватерпаса). Вмѣсто планшета *шесть* можетъ имѣть на верхнемъ концѣ металлическую «мусту», въ которую можно-бы вставить вертикальный стержень ватерпаса, находящійся (на тотъ случай) на срединѣ основнаго (горизонтальнаго) ребра ватерпаса, — наконецъ 3-хъ, высокая *рейка* (прямой въ нѣск. сажень сигнальный *шесть* съ дѣлениями на футы или

6. Мѣстные названія. Въ сообщеніи свѣдѣній о мѣстныхъ названіяхъ курганныхъ насыпей требуются отвѣты на слѣдующіе вопросы: какъ вообще называются курганныя насыпи въ данной мѣстности, напримѣръ: курганы, древнія могилы, татарскія, литовскія, шведскія могилы, сопки, копцы, волотовки, марены, робленицы и пр.? Не имѣютъ-ли нѣкоторые изъ кургановъ въ данной мѣстности особенныхъ, собственныхъ названій, напримѣръ: Черная могила, Старшая могила, Бѣлая могила, Острая могила, Половецкій Курганъ, Гульбище, Сорока, Перепятиха, Дѣвица, Пастушка, Куль-Объ, Чертомлыкъ, Близицы, Товста мог., Сауръ мог. и пр.?

7. Существуютъ-ли народныя мѣстныя преданія о происхожденіи и значеніи кургановъ. Кромѣ содержанія преданій, должны быть сообщены, если возможно, свѣдѣнія о причинахъ происхожденія того или другаго преданія.

единицы десятичной мѣры) съ прикрѣпленнымъ у верхняго конца ея блокомъ (или просто кольцомъ, вилкой и т. п.) для подъема посредствомъ продернутой шворки движущейся по шесту вверхъ и внизъ ярко окрашенной дощечки (или инаго какаго-либо сигнала). Наблюдатель, ставъ на курганъ, вонзаетъ шестъ на высшей его точкѣ и приводитъ послѣдній въ вертикальное направленіе по ватерпасу (чтобы отвѣсъ съ пулей сталъ на 0 дѣленія или совпалъ съ срединной чертою треугольника); затѣмъ глядитъ по линіи горизонтальнаго ребра треугольника, визируя подвижную дощечку рейки, которую другое лицо, стоящее вѣдъ кургана, поднимаетъ шворкой по рейкѣ на высоту луча зрѣнія визирующаго (сигнальный шестъ конечно стоитъ вертикально). Закрѣпивъ веревочку рейки и опустивъ сигнальный шестъ, остается только измѣрить на сколько футовъ отъ поверхности земли была поднята его дощечка, — вычитъ изъ этой величины высоту курганнаго шеста подъ ватерпасомъ, получимъ искомую высоту кургана.

Способъ раскопки. За описаніемъ вышнихъ условій изслѣдованныхъ кургановъ должно слѣдовать въ дневникѣ раскопокъ описаніе способа раскопки.

Курганъ можетъ быть раскопанъ тремя способами: 1, послойною съемкою земли, начиная съ вершины; 2, прорытіемъ колодца; 3, сквозною траншеею^{*)}. Въ двухъ послѣднихъ случаяхъ въ дневникѣ раско-

^{*)} Изъ всего того, что мы говорили о конструкции скиевскихъ, именно т. наз. «толстыхъ» могилъ, — естественный выводъ, что раскопка такихъ насыпей представляетъ значительную трудность и должна производиться съ величайшей осторожностью. Прежде обыкновенно старались проникнуть во внутренность кургана, то дѣлая отверстіе съ одной изъ боковыхъ сторонъ, то разрывая его въ прямомъ или крестообразномъ направленіи трансверсальной шахтой (насквозь); экономизировалось этимъ время и трудъ, но за то терялась археологическая связь находокъ. Притомъ не всегда подобныя приемы были возможны въ виду плотной, каменистой обшивки могилы снаружи или — внутренней камеры. Кромѣ того усиленная динамика въ дѣлѣ оканчивалась съ немалыми потерями для науки: подгнившія древесныя балки внутренняго сруба, или подпоры sklepa, обрушивались прежде, чѣмъ удавалось проникнуть въ курганъ. Современные изыскатели стремятся вести дѣло иначе, стараясь вскрыть (срѣзать) по возможности весь, или главную часть кургана, чтобы изслѣдовать его во всѣхъ направленіяхъ. Работа начинается сверху:

1) Снимается вся голова или верхушка кургана (обыкновенно въ средней величины насыпяхъ сажени на 4 отъ вершины); затѣмъ 2) образовавшаяся на курганѣ площадь перебивается широкимъ ровомъ въ 20 и болѣе саженъ шириною. Ровъ этотъ прокапывается уступами, постепенно суживаясь къ глубинѣ кургана до 15—16 саженъ; углубившись до той поверхности, на которой уже можно ожидать нѣкоторыя находки, — должно 3) производить раскопку не обыкновеннымъ способомъ, а *штыхомъ* т. е. горизонтальнымъ поднятіемъ

ки должны быть обозначены размыры колодца или траншеи. На основаніи опыта можно рекомендовать при раскопкѣ кургановъ соблюденіе слѣдующихъ приѣмовъ:

1. Раскопка кургановъ, какъ отдѣльно стоящихъ, такъ и группъ, состоящихъ изъ нѣсколькихъ или многихъ насыпей, должна быть начата вырытіемъ пробной ямы вблизи подошвы изслѣдуемыхъ кургановъ, съ цѣлью опредѣлить родъ слоевъ почвы и материка въ мѣстности расположенія изслѣдуемыхъ кургановъ и ихъ относительную плотность.

2. Одиночные курганы и два или три изъ расположенныхъ группами, назначенные для изслѣдованія, должны быть раскапываемы или послойною съемкою насыпи съ вершины до основанія, или колодцемъ (насыпи до трехъ аршинъ высоты), или сквозною траншеею (насыпи выше трехъ аршинъ высоты), поперечникъ которыхъ долженъ быть не менѣе площади, получа-

емая отъ 6—8 вершковъ одновременно по всей площади. Приѣмъ весьма медленный, но зато строго научный, дающій возможность точно опредѣлять всѣ обстоятельства погребальнаго ритуала. Впрочемъ, и здѣсь возможно нѣкоторое сбереженіе въ трудѣ, именно: сверху кургана дѣлають четверугольное углубленіе на нѣсколько сажень; не выходя изъ границъ верхняго квадрата, насыпь, образующую курганъ, выбрасываютъ до тѣхъ поръ, пока подобнымъ колодцемъ не достигнуть материка. Такимъ образомъ или прямо попадаютъ на камеру или гробъ, или наталкиваются на боковой въ нихъ входъ. Когда гробъ найденъ, его очищаютъ съ величайшей осторожностью; изслѣдователь спускается внизъ и по останкамъ и по другимъ признакамъ, отмѣчая положеніе покойника, начинаетъ изслѣдованіе его съ ногъ и мало-по-малу доходитъ до головы. При этомъ онъ перебираетъ прахъ и землю ножомъ, ищетъ зарытыхъ вещей и вынимаетъ найденное безъ всякаго поврежденія.

емой отрѣзомъ верхней части кургана до половины его высоты. Если между вершиною и подошвою насыпи будетъ встрѣчена могила, то ея устройство и содержаніе должны быть описаны по правиламъ, излагаемымъ ниже, но находка могилы въ насыпи не должна останавливать ея дальнѣйшую раскопку: кромѣ верхнихъ могилъ очень часто встрѣчаются въ тѣхъ-же курганахъ нижнія могилы, устроенныя на подошвѣ насыпи или ниже ея, вырытыя въ материкѣ. По достиженіи грунта, узнать который легко по сличенію съ верхними слоями почвы мѣстности, обнаруженными пробною ямою, грунтъ долженъ быть очищенъ (выскобленъ) желѣзными лопатами или заступами. Тогда, если въ изслѣдуемомъ курганѣ имѣется могила ниже насыпи, въ грунтѣ обнаружится пятно въ размѣрахъ могилы, отличное по цвѣту отъ вернутой грунтовой земли. Дальнѣйшая раскопка производится послойною выемкою земли въ размѣрѣ обнаруженной могилы до появленія признаковъ близости остатковъ погребеннаго.

3. Убѣдившись въ способѣ устройства могилъ въ данной группѣ кургановъ раскопкою нѣсколькихъ изъ нихъ сказаннымъ способомъ, изслѣдователь можетъ раскапывать остальные колодцемъ или траншеею, которые закладываются по предварительномъ снятіи вершины кургана, по крайней мѣрѣ на третью высоту его; при этомъ поперечникъ ихъ долженъ быть не менѣе поперечника площади, образуемой снятіемъ вершины изслѣдуемаго кургана на третью его высоты.

4. При раскопкѣ кургановъ необходимо употребленіе тонкаго желѣзнаго или стальнаго щупа, длиною не болѣе 1½ аршина. При появленіи признаковъ близости остава (слѣды сгнившаго дерева отъ верхней покрывки могилы, провалившейся на ея дно, особенная рыхлость земли, открытіе

какой-либо вещи, кости и проч.) при посредствѣ шупа должно опредѣлить направление остова, отыскавъ его черепъ и бедренныя кости; затѣмъ, отъ черепа въ направлении остова должно отиѣрить два аршина двѣнадцать вершковъ и очертить остовъ такъ, чтобы со всѣхъ его сторонъ оставалось около четверти земли; потомъ, внѣ очерченнаго круга вынуть землю на четверть ниже остова и очистить дно; наконецъ осторожно тонкими слоями срѣзать надъ остовомъ землю настолько, чтобы земля покрывала его слоемъ третиною до двухъ вершковъ. Дальнѣйшую работу изслѣдователь долженъ производить лично, не довѣряя рабочимъ извлеченіе изъ могилы найденныхъ въ ней предметовъ.

5. При помощи ручной лопатки, ножа и сухаго вѣнника, окопанный вышесказаннымъ способомъ остовъ изслѣдователь освобождаетъ изъ земли, начиная съ черепа, не раздѣляя частей остова и оставляя найденныя вещи на мѣстѣ находки.

6. Разрываемая надъ остовомъ и по бокамъ его земля тщательно просматривается, а въ случаѣ находки мелкихъ вещей, напримѣръ: бусъ, зеренъ и проч., просѣивается на ручное металлическое рѣшето.

7. Найденныя при остовѣ и на немъ вещи оставляются на мѣстахъ ихъ положенія въ могилѣ до тѣхъ поръ, пока весь остовъ будетъ освобожденъ отъ земли и записано въ дневникъ раскопокъ, какъ положеніе остова, такъ и расположеніе вещей при немъ найденныхъ.

8. Если раскопка пробныхъ кургановъ обнаружить группу насыпей съ остатками трупосожженія, съ пепелищами отъ костровъ, на которыхъ были сожжены покойники, то всѣ курганы такой группы должны быть раскапываемы (срѣзываемы) послѣдно, начиная съ вершины во всю величину насыпи до уровня кострища, а за-

тѣмъ ниже кострища должно прорыть колодезь до грунта.

9. Открытіе въ насыпи изслѣдуемаго кургана остова (костяка), гробницы, сосуда со жженными костями, кострища и друг. вещей на какой-бы высотѣ или глубинѣ насыпи они ни были найдены, не должно служить поводомъ къ прекращенію дальнѣйшей раскопки этой насыпи; раскопку ея слѣдуетъ прекратить не иначе, какъ вполне убѣдившись, что колодезь или траншея выкопаны до грунта (материка), равнаго по составу и плотности материка подпочвы въ пробной ямѣ, — и что ниже насыпи нѣтъ могилы, вырытой въ грунтѣ.

Устройство могилы. За описаніемъ способа раскопки должно слѣдовать въ дневникѣ раскопокъ описаніе устройства могилъ, найденныхъ въ изслѣдованныхъ курганахъ. При этомъ важенъ въ историч. отношеніи вопросъ какъ погребенъ покойникъ, сожженъ-ли его трупъ съ вещами или нѣтъ.

1. При открытіи въ курганной насыпи сосудовъ со жженными костями должны быть отиѣчены: число сосудовъ съ костями и число сосудовъ пустыхъ, то есть наполненныхъ только землею или землею и остатками пищи; взаимное расположеніе сосудовъ, то есть найдены-ли они на одномъ уровнѣ или одинъ ниже другаго, и разстояніе одного сосуда отъ другаго, положеніе сосудовъ въ курганѣ, то есть разстояніе ихъ мѣстонахожденія отъ вершины насыпи и ея основанія. Кромѣ сосудовъ со жженными костями и сосудовъ пустыхъ не было-ли найдено въ томъ-же курганѣ угля, несожженного остова и пр.?

2. При открытіи въ курганной насыпи кострища, то есть пепелища, на которомъ сожженъ покойникъ, (и вообще при описаніи кургановъ съ кострищами) должны быть отиѣчены: толщина угольнаго слоя, размѣры пепелища, разстояніе его отъ вер-

шины кургана и основанія. Не было-ли найдено въ томъ-же курганѣ сосуда съ костями, несожженного остова, слѣдовъ жертвоприношенія и проч. На какой высотѣ отъ кострища найдена мертвенная урна, величина кострища и перечень вещей въ немъ найденныхъ?

3. При открытіи въ курганѣ остатковъ несожженного покойника должно быть отмѣчено разстояніе ложа покойника отъ вершины и основанія кургана вообще, замѣчено погребенъ-ли онъ на материкѣ, выше или ниже его, въ гробѣ или нѣтъ? въ срубѣ, подъ доскою или камнями? Какое положеніе погребеннаго лицомъ къ Сѣв., Вост., Зап. или Югу? Какъ лежитъ, на боку или на спинѣ, руки протянуты или скрещены? мужской или женскій полъ? старый или молодой по зубамъ? Не было-ли обнаружено при остовахъ слѣдовъ сгнившаго гроба или гробницы?

4. При открытіи гроба должны быть описаны его размѣры, устройство и матеріалъ.

5. Если раскопка обнаружитъ въ курганѣ деревянную или каменную гробницы, то послѣднія должны быть точно измѣрены (глубина, длина, ширина etc) и подробно описаны съ указаніемъ матеріала (доски, брусъ, камень, обожженная глина etc) и способа устройства гробницы (срубъ, чашеобразный, каменная кладка съ цементомъ или безъ онаго etc); кусокъ дерева отъ гробницы слѣдуетъ сохранить для изслѣдованія. Положеніе костяка и находки въ гробницахъ описываются по способу вышеуказанному. То-же слѣдуетъ сказать и о погребальныхъ камерахъ въ курганахъ.

Содержимое могилы. Наконецъ за описаніемъ устройства могилы должно слѣдовать въ дневникѣ раскопокъ описаніе содержимаго могилы, въ которомъ должны быть обозначены: положеніе остатковъ погребеннаго и положеніе вещей, при немъ найденныхъ.

1. При описаніи положенія остова должно быть указано направленіе головы, положеніе конечностей и величина остова.

Изъ остова, если состояніе костей это позволить, необходимо сохранить черепъ, одну изъ верхнихъ и одну изъ нижнихъ конечностей и тазъ.

2. Украшенія и другія вещи, найденныя при остовахъ, должны быть записаны въ дневникъ съ обозначеніемъ положенія, въ какомъ они найдены въ могилѣ относительно остова.

Примѣчаніе I. Всѣ находки, открытыя въ данной курганной насыпи, должны быть пронумерованы № курганной насыпи, въ которой найдены и сохраняемы отдѣльно по курганамъ. Если раскопки подверглись (напр. въ экскурсіи) разнымъ группамъ кургановъ, то должно отмѣтить на предметѣ еще и названіе группы.

Примѣчаніе II. Дневникъ раскопокъ долженъ храниться въ томъ собраніи, куда поступаютъ курганныя находки.

Примѣчаніе III. Каждый курганъ, при раскопкѣ котораго не былъ составленъ дневникъ раскопокъ, считается потеряннымъ для науки.

Примѣчаніе IV. Очищать металлическія находки можно, какъ механически, такъ и при посредствѣ кислотъ. Для очищенія бронзовыхъ вещей употребляется соляная кислота; золотыхъ и серебряныхъ—сѣрная. Желѣзные вещи очищаются механически. Раздавленные землею глиняные сосуды можно клеить густымъ растворомъ аравійской камеди или желатины, съ примѣсью порошка изъ черепковъ древнихъ сосудовъ, или порошка рыхлаго чернозема.

Примѣчаніе V. Иногда на мѣсто оружія и друг. цѣнныхъ вещей встрѣчаютъ въ могилахъ небольшія модели или *имитации* настоящихъ, низшаго конечно качества, но тѣмъ не менѣе имѣющаго значе-

чение для науки, а пот. и такі заслуживают безусловно сбереженія въ музеяхъ.

III. Антропологическая инструкция (въ дополненіе къ курганной) проф. А. П. Богданова.

Представленная инструкция, признанная удовлетворительною археологическою комисіею въ научномъ отношеніи, можетъ быть дополнена нѣкоторыми внѣшними, такъ сказать, частностями, истекающими изъ цѣли раскопокъ кургановъ не ради одной лишь археологіи, но и для потребностей новой пока у насъ въ Россіи отрасли положительнаго знанія, — науки антропологіи.

А. Раскопка кургановъ съ антропологическими цѣлями не то-же самое по своимъ внѣшнимъ требованіямъ, что раскопка съ чисто-археологическими видами. Для археолога нахожденіе одного покойника, но окруженнаго особенно значительнымъ числомъ предметовъ и особенно характеристичными бытовыми частностями, можетъ представлять гораздо большій научный интересъ, чѣмъ раскопки десятковъ кургановъ. Для антрополога и его выводовъ необходима извѣстная численность череповъ и костяковъ для возможности выводовъ. Отсюда слѣдуетъ необходимость высказать слѣдующія пожеланія лицамъ, желающимъ оказать содѣйствіе русской антропологіи:

1) Хотя каждый курганъ имѣетъ свой интересъ и каждый предметъ, найденный въ немъ, можетъ съ пользою найти мѣсто въ ученой коллекціи, но при выборѣ матеріала для антропологическихъ цѣлей необходимо отдавать предпочтеніе для разрытія тѣмъ мѣстностямъ, въ коихъ попадаются курганныя кладбища съ значительнымъ числомъ кургановъ, дающимъ возможность надѣяться на полученіе 10, 15, 20 и болѣе курганныхъ остововъ изъ одной мѣстности или изъ нѣсколькихъ близлежащихъ. Цѣль собиранія краниологическаго и остеологическаго матеріала со-

стоитъ въ полученіи данныхъ для опредѣленія антропологическихъ признаковъ племени. Очевидно, гораздо большая вѣроятность встрѣтить особей одного доисторическаго племени въ курганахъ одного кладбища или въ нѣсколькихъ близко лежащихъ другъ отъ друга, чѣмъ въ отстоящихъ на значительное разстояніе другъ отъ друга, а тѣмъ болѣе разбросанныхъ въ разныхъ отдаленныхъ мѣстахъ, хотя бы и одной и той-же губерніи или уѣзда. Поэтому, съ точки зрѣнія антрополога гораздо важнѣе раскопка хотя-бы и меньшаго числа кургановъ, но одной мѣстности и одного кладбища, чѣмъ гораздо большее число череповъ, но полученныхъ изъ различныхъ мѣстностей, лежащихъ въ значительномъ разстояніи другъ отъ друга.

2) Такъ какъ всегда есть вѣроятность встрѣтить въ могилахъ ненормальные черепы, патологическіе и уродственные, а также молодыхъ особей, недостигшихъ полного выраженія антропологическихъ свойствъ племени на своихъ костякахъ, и такъ какъ, кромѣ того, при нормальныхъ условіяхъ ряды череповъ мужскаго и женскаго типа должны быть сравнимаемы отдѣльно, то для возможности, хотя съ нѣкоторою увѣренностію, брать среднія, необходимо до 30 череповъ племени, а слѣдовательно и полученіе не менѣе 30 остововъ изъ кургановъ той мѣстности или того племени, которое должно быть изучаемо. Даже при такомъ числѣ окажется, что вполне удобныхъ для изученія, т. е. при выдѣленіи ненормальныхъ и не вполне развитыхъ особей, будетъ только около десятка въ рядахъ мужскаго и женскаго типа, т. е. минимумъ того, что можно желать.

3) Въ виду этихъ условій полезнѣе при работахъ на первое время выбирать не-большіе курганы, требующіе менѣе времени для раскопки, чѣмъ курганы боль-

шіе, такъ какъ съ опредѣленною суммою на издержки можно, во-первыхъ, рассчитывать на большее число костяковъ и череповъ, хотя можетъ-быть и на меньшее число археологическихъ предметовъ.

В. Для антропологии и археологии весьма интересно имѣть модели различнаго рода способовъ погребенія, характеризовавшихъ племена различныхъ мѣстностей Россіи. Для возможности этого, кромѣ данныхъ, указанныхъ въ вышеприведенной инструкции, желательно еще: а) представленіе образцовъ различныхъ слоевъ насыпи кургановъ извѣстной мѣстности, а также материка, на которомъ лежали остоны, чтобы по этимъ образцамъ можно было вѣрно произвести на моделяхъ и способъ образованія насыпи.

б) Хотя-бы грубый чертежъ могилы, т. е. положеніе костей скелета и черепа, а также и размѣщеніе вещей около него.

с) Опредѣленіе разстояній, на которыхъ помѣщались предметы отъ костей, толщины слоевъ насыпи и тому подобныя частности, могущія облегчить изготовленіе модели. Если курганъ по внѣшности чѣмъ либо отличался, то тоже слѣдуетъ дать хотя-бы самый грубый, но по возможности вѣрный чертежъ. Если курганъ обложенъ камнями, то необходимы образцы такихъ камней.

С. Необходимо взять изъ кургана всѣ кости, перенумеровать ихъ и не оставлять ничего, развѣ только такія, кои совершенно истлѣли, такъ какъ, кромѣ черепа и челюстей, любопытны и остальныя части скелета (для коллекціи монтированныхъ костяковъ изъ кургановъ, могущей доставить матеріалъ для многихъ частныхъ изслѣдованій).

2) Нужно особенно заботиться о томъ, чтобы при разрытіи кургана не попортили черепа и не потерять зубовъ съ челюстей.

Если зубы вываливаются, то ихъ закрѣпить въ ячеяхъ клеємъ.

3) Черепа бываютъ наполнены землею и нѣсколько сыры при вынутіи ихъ изъ могилы. Слѣдуетъ ихъ оставить въ комкѣ нѣкоторое время для просушки, причемъ переносить нужно осторожно, чтобы отъ толчковъ не разошлись швы. Когда земля обсохнетъ въ черепѣ и около черепа, то осторожно удалять ее. Не слѣдуетъ обмывать черепа, какъ это дѣлали нѣкоторые въ прежніе годы, неправильно понавѣ мою просьбу о присылкѣ очищенныхъ череповъ. Подъ очисткою я разумѣлъ только отдѣленіе комковъ земли снаружи и внутри черепа.

4) Нужно тщательно обособлять кости одного скелета отъ другаго въ случаѣ ихъ помѣщенія въ одномъ ящикѣ для пересылки. Въ прошломъ году случилось не разъ, что кости приходили перепутанными и подборъ ихъ требовалъ значительнаго труда, легко избѣгаемаго при тщательной упаковкѣ. Нужно помнить, что кости, завернутыя кое-какъ въ тонкую бумагу и небрежно завязанныя, отъ толчковъ въ дорогѣ высыпаются и перепутываются.

Д. Комитетъ будетъ особенно благодаренъ за доставленіе не однихъ только костяковъ и череповъ изъ кургановъ, но также и всего найденнаго при нихъ. Общество любителей естествознанія давно уже стремится къ тому, чтобы въ своемъ музее составить такую коллекцію, въ которой находились-бы всѣ предметы каждаго кургана, антропологическіе и археологическіе, кои вѣстѣ съ подробнымъ описаніемъ давали-бы возможность воссоздать всю обстановку кургана. Часто это бываетъ особенно полезно и при краниологическихъ изслѣдованіяхъ. Такъ случается, что въ серіи череповъ изъ извѣстнаго района немногіе отличаются совершенно своеобразными признаками. Для антрополо-

та весьма важно для дальнейших выводов иметь возможность убедиться по протоколу раскопки и вещамъ, были-ли окружены такіе черепа совершенно тою же обстановкою, какъ и остальные, или же и въ окружающихъ ихъ предметахъ выражалось отличіе. Въ послѣднемъ случаѣ получилось-бы довольно существенное основаніе для предположенія о принадлежности къ совершенно другому племени такихъ череповъ и о случайномъ (въ антропологическомъ отношеніи) появленіи ихъ въ племенной серіи череповъ изслѣдуемой мѣстности.

IV. Инструкція при эксплораціи каменныхъ гробовъ и древнихъ кладбищъ съ «обособленными урнами»⁵⁴⁾.

1) Прежде чѣмъ начать раскопку кладбища или вскрытіе гроба надлежитъ снять, хотя-бы отъ руки, планъ того и другаго съ точными цифровыми данными всѣхъ размѣровъ и геометрическихъ отношеній — частей и цѣлаго, безусловно обращая вниманіе на отношеніе ихъ къ направленію меридіана (полуденной линіи⁵⁵⁾). Опредѣленіе

⁵⁴⁾ G. Ossowski O potrzebie robót archeologicznych w Prusach zachodnich etc. (Торунь 1876).

⁵⁵⁾ Самый простой и удобный приборъ для этого *фрейберскій компасъ* съ дѣленіями на градусы и часы ($360^\circ = 24$ часа; 12 дѣленій въ восточномъ полукругѣ лимба отъ N. до S. и 12 дѣленій въ полукругѣ западномъ отъ S. до N, причемъ восточн. и запад. полукруги расположены обратнo естественному ихъ положенію). Бусоль укреплена на особой досчечкѣ — параллели и употребленіе ея весьма несложно. На одномъ изъ пунктовъ линіи, направленіе которой желаемъ опредѣлить, ставимъ компасъ такъ, чтобы магнитная стрѣлка шла на румбъ N и S, затѣмъ досчечку поворачиваемъ до совпаденія ея продольнаго направленія съ направленіемъ опредѣляемой линіи. Стрѣлка покажетъ тогда известные часы въ двухъ направленіяхъ, которые немедленно и записываются на страницахъ дневника (наприм.

по компасу «абсолютнаго направленія» кладбища или гроба важно ужъ потому, что замѣчено въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ напр. въ типахъ гробницъ на простран. м. Зап. Бугомъ и Дябромъ правильно повторяющійся обычай при закладкѣ кладбища или погребеніи руководиться странами горизонта — (конечно въ связи съ тѣми или другими вѣрованіями первобыт. человѣка). 2). Раскопка производится съ приличной осторожностью, чтобы предупредить на первыхъ-же порахъ поврежденіе отъ орудій возможно присутствующихъ погребальныхъ урнъ, находящихся не глубоко, не защищенныхъ плитами или стоящихъ за гробницей. При первомъ, хотя-бы сомнительномъ, признакѣ, обнаруживающемъ присутствіе сосуда, слѣдуетъ весьма старательно окопать вокругъ него землю, не касаясь самой урны, до той поры, пока земля не будетъ сброшена до уровня дна урны, — вслѣдъ затѣмъ урна осторожно отдѣляется снизу отъ земляной среды и снимается съ мѣста.

3) Мѣсто, на которомъ находился добытый объектъ должно быть означено на приготовленномъ заранее планѣ кладбища, а въ случаѣ находки многихъ предметовъ, каждый пунктъ на планѣ подобаетъ обозначить особымъ номеромъ, — смыслъ котораго изложенъ въ прилагаемой къ находкѣ описи.

4) Изъятая урна неукоснительно помѣщается въ тѣнистое мѣсто въ видахъ постепенной ея осушки, — во избѣжаніе возможной при быстромъ согрѣваніи и сушкѣ отсырѣлой глины тресканія сосудовъ.

NO. SW h. $\frac{1}{4}$; — NW SO h. $3\frac{1}{4}$). Такой замѣтки при измѣренныхъ величинахъ сторонъ кладбища или могилы вполне достаточно, — чтобы во всякое время возстановить планъ кладбища, отсутствуя хотя бы на немъ впоследствии.

Одновременно съ постепенной наружной осушкой, опоражниваютъ и содержимое, извлекая изъ сосуда землю и тѣмъ давая доступъ во внутрь воздуху, что, въ свою очередь, уравниваетъ сушку внутреннихъ стѣнокъ съ осушкой внѣшнихъ. Техника дѣла д. б. не мало бдительной. Лучше всего осуществляется она при помощи десертныхъ ложекъ. Опорожненную урну оставляютъ дня на два въ покой, — пока не отвердѣетъ. При извлеченіи земли слѣдятъ за тѣмъ, чтобы не выбросить случайно предметы, находящіеся часто внутри урны. Советуемъ въ виду этого изъятьую землю — просѣивать черезъ густой грохотъ.

Найденные въ урнѣ предметы (къ каковымъ причисляются и кости) сохраняютъ нераздѣльно съ урной, всего лучше поэтому помѣстивъ ихъ въ той-же урнѣ, гдѣ были найдены.

Предметы металлическіе найденные въ урнахъ или съ ними совѣтуютъ не очищать, но только откинувъ землю, оставить въ томъ видѣ, въ какомъ найдены были (предоставивъ это впоследствии лицу искусному).

5) При открытіи гробницы не слѣдуетъ нарушать ея цѣлости, доколѣ вся она вполне не освободится отъ окружающей земли. По окончательной наружной раскопкѣ измѣряютъ длину и ширину гробницы и опредѣляютъ (по компасу) абсолютное ея направленіе. Если возможно, снимаютъ также рисунокъ съ ея внѣшнихъ поверхностей и тогда ужъ приподнимаютъ плиту, составляющую покровъ гробницы. Земля, наполняющая гробъ, извлекается съ прежнимъ тщаніемъ и осмотрительностью до глубины стоящихъ въ гробницѣ урнъ. Извлекая находимые въ ней предметы отмѣчаютъ въ какомъ мѣстѣ лежали они; въ заключеніе извлеченная земля просѣивается черезъ грохотъ.

Вскрытая внутренность гробницы, на

полненная урнами, переносится на рисунокъ, на котор. каждый предметъ обозначаютъ особ. номеромъ. Извлеченіе изъ гробницы урнъ совершается вышеуказанными уже для «обособленныхъ урнъ» приемами, а находящуюся между урнами землю, по тщательному разсмотрѣнію, просѣиваютъ сквозь грохотъ.

6) По окончаніи этихъ работъ не слѣдуетъ уничтожать гробницу, но, если есть возможность, сложить плиты въ томъ порядкѣ, въ какомъ онѣ откопаны были, и снова покрыть все землей. Такимъ образомъ можемъ сохранить гробницу для будущихъ временъ. Не дурно было-бы, задымывая гробницу, покинуть въ ней замѣтку, изложивъ въ послѣдней время и обстоятельства раскопки со спискомъ найденныхъ въ ней вещей. Рукопись, понятию, для предохраненія отъ порчи, помѣщаютъ въ стекляной или металлической посудѣ (бутылку), плотно закупоренный, съ засмоленнымъ отверстіемъ, какъ презервативъ отъ влаги.

7) Въ ряду замѣчаній, сдѣланныхъ изслѣдователемъ о предметахъ, найденныхъ въ гробницахъ и кладбищахъ, не послѣднее мѣсто занимаютъ данныя и о размѣрахъ добытыхъ урнъ. Измѣреніе ихъ дѣлать слѣдуетъ въ децимальныхъ мѣрахъ, указывая: а) высоту урны, б) діаметръ дна или основанія, в) діаметръ верхняго отверстія, г) величину самой широкой выпуклости, д) величину впадины и выпуклости ниже верхняго отверстія (въ мѣстѣ, соответствующемъ положенію ушекъ сосуда “).

“) При изслѣдованіи (описаніи и изученіи) горшковъ и друг. издѣлій архаической керамики для интересовъ археологій и антропологій вообще безполезно имѣть въ виду слѣдующіе вопросы: 1) Правильная-ли геометрически форма горшка и его украшеній; есть-ли схема въ узорѣ и какая? Формовка отъ

8) Наконецъ обращаемъ особенное вниманіе изслѣдователей на одно весьма важное обстоятельство—именно, просимъ избѣгать весьма нерѣдко доселѣ практиковавшійся обычай разрознивать добытые въ одномъ гробу, или кладбищѣ находки, раздавая ихъ по частямъ въ разные руки и коллекціи. Если дарить науч. предметъ, то дарить его цѣликомъ; наоборотъ: если удерживать, то сохраняя его въ комплектной цѣлости. Дробя на части—мы только портимъ въ потѣ лица добытый матеріалъ, затемняя *общій характеръ* находки и уничтожая *цѣльность* найденныхъ *чертъ эпохи*, къ которой принадлежать предметы. Въ виду этого же гг. коллекционерамъ не мѣшаетъ имѣть въ виду, что для науки полезно упорядковывать собираемые

руки или на гончарномъ кружалѣ? 2) Что представляетъ горшокъ со стороны матеріала: масса рыхлая, пористая, ломкая, плотная?—съ звонкимъ или глухимъ резонансомъ? Какой цвѣтъ въ изломѣ и составъ? гигроскопическія свойства (проникается ли водой при кипяченіи съ ней, размокаетъ ли)? 3) Продукты, получаемые при а) отмучиваніи измельчанной массы (песокъ, глина),— б) при обработкѣ соляной кислотой (вскипаетъ ли растворъ); в) при обжогѣ (сильномъ: перемѣна цвѣта, сплавляется ли, пористость;—слабомъ: выдѣленіе паровъ) и проч.? 4) Присутствіе органическихъ веществъ? и т. п. что можетъ повести къ дальнѣйшимъ вопросамъ: а) На какой степени совершенства остановилась техника производства горшковъ? б) Представляютъ ли они по свойствамъ выдѣлки какія-либо особенности? в) Нельзя ли сдѣлать какихъ-либо выводовъ изъ анализа состава горшковъ и сравненія употребленныхъ для изготовленія ихъ матеріаловъ съ тѣми, кои нынѣ входу при ихъ производствѣ въ современной мѣстности ихъ находки? и др. вопросы, поставленные напр. программой VI археол. съезда и по которымъ желательно бы получить свѣдѣнія къ сѣзду: 1) Происхожденіе гончарнаго производства въ Россіи древнѣе, или новѣе

предметы не по ихъ качествамъ индивидуальнымъ, а коллективнымъ,—слѣдовательно группирова ихъ по отдѣльнымъ находкамъ. Только такимъ способомъ можемъ мы сохранить въ музеѣ картину того, что былъ раскопкой и что составляетъ въ сущности всю цѣнность и жеманное качество всякой *археологической коллекціи*,—въ противномъ случаѣ—собраніе не научно и представляетъ собой лишь антикварскій дилетантизмъ!

Съ вопросомъ о курганахъ южной Россіи издавна въ русской археологіи находится (если не съ генетической, то во всякомъ случаѣ съ топографической стороны) въ связи вопросъ о *каменныхъ бабахъ*. Подъ этимъ именемъ (также *люди каменные-балахи*, *Мага* и др.) известны

западно-европейскаго? 2) Консистенція сосудовъ грубой ручной работы—плетенки и пр., имѣютъ ли предѣлы въ извѣстныхъ типахъ, т. е. въ погребальныхъ и обрядовыхъ урнахъ, а также въ сосудахъ для пищи и пр.? 3) Какое вліяніе могли имѣть на нашу керамику египетская и восточная культуры и колоніи береговъ Чернаго моря, и какія извѣстія мы имѣемъ о проникновеніи къ намъ усовершенствованной обработки сосудовъ (гончарная досечка и гончарное колесо)? 4) Нельзя ли указать инструменты и способы, практиковавшіеся въ первобытную эпоху въ Россіи для выдѣлки орнамента на сосудахъ? 5) Имѣютъ ли указанія на тѣ практическія требованія жизни, пѣзъ которыхъ могли возникнуть зачатки орнамента и окрашиванія сосудовъ? 6) Какого рода растенія употреблялись для производства матеріи, которыми обволакивали сосуды каменнаго вѣка, т. е. какія древесныя вѣтви и запки употреблялись для изготовленія плетенки; не аналогичны ли вышеупомянутыя матеріи съ тканями изъ *linum angustivolum*, или нѣкоторыя пѣзъ тканей дѣлались изъ выпѣзъ употребительнаго льна? Имѣютъ ли указанія на матеріи въ эти періоды пѣзъ конопля, шерсть и волосы?

грубо-изваянные изъ камня истуканы, представляющіе особъ мужскаго («каменной человекъ», «баба-мужикъ») или женскаго пола («дівка каменна»), иногда лишь съ претензіей только изображать человѣческую фигуру, то въ совершенно обнаженномъ видѣ, то въ одеждѣ и вооруженіи съ довольно ясными признаками подробностей костюма и головного убора, встрѣчаемыя на курганахъ и могилахъ главнымъ образомъ степныхъ окраинъ южной Россіи. Стоять они то вертикально поставленные на вершинѣ насыпи, лицами обращенные къ востоку, то попадаютъ зарытыми внутри кургановъ, вышиною отъ 3—10 футовъ. Иногда низвергнутый колосъ валился внизу у подошвы кургана въ изувѣченномъ временемъ и людьми видѣ⁷⁷⁾.

⁷⁷⁾ Размѣры бабъ не одинаковы, высота ихъ колеблется отъ 3—5 локтей. Что могло служить поводомъ зарывать изваяніе въ землю, желаніе-ли уберечь предметъ отъ поруганія и разрушенія со стороны племенъ-пришельцевъ или были здѣсь другіе мотивы—останется, думать, загадкой навсегда. Говорятъ, есть экземпляры, стоящіе непосредственно на ровной степной почвѣ безъ кургана. Во всякомъ случаѣ для археолога несравненно цѣннѣе будь это и низвергнутый, но оставшійся на первоначальномъ своемъ посту истуканъ, чѣмъ тѣ лишенные топографич. смысла изваяніи, которыхъ порѣзкому, но заслуженному, приговору Al. Kohn'a сдѣлалась жертвою «подернутого цивилизаціей наивѣлізма», попавъ въ аллеи городскихъ и барскихъ садовъ и дворовъ или просто на улицы (въ Таганрогъ, Новочеркасскъ, Кіевъ, Эски-Крышъ: «Зап. Антиквара»), узкой утилитарности въ роли воротныхъ стоекъ и дверныхъ косяковъ въ крестьянскихъ и иѣмецкихъ экономіяхъ (напр. въ Бахмут. у-дѣ, Ново Воронцовкѣ, Тягинкѣ и др.) или «учебнаго невѣжества», валиясь въ сторовахъ отъ всякаго активного интереса въ таинномъ закулискъ хотя-бы и подъ вывѣской «музея древностей». Грубый и невѣжественный чабанъ,

до сихъ поръ наука не въ силахъ дать ничего опредѣленнаго объ этихъ загадочныхъ памятникахъ неизвѣстныхъ временъ и народностей и чуть-ли не суждено имъ надолго остаться въ числѣ трудно-рѣшаемыхъ археологическихъ проблемъ (такъ какъ вопросъ о нихъ хотя въ наукѣ и не новый, но до сихъ поръ еще съ достаточной полнотой не разработанъ). Въ самомъ дѣлѣ, что такое по роли и генезису своему эти безсмысленные стражи степныхъ могилъ: надгробныя-ли это изображенія покойниковъ, сокрытыхъ въ тѣхъ-же курганахъ, — изображенія-ли это божествъ незнаемаго намъ пантеона невѣдомыхъ кочевниковъ древности или эмигрировавшаго съ востока на западъ какого-либо предка-европейца? Во всякомъ случаѣ, что за народъ былъ ихъ ваятелемъ и сколько вѣковъ протекло надъ ихъ размытыми дождемъ главами? вотъ вопросы, которые не только въ мысляхъ археолога, но и въ мечтахъ наблюдательнаго путешественника

непосыгающій въ своемъ сусѣртіи на цѣлостъ памятника, лучший безспорно и желанный въ видахъ будущей науки консерваторъ подобной старины. Кстати замѣтить здѣсь, что бывали случаи, свидѣтельств. о не всегда равнодушномъ отношеніи населенія къ камн. бабамъ. Такъ напр. одинъ подоб. памятникъ, стоявшій на одной «товстой» могилѣ вблизи Никополя, пользовался у окрестныхъ жителей нѣкоторой степенью чуть не религіознаго почитанія. Ему приписывалось массою таинственное повровительственное вліяніе на цѣлый край и въ памятныя своей засухой 1833 и 34 года народъ толпами собирался къ истукану умолять о плодородіи (интересный и утерянный въ подробностяхъ для археолога фактъ, повлечшій за собой, если вѣрить Kohn'у, гибельныя послѣдствія для памятника: мѣстный землевладелецъ принялъ мѣры къ уничтоженію угрожавшей идолопоклонствомъ народу каменной бабы; остатки разбитой головы еще долго валились у ногъ низвергнутого изваянія).

рождаются невольно при видѣ этихъ, своего рода каріатидъ, исполнски рисующихся среди зеленой степи на голубомъ фонѣ южнаго неба, и для иного серьезнаго мыслителя, б. м., болѣе интересныхъ, чѣмъ легкіе продукты чувственной фантазіи, украшающіе въ видѣ стылливыхъ Венеръ и Грацій портики, вестибюли и сады со временныхъ набобовъ. Научное рѣшеніе вопроса, конечно, рано или поздно созрѣетъ въ нашей наукѣ, разъ приложены будутъ къ нему цѣлесообразные методы и проложены новыя, болѣе опредѣленные пути къ открытію, чѣмъ какіе долгое время были въ арсеналѣ русской археологіи. Дѣйствительно, до послѣдняго времени наука главнымъ образомъ искала рѣшенія настоящаго вопроса путемъ только розысканія данныхъ въ документальныхъ памятникахъ письменной старины, между тѣмъ письменные источники древности (Геродотъ, Діодоръ Сицилійскій) ины, средневѣковые—глухи (Аммианъ Марцеллинъ) или скупы (Рубруквисъ), то-же должно сказать и о писателяхъ-путешественникахъ XVI—XVII в. (Герберштейнъ, Гвагини, Боксгоріи и др. ⁹⁾). Только съ половины

⁹⁾ Первый историкъ нашихъ степей Геродотъ, много передавая о погребальныхъ обрядахъ скизовъ, нигдѣ не упоминаетъ о камен. бабахъ, молчитъ о нихъ и вся послѣдующая древность хотя бы въ лицѣ современника Цезаря Діодора Сицилійскаго, также писавшаго о скизахъ; молчатъ о нихъ Византіицы и Арабы. Пущенное съ легкой руки Кларотъ'a мнѣніе о свѣдѣтельствѣ Аммиана Марцеллина, будто бы сравнивающаго уродство гунновъ съ безобразіемъ камен. бабъ (Am. Marcellinus L. XXXI, 2), повторенное Палласомъ, Делевелемъ, Кеппеномъ, Спасскимъ, Терещенкомъ, Новосельскимъ и др. есть результатъ ошибочно прочитаннаго неправильно понятаго текста, обнаруженный еще I. Potocki'mъ (Hist. primit. des peuples de la Russie), что вполнѣ рачительно признали Крашевскій (Sztuk. u. Slow-

XVIII вѣка плеяда извѣстныхъ въ русской наукѣ прошлаго столѣтія петербургскихъ иныцевъ-академиковъ и ихъ русскихъ адъюнктовъ болѣе или менѣе часто или от-

215) и Уваровъ (Тр. I Арх. С—да т. II, 511). Если не считать за намокъ о камен. бабахъ извѣстный (хотя загадочный) стихъ въ «Словѣ о полку Игоревѣ» («... и тебѣ Тимутараканьскій блъванъ»), то первое и самое древнее извѣстіе о камен. бабахъ мы имѣемъ только отъ Рубруквиса (миниротскаго монаха, посла Людовика IX въ Мангу-Хану въ 1253), видѣвшаго и описавшаго ихъ подробно въ своемъ путешествіи (Voyage du Guillaume de Rubruquis ch. X и XV—перев. Bergeron «Voyages en Asie» Н. 1735), къ сожалѣнію изваянія и тогда уже были такою древностью, о которой никто не могъ дать путешественнику опредѣленныхъ свѣдѣній.

Но все, что говоритъ монахъ XIII стол. о погребальн. обычаяхъ Кумановъ (Половцевъ), не можетъ быть принято безусловно осторожнымъ археологомъ къ легитимациіи происхожденія камен. бабъ, изъ подъ рѣзца кумановъ. Яствуетъ только, что изваянія стояли уже въ это время на могилахъ съ погребен. куманамъ, но какъ сами могилы, такъ и камен. бабы могли быть позднѣйшей лишь утилизаціей половцами погребальнаго достоянія предшествовавшихъ имъ (на что намекаютъ находки «этажныхъ» кургановъ) — номадовъ. Описаніе погребальныхъ сооружений и ритуала собственно кумановъ, оставленное намъ тѣмъ же Рубруквисомъ не соответствуетъ вполнѣ тѣмъ курганамъ, на которыхъ встрѣчаемъ каменные бабы. Вѣдно, что не зная языка туземцевъ, монахъ болѣе видѣлъ чѣмъ слышалъ, а между тѣмъ лингвистическій талантъ въ этомъ случаѣ былъ бы неоцѣненной заслугой путешественника предъ потомствомъ. Гвагини («Sarmatiae europaeae descriptio». Spiga. 1851. p. 85—6), баронъ Герберштейнъ, посѣтившій Россію въ 1517 и 1526 гг. говорятъ собственно не о нашихъ камен. бабахъ, а объ аналогич. изваяніи—Золотой Баба, стоящ. при р. Оби, идолъ обдорскихъ инородцевъ Сибири. Съ XVI столѣтія упомина-

рывочно, но упоминасть въ дневникахъ своихъ ученыхъ поѣздокъ о томъ или другомъ памятникѣ этой категоріи. Трудами ихъ, а главн. образомъ послѣдующихъ поколѣній русскихъ археологовъ текущаго столѣтія (въ недавнее время принявшихъ въ научную дисциплину нѣкоторые, какъ увидимъ ниже, новые приемы изученія), мало-по-малу сложился, правда далеко не великій, монографическій матеріалъ”), об-

работка котораго теперь была-бы, думаемъ, еще хотя и преждевременной, тѣмъ не менѣе кой-какія пока скромныя, но положительныя данныя могутъ быть заявлены желающимъ посвятить себя дальнѣйшимъ изысканіямъ. Во-первыхъ, съ *территориальной* стороны каменные бабы вѣщаютъ собою болѣе или менѣе развернутой колонной курганы огромной по пространству полосы, идущей съ востока изъ вѣдръ

нія о памятникахъ становятся хотя и чаще, но изъ услугамъ археолога отъ того времени единственно пригодной можетъ служить лишь *Книга Большаго Чертежа* (изд. Г. И. Спасскаго. Москва 1846), какъ топограф. указатель при поискахъ камен. бабъ по могиламъ юго-востоку. украинъ Москов. царства.

”) *Ис. Лелекина*. Дневн. записки путешествія въ 1768 и 1769 г. ч. I (Спб. 1795 г. стр. 422; кам. бабы Саратов. г.).

J. P. Falk. Beiträge z. topograph. Kenntniss des Rus Reichs. ib. 1785. 1 B. 348—9. Taf. 3, 4. (сибирскія).

В. Зуевъ. Путеш. зап. отъ С.-Петербурга до Херсона въ 1781 и 82 г. (ib. 1787. 264—7 (Чертомлык., у Кичкаса и Херсон. г.).

Güldenstädt. Reisen durch Russland u. in Caucas. Gebürge. (ib. 1791 изд. Pallas'a 1773. В. II. 14 рис. таб. 2. 14; ib. 36—37. (предкавказск.).

J. Klaproth. Reise in d. Kaukasus. Halle u Berl. 1812. В. 1, 263, (донскія).

P. S. Pallas. Observat. fait. dans un voy. entrep. dans les gouv. merid. de l'Emp. de Russie dans les an. 1793—94, trad. de l'alle. Leipz. 1799, т. I, 370—375.

Ею же. Voyage du prof. Pallas dans plusieurs provinc. de l'Emp. de Russie et dans l'Asie septentr. trad. de l'alle. Paris, l'an. II, avec atlas. т. I, 396—9, т. IV, 221—2, т. VI р. 237—46. (самарскія, семипалатинскія и енисейскія).

Leon Waxel. Recueil de quelq. antiquités trouvées sur les bords de la mer Noire (Berl. 1803, 4°, av. planch.).

Рисунки бабъ также въ рѣдк. Петерб. изда-

нія 1801 г. «Изображенія разныхъ памятниковъ древности, найденныхъ на берегахъ Чернаго моря, снятыхъ съ подлинник. 1797—8 г.».

Dubois de Montpéroux. Voyage ant. du Caucase av. atlas. Ser. d'Archeologie ou IV serie, planс. XXXI (херсон., таврич. и екатери—ин).

Г. И. Спасскій. Днѣпровскіе курганы въ I т. Зап. Одео. Общ. 593.

Ею же. О сходствѣ кургановъ юж. Россіи съ сибирскими, ib. т. III и въ Зап. Русск. Геогр. Общ., кн. XII.

Д. Княжевичъ. «Каменные бабы». Записки Одеc. Общ. т. I, 596. (Донск., Херсон.)

Я. Флоренсовъ. О камен. бабахъ ib. т. II, стр. 820.

А. Фабръ. О памят. нѣкот. народовъ варварскихъ, древ. обит. въ Новорос. краѣ. (ib. т. II, 36—46).

И. И. Надеждинъ. Замѣтка о камен. бабахъ изв. Имп. Археолог. Общ. I, 165—8, ib. 167 и 405.

Пассекъ. Въ 3 т. Историческаго Общества стр. 226 (Харьков. и Полтав. г.).

А. И. Пискаревъ. О мѣстѣ нахождения камен. бабъ въ Россіи, (въ Запис. С.-Петер. Археол. Общ., т. III, 205).

Фундуклей. Обзор. мог. etc. Кіевъ. 1818. стр. 76. Табл. 14.

Хаджи-Салихъ-Бабиджановъ. О камен. бабѣ въ Киргиз. степи (Этногр. Сбор. Им. Рус. Геогр. Общ. VI 8—12)

Терещенко. Очерки Новорос. края, статья III, насыпи могильн. въ юж. Рос., etc. Ж. М. Н. Пр. 1853, июль, отд. II, 1.

Ею же. Въ Сѣв. Пчелѣ 1852, № 137. Начало очерковъ ib, 1853.

Азии, отъ подошвы Алтая (даже Саянскихъ горъ), отъ источниковъ Енисея и Оби (частіе Минусинской и Семипалатинской областей) на западъ черезъ низовья Волги, Дона, Днѣпра, степныя равнины Каспійскаго, Азовскаго и Чернаго морей до восточныхъ и сѣверо-восточныхъ предгорій Карпатъ. Восточные форпосты каменныхъ бабъ встрѣчаемъ на берегахъ Абакана, на сѣв. отъ Арала и Каспія, въ киргизскихъ степяхъ близъ Песковъ-Джангызъ-Чагыхъ, Стѣпки-Нарынъ-Пески, въ окрестностяхъ Новаго Узена и Чернаго

Яра. На юго-востокъ и югъ черта совпадаетъ съ предгоріями Кавказа (долинами Кумы и Кубани), таврическихъ горъ и верховьями херсонскихъ балокъ южнаго ската (доселъ, какъ крайній юго-западный пунктъ, извѣстны сс. Ново-Одесса и Бѣлосовка), упираясь нѣкогда въ долину Днѣстра (я б. м. доходя и до Дуная). Западный кордонъ по р. Збручу переваливаетъ въ Галицію (въ окрестности Коломыи) и теряется, если вѣрить мѣстнымъ ученымъ, еще далѣе и въ Польшѣ (Калишской губ.). Сѣверная граница простирается отъ запада на востокъ черезъ Минскую губ., Хотмыжскій и Обоинскій уѣзды Курской, Ахтырскій Харьковской, Воронеж

Елю-жс. О могил. насып. и камен. бабахъ въ Екатери. и Тавр. г-хъ (въ Чт. Московск. Общ. И. Древн. 1866, кн. IV отд. V, 1—37 (рецен. въ Археол. Вѣсти. Моск. Археол. Общ. I, 39).

Р. А. Nowosielski. О Babach (въ *Dzien. Warschawskim* 1854, № 45—48).

Кн. Костровъ. Списовъ камен. изваяніямъ, наход. въ Минус. округѣ, Енисейск. г. (въ Зап. Петерб. отд. Рус. Геогр. Общ., т. VII, стр. 77—83).

Коерпен. *Bullet. scientifique* I (1836), № 18, 139—140.

Елю-жс Крым. сборникъ (Спб. 1837, 39, пр. 53).

Срезневскій. Зап. Имп. Арх. Общ. V, стр. 181.

Гр. А. С. Уваровъ. Свѣдѣнія о каменныхъ бабахъ (Тр. I Арх. сѣз. въ Москвѣ 1869, 501—520) съ картой мѣстонахожденія каменныхъ бабъ въ Азии и въ Европѣ, и подроб. литерат. обстоятельнѣйшее доселѣ изслѣдованіе).

А. А. Гатцукъ. Замѣтка о каменныхъ бабахъ близъ Москвы, съ рис., Чт. М. О, И. Др., 1870. к. III.

И. И. Шаховской. Замѣтка на этотъ трудъ (ib. 1870. IV. 220..).

Отвѣтъ г. Шаховскому А. Гатцука ib. 1871. I. 213...).

С. И. Гудлевъ. Камен. бабы въ С. Петербургѣ, (изв. И. Арх. Об. т. VI. в. 6).

Д. О. Шепинъ. Кубанская каменная баба, Древ. Арх. Вѣст. 1868 г.).

А. П. Богдамовъ. Замѣчанія о моделяхъ каменныхъ бабъ. (Антр. выст. т. I, 153—5).

Рожественскій. Замѣтка о камен. бабахъ въ Рязанск. г. ib.-т. 2. в. 3. 146—7).

Н. Карцелли. Объ истор.-геогр. изысканіяхъ В. И. Мочульскаго, о курганахъ и камен. бабахъ юж. Россіи (въ Тр. Антр. отд. Им. Моск. Общ. люб. ест. к. 2. в. 1. Извѣст. т. XX. стр. 45...).

Въ общихъ трудахъ: *Kraszewski Sztuka u Słowian* 213—27; *Alb. Kohn. Materialien etc.* т. 2. 186... (на таб. VI изображ. бабъ).

М Grabowskiego. Ukraina dawna etc. (т. XIV), *J. Lelwel'a Narody na ziemiach Słowiańskich (Skołotowie* 1, 19) др.

Кромѣ того писали о нихъ какъ прежніе такъ и недавніе иностран. ученые Scherer, Strahlenberg, Bayer, Junker, Zwick, K. Rittler и др. встрѣч. также свѣдѣнія у Lacroix *Annuaire des Voyages* (1846), Gutry, *Voyages.*

И въ др. путешествіяхъ по Россіи, въ отчетѣхъ археолог. комиссіи (напр. т. I Древности геродотов. Сквеи, Спб 1866) и друг. сочиненіяхъ по южнорус. кургановѣдѣнію (см. примѣчаніе на стр. 6—11).

О камен. бабахъ въ Галиціи интересн. свѣдѣнія доставилъ польск. археологъ *Адамъ Киркоръ* въ Чтен. Краков. Акад. Наукъ (тоже у Kohn'a т. 2, 195—7).

скую губ., Балашевскій и Аткарскій у. Саратовской до береговъ Самары у Новосергѣевска (Бузулукскаго у.) Самарской губернии.

Отъ границъ Сибири по направленію къ западу число каменныхъ бабъ все уменьшается и въ областяхъ приволжскихъ и прикаспійскихъ (только-что упомянутыхъ губерніяхъ, а также Ставропольской и Черноморскаго войска на югѣ и Оренбургской на сѣверѣ) встрѣчаются онѣ рѣже, но затѣмъ далѣе (въ азовскія и донскія степи), особливо въ Екатеринославской губ., обнаруживаются въ количествѣ болѣе, равно какъ въ сѣверной части Таврической и отчасти Херсонской, пока, наконецъ, на окраинахъ бассейна Южнаго Буга совершенно исчезаютъ. Единичные экземпляры встрѣчаемъ какъ-бы случайно занесенными въ Воронежской, Полтавской губерніяхъ, Крыму, Подольской, Волынской, Минской, Кіевской, Курской и Рязанской. Первенствуютъ по количеству ихъ губерніи Екатеринославская съ Таганрогскимъ градоначальствомъ, Таврическая и Харьковская¹⁰⁰⁾.

¹⁰⁰⁾ Указанные предѣлы территоріи камен. бабъ не безусловно вѣрны, есть данныя о мѣстонахожденіи этихъ памятниковъ и за границами принятаго района, такъ напр. *Gakstauzen* (въ своихъ *Studien über Russland*) упоминаетъ, что встрѣчалъ истуканъ, похожій на камен. бабу въ лѣсу подъ Москвой; тоже и *А. Гатцуке* (см. выше). *Срезневскій*, упоминаетъ о бабѣ въ Минск. губ. Камен. бабы кромѣ того были нѣкогда извѣстны и въ Оренбургской области. *Пискаревъ* (см. выше) насчитываетъ всѣхъ камен. бабъ (по Зуеву и Палласу) до 650; въ Екатериносл. губ. 428, Таганрог. градонач. — 54, Таврич. — 44, Харьковск. — 43, Землѣ Войс. Донск. — 37, Херсонской — 11, Ставроп. и Полтав. по 5, Воронеж. 4, Саратов. — 3, Кіевской — 2, (Субботовъ и Мерзлявѣ), Астрах. и Рязан. по одной, Енисейской 12; конечно цифры эти далеко ниже дѣйствительности.

Издѣльный матеріалъ памятника не однороденъ, а разнообразенъ въ связи съ мѣстными петрографическими условіями такъ напр., около Черкаска бабы выдѣлывались изъ тамошняго раковистаго известняка (часто бѣлаго), въ Бахмутѣ для нихъ употреблялся кварцевый пудингъ или мѣстный плотный известнякъ, около Петровска мелкій известнякъ, а въ Харьк. губ. являлись онѣ изъ нерѣдкаго здѣсь флецеваго песчаника; наконецъ, имѣемъ экземпляры изъ гранита сѣраго или синеватаго цвѣта (Украинѣ¹⁰¹⁾ и въ Сибири; въ послѣдней находимъ также подобныя изваянія изъ мѣстнаго твердаго песчаника).

Съ *изобразительной* стороны, не смотря на значительное разнообразіе въ типѣ и стилѣ памятниковъ при количественной и качественной скудости матеріала графъ *А. С. Уваровъ* успѣлъ, однако, сдѣлать весьма важныя обобщенія¹⁰²⁾, которыя и приводимъ здѣсь въ извлеченіи совместно съ другими данными.

А) Каменные бабы представляютъ людей обоего пола и повидному всѣхъ возрастовъ: юношей, дѣлницъ, мужчинъ и женщинъ. Признаками пожилаго возраста для мужскихъ истукановъ служатъ усы и проч. черты лица, для женскихъ — общій складъ тѣла (спец. отвисшія груди). Изображены онѣ въ положеніи согнутомъ или прямомъ, полусидячемъ или сидячемъ. Мужчины въ невысокихъ шапкахъ, заостренныхъ (въ родѣ колпачка) съ выпушкой, или же въ круглыхъ въ видѣ ермолки, или монгольскаго покрою тибетейки (часто съ украшеніями)¹⁰³⁾. Женскій го-

¹⁰¹⁾ Въ с. Субботовѣ (Чигиринск. у.—да) см. Grabowskiewa Ukraina etc. (т. XIV).

¹⁰²⁾ Г-нъ *А. С. Уваровъ* «Свѣд. о камен. бабахъ» (Тр. I го Арх. С.—да т. 2. стр. 512...

¹⁰³⁾ Есть впрочемъ экземпляры и съ непокрытою головою. Любопытно замѣтить, что ермолки съ украшеніемъ въ родѣ бусъ совер-

ловной уборы характеріе и разнообразіе: то остроковечныя, то съ широкимъ верхомъ шапки, иногда низенькія круглыя съ болѣе менѣе узкими полями; надѣтыя на головы, причесанныя косами и съ повязкою на лбу. Изъ подъ шапки видѣется иногда узорчатая накладка съ бахромой. Головной уборъ часто напоминаетъ своеобразный капюшонъ съ лопастями, схожіе съ извѣстнымъ уборомъ украинскихъ поселянокъ—«намиткой» съ повязанными концами. Серьги по одной въ каждомъ ухѣ у женщинъ, какъ и у мужчинъ. Женскіе волосы заплетены въ двѣ косы, заложены за уши на подобіе бараньихъ роговъ, у мужчинъ голова кажется обритою (судя по отсутствію волосъ на вискахъ), но съ задней части спадаютъ на спину длинныя волосы, плетенные въ три косы, перевязанныя накрестъ, иногда висящія въ три конца. Со стороны изобразительности гардероба каменные бабы встрѣчаются совершенно обнаженныя, обнаженныя только до пояса и вполне одѣтыя; у первыхъ однако почти всегда несотъемлемы голов-

шенно сходны съ головнымъ уборомъ готскихъ королей (на изображ. монетъ см. *Sabattier Monnaies byzantines* pl. XVIII fig. 24, 25; pl. XIX fig. 3, 9; Уваровъ 513). Нельзя умолчать при этомъ случаѣ о недавно появившейся въ нѣмецк. литерат. гипотезѣ о готскомъ происхожденіи нашихъ камен. бабъ, на основаніи пластическаго сходства ихъ съ бывшими на вѣнской выставкѣ 1873 г. подобн. изваяніями, найден. на Пиринейскомъ полуостр., также—неходками въ Румыніи и Скандинавіи (подроб. см. у Dr Much'a *Ueb d Steinfiguren auf d. Tumulis d. Südlichen Russland* (въ *Mitth. d. anthrop. Gesel.* 1877 № 7, 8), *Emeric Henzelmann L'âge du fer. Etude sur l'art gotique* (Buda-Pest 1877) *Flügel Zur Scythenfrage* (Wien 1878), *Memoria sobre les notables escavaciones hechas en el Cerro de los Santos*, publicada por los p. p. Escolapios de Yecla (Madrid 1871);

ной уборы и обуви. У вторыхъ, женскаго пола, на шеѣ бусы въ одинъ и до трехъ рядовъ съ какимъ-то узорчатымъ ожерельемъ, или только съ квадратнымъ украшеніемъ (отъ ожерелья иногда отвѣсно спускается особая привѣска съ квадратомъ на концѣ). На плечевникахъ надѣты у нѣкоторыхъ браслеты (что встрѣчаемъ и на мужскихъ истуканахъ¹⁰¹). Отъ пояса на полуобнаженныхъ женскихъ фигурахъ надѣто иногда короткое платье, идущее немножко ниже колѣнъ, смѣняющееся у другихъ бабъ узкими штанами и сапогами съ острыми голенищами.

Вполнѣ одѣтые истуканы имѣютъ узкіе кафтаны до колѣнъ, причѣмъ на женскихъ экземплярахъ они украшены нашивками и узорами по подолу, а на мужскихъ наплечными украшеніями съ круглыми бляхами спереди на грудяхъ и съ разными привѣсками (гребень, ножъ и проч.) у пояса. Ноги у каменныхъ бабъ вообще или босыя или обуты въ высокіе до колѣнъ сапоги, что весьма рѣзко кидается въ глаза при сравнительной миниатюрности ногъ.

За рѣдкими исключеніями всѣ почти бабы держатъ въ дугообразно сложенныхъ на нижней части живота рукахъ межъ пальцевъ что-то въ родѣ чаши, горшка или иного сосуда, съ углубленіемъ у нѣкоторыхъ экземпляровъ вверху или внизу¹⁰²).

¹⁰¹) На одномъ женскомъ истуканѣ вѣсто браслетовъ на плечевникахъ изображены какіе то знаки. Что касается грудныхъ украшеній; то рисунокъ ихъ (съ двойнымъ или тройнымъ завиткомъ) напоминаетъ стиль украшеній, находимыхъ обыкновенно на покойникахъ въ курганахъ бронзоваго вѣка, черта которую не слѣдуетъ упускать изъ виду для хронологіи памятника.

¹⁰²) Нѣкоторые въ этомъ квадратной иногда формы предметъ видятъ «передникъ стыдливости» другія (Флоренсовъ) кусокъ холста (рушника) или платокъ, употребляющійся будто и теперь въ религіозн. обрядахъ нѣко-

Съ этнологической стороны лицо каменныхъ бабъ (въ общемъ плоско, широко, полнощeko, съ выдающеюся нижнею частью и малымъ носомъ) представляетъ собою типическія черты монгола, особенно по формѣ глазъ (хотя тѣмъ не менѣе не рѣдки изваянія, въ которыхъ нѣтъ ничего монгольскаго¹⁰⁰).

В) Сравнительное изученіе разсматриваемыхъ памятниковъ на основаніи только что указанныхъ чертъ приводитъ къ заключенію, что, судя по грубой отдѣлкѣ въ которыхъ изваяній, рѣзко отдѣляющейся отъ сравнительно искусной обработки другихъ, каменные бабы не принадлежатъ къ одному и тому-же времени, причемъ дается намѣтить какъ бы четыре послѣдовательныхъ стадій въ развитіи формъ и стили, конечно, съ постепеннымъ прогрессомъ и въ технику самаго искусства, именно: а) *исходный*, такъ сказать, типъ бабъ представляетъ самыя грубыя изваянія, просто обрубки камня, необтесанные или обтесанные только внизу въ видѣ четырехграннаго столба, на верхней-же части ко-

торыхъ тюркскихъ племенъ (хотя въ сущности не имѣющій никакого сходства съ загадочнымъ атрибутомъ бабъ).

¹⁰⁰) Должно сознаться однако, что всякій анализъ въ этомъ случаѣ далеко не логиченъ—въ виду значительныхъ поврежденій, нанесенныхъ памятникамъ временемъ и варварствомъ. Ал. Конъ приводитъ ходившую будто-бы на Дону въ устахъ жителей легенду о какомъ то древле-жившемъ здѣсь народѣ «мамайцахъ» (sic), которыхъ Богъ за оскорбленіе плевкомъ солнца обратилъ въ каменныхъ бабъ. Не пускаясь въ разборъ этого преданія,—имѣеть-ли оно какое отношеніе къ эпохѣ страш. нашествія Мамай, мы думаемъ, что прежде всего—здѣсь б. м. обнаружилась нѣкоторая уловленная народной наблюдательностью черта расоваго сходства каменныхъ бабъ съ господствовавшими еще недавно въ краѣ монголами.

тораго представлена человѣческая голова¹⁰¹) (въ Сибири у Енисея, зем. Войска Донскаго, Чигиринск. уѣздъ Кіевской и въ Калишской губ.)

б) *вторая* степень въ развитіи (единичный экземпляръ на Дону, также бабы, стоявшія на Чертомлыкомъ курганѣ, Пихтовскомъ въ Сибири и на Алтайскихъ горахъ)—все тотъ-же столбъ, но изваяніе головы болѣе изящно, а на обозначенныхъ плечахъ замѣтны слѣды какого-то одѣянія или вооруженія¹⁰²);

в) *третій* родъ—все истуканы болѣе или менѣе отчетливо, сидя или стоя, изваянные, хотя бы оканчивающіеся простымъ обруткомъ камня. Одѣтые или обнаженные они тѣмъ не менѣе представляютъ ясные признаки культуры, достигшей довольно высокой степени роста, какъ въ умѣнь ковать металлы (серьги, шейныя гривны, бляхи, браслеты, оружіе etc.), такъ и въ развитіи домашнего быта и домашнихъ занятій (кафтаны, отороченные тесьмою и украшенные узорами въ видѣ ластьевъ),—причемъ существованіе истукановъ обою пола указываетъ на ту культурную стадію народа, когда женщина пользуется наравнѣ съ мужчиной правомъ на памятникъ, слѣ-

¹⁰¹) Другіе истуканы не составляютъ даже и такихъ неполныхъ человѣческихъ изваяній: они состоятъ изъ лица, вырѣзаннаго на камнѣ, а иногда по сторонамъ помѣщаются и другія мелкія изображенія людей, всадниковъ, верблюдовъ, птицъ и четвероногихъ (Уваровъ. стр. 514).

¹⁰²) Форма столба не составляетъ, какъ кажется, доказательства древности каменной бабы, пот. что часто подобные истуканы—одинаковой работы и въ одинаков. одѣяніи, какъ тѣ бабы, у которыхъ изображена уже вполне вся нижняя часть тѣла; тоже должно сказать и къ положенію сидячему или стоячему—обнаженнымъ или одѣтымъ фигурамъ (ib. стр. 515).

довательно и уваженіе. Въ то-же время мы видимъ большой успѣхъ въ развитіи самаго и ваянія сравнительно съ первыми, своеобразность котораго и совершенное отсутствіе подражанія греческой пластикѣ, неоспоримо доказываютъ совершенно самостоятельное и съ полнымъ сохраненіемъ народнаго характера развитіе скульптуры племени;

г) *четвертый* и послѣдній родъ каменныхъ бабъ (пока извѣстный изъ Гюльденштедта въ единственномъ и самомъ южномъ въ Ставропольской губ. экземплярѣ на берегу Кумы у ручья Этая; у Черкесовъ «Дука-Бекъ»), хотя напоминаетъ съ одной стороны столбообразныя изваянія первыхъ двухъ разновидностей каменныхъ бабъ (до пояса истуканъ, заканчивающійся четырехграннымъ столбомъ), но въ то-же время принадлежитъ какъ по технике, такъ и по стилю уже исходу древности (мужчина въ шапочкѣ или въ мисюркѣ, одѣтый въ подобіе кольчуги; руки плотно приложены къ тѣлу, въ правой рогъ для питья). На широкой перевязи съ волнистымъ узоромъ у пояса привѣшены сабля мечъ и лукъ, а справа кожанъ съ пятью стрѣлами. Всѣ изваянія сдѣланы обронно. На передней части надпись въ 9 строкъ (подобнаго греко-славянскому, но недешифрованнаго письма), вырѣзанная въ глубь, подъ которой изображенъ большой амфоръ съ фигурами вокругъ него людей. По сторонамъ столба—изображенія охотничьихъ и боевыхъ сценъ и символическихъ (?) знаковъ. Изваяніе стоитъ лицомъ къ востоку и принадлежитъ, судя по высѣченному на затылкѣ кресту, временамъ христіанства¹⁰⁹).

¹⁰⁹) Судя по тому, что всѣ мелкія изображенія на эт. памятникѣ обронны, а надпись и крестъ сдѣланы въ глубь, можно думать, что послѣдніе—прибавки позднѣйшаго (христіанск. времени) ib. стр. 516.

С) Однако, не смотря на эти различія въ разновидностяхъ, общіе между всѣми каменными бабами сходство и типъ, какъ въ расположеніи фигуръ, такъ и въ подробностяхъ доказываютъ убѣдительно принадлежность всѣхъ этихъ памятниковъ одному и тому-же народу, но на разныхъ степеняхъ его развитія, причемъ, кажется, не будетъ ошибкою предположить, что наиболѣе грубыя изъ этихъ изваяній воздвигнуты еще въ дометаллическое время (скорѣе въ концѣ бронзоваго вѣка); болѣе совершенныя принадлежатъ желѣзному; немногія (пока единственный) къ еще болѣе близкому времени къ III—IV в. по Р. Хр.¹¹⁰).

Д) Оставивъ въ сторонѣ попытки прежнихъ ученыхъ болѣе или менѣе своевольно интерпретировать смыслъ и генезисъ камен. бабъ¹¹¹), какъ излишній баластъ скромнымъ, но положительнымъ потребностямъ

¹¹⁰) Когда христіанство начало распространяться въ древней Сарматіи или низовьяхъ Кавказа. драв. Макарій «Истор. христ. въ Россіи» стр. 94. (ib. 517). Д. И. Иловайскій относитъ появленіе кам. бабъ еще позже (къ VIII—IX вв.), ставя XIV в. (пріятіе татарскими народностями юга магометанства, не терпящаго вѣншихъ изображеній) конечной гранью обычая (Антр. вѣст. т. I 155).

¹¹¹) По мнѣнію Кешпена истуканы эти служили идолами для поклоненія; Флоренсовъ, Невоструевъ («Ананьинскій могильникъ» Тр. I арх. с.—да т. II 628), Банзаровъ («Черная вѣра или шаманство у Монголовъ» Каз. 1846 ст. 45) принимаютъ ихъ за изображ. лицъ, погребенныхъ въ сам. курганахъ; Фабръ видитъ въ нихъ покровительствующихъ населенію (нѣкогда здѣсь жившихъ кельтовъ) степныхъ племенъ,—Крѣшевскій — за изображеніе общаго всѣмъ народамъ древности женскаго божества родительницы-кормилицы (Тавиты, Апія, Цибеллы, Рея, Мая, слав. Живы) — Бабы, которая, какъ остроумно заявляетъ писатель, «бабитъ» родъ людской съ минуты

современной науки, не будет смыслом, однако извлечь из современного знания явными характера памятника, особенно территориальных его условий и топографическо-стилистических особенностей только то заключительное положение, что неизвестный пока нам народ его ваятель (по общему впечатлению судя, возможно тюркского корня) в древнейшую эпоху обитал у верховьев Енисея, Томи, в Минусинском округе и в Сагайской степи до Алтайского хребта и затем наводнил всю южную часть теперешней России, до Киевской губ. на север и до Калишской и Галичины на запад; затем — что, раз

рождения стоят. лицом к востоку), охраняя его и в загробном мире и т. п. То же разногласие и в вопросе о народе — ваятеле баб: Клапрот и Спасский приписывают их племени гуннов (по Марцеллину), Гюльденштедт — *моайцев*, Паллас сам древних — *тулланам*, новейших *моайскими татарами* или *киргизами* — *кайсаками*; Потоцкий и А. Конь *куманам* — *половцам* (по Рубруквису), Терещенко и Крашевский — *скифам* (впрочем, оба полагают, что ким. бабы произведение не одного народа, а портрет. галерея различ. народностей, гостивших в наших степях и передававших преемственно до славян включительно обычаи их сооружений), Мочульский — относит их к излюбленным *сарматам*, а Фабр — *кельтам*. Иловайский, — вообще «тюркам» (удержав. обычаи на могилах ставить столбы с изваян. чашкой etc) и т. д. Быть может обстоятельное изучение археологии кочевников «великого переселения» от гуннов и до татар (в лицах разных племен, обрив, печенегов, узгов, угро-мажар, половцев, торков-берендеев и т. п.), проведенное территориально до западных окраин их эмиграции (Венгрии и Секлерскую Трансильванию) обнаружить со временем истинного творца каменных баб, отрицая или подтверждая сказание Рубруквиса, приписавшего их *куманам* (половцам).

выйдя из центра Азии, ваятель туда более не возвращался. Действительно сибирские и европейские истуканы одного и того же племени. рзца, но между первыми не встречаем других баб, кроме самой грубой отдалки (безформенный больш. част. фигуры и без признаков усовершенствованного костюма) в то время как азовские и андровские являются собою известный успех уже в искусстве, — нередко произведения, от которых далеко не приходится красить даже и более культурному, чем античный кочевник, варвару¹¹²).

Вот все, чем пока приходится удовлетвориться пылкому уму. Всякая дальнейшая попытка толковать внутренний смысл этих изваяний или этнографический их генезис и т. п., при очевидной бедности современной археологии в строго научных данных, будет, как мы сказали выше, непроизводительной потерей времени и софистическим вращением в сфере бесплодных гипотез; только всестороннее и картографически проведенное исследование территории памятника, в связи с антропологическим (этнологическим) анализом вещественных (остеологических и бытовых) следов населения, *иконографическое изучение* произведения (в азиатских сравнительно с европейскими его экземплярами) со стороны издательного материала, стиля, этнического типа (физиогномических особенностей) и др. археологических и антропологических сторон, *сравнительно этнографическая*, наконец, *проверка*

¹¹²) Нельзя упустить из виду еще одной замечательной в этом случае особенности культуры, обозначающей как бы два хронологически последовательных эпохи: сибирские истуканы почти всегда представляют мужчин (лишь как редкое исключение — женщин), в южнорусских преобладает заметно женский пол. (Спасский, см. выше).

преданій и обычаевъ, сродныхъ нашимъ каменнымъ бабамъ и аналогичнымъ имъ памятникамъ у другихъ народовъ современности и прошлаго и т. п., смогутъ современемъ поднять завѣсу, закрывающую истинное лицо этого доморощенного сфинкса нашихъ степей. Вотъ почему современная наука преимущественно и займется теперь надъ собираніемъ потребнаго матеріала именно въ этомъ указанномъ нами направленіи, предлагая для этой цѣли желающимъ послужить ей соответствующими инструкціи и несравненно рѣже ставятъ или другіе вопросы о каменныхъ бабахъ на страницахъ программъ русскихъ археологическихъ съездовъ¹¹³⁾.

Въ тѣхъ-же видахъ и въ интересѣ VI археологич. съезда предлагаемъ и мы настоящую

Программу для собиранія свѣдѣній о каменныхъ бабахъ (*изданную* г. А. С. Уваровымъ ради потребностей Импер. Моск. Археологическаго Общества).

Въ какомъ селеніи и сколько каменныхъ бабъ?

Находится баба на межѣ, на курганѣ, въ степи (въ какую сторону отъ селенія и въ какомъ разстояніи), или въ деревнѣ, въ воротахъ, внутри двора, въ огородѣ? Видѣна баба въ строеніе? Стоитъ или лежить?

Цѣла-ли баба, или не имѣетъ головы, сломана въ поясѣ, сохранилась одна верх-

¹¹³⁾ Въ программѣ V археолог. съезда (въ Тбилисѣ) поставленъ былъ между-прочимъ вопросъ: что держатъ въ рукахъ человѣческія изваянія изъ камня, извѣстныя подъ названіемъ бабъ.

Сюда-же можно причислить и одинъ изъ вопросовъ VI съезда: «Желательно выписать характерныя черты хотя нѣкоторыхъ варварскихъ народностей по различнымъ изображеннымъ памятникамъ Южной Россіи».

ная или одна нижняя ея половина? Являются-ли подробности? Всѣ даже малые обломки заслуживаютъ внимательнаго осмотра и описанія.

Высота статуи въ аршинахъ и вершкахъ.

Представлена фигура стоящая или сидящая?

Держать-ли руки сосудъ у живота, или расположены иначе? Или статуя совсѣмъ не имѣетъ рукъ, а представляетъ простой столбъ съ головою?

Цвѣтъ и порода камня, изъ коего она изваяна? ¹¹⁴⁾.

Мужскаго или женскаго пола статуя?

Или статуя такъ обезображена, что невозможно различить пола?

Не замѣчаются-ли у пояса справа или слева какія-либо изображенія привѣсокъ, наприкладъ: ножа, кошелека, гребня и т. п.?

Не имѣетъ-ли статуя въ народѣ особаго названія или преданія о ея происхожденіи?

При описаніяхъ желательно видѣть (если невозможно — фотографическій снимокъ) рисунокъ каждой бабы карандашемъ, въ простыхъ, но вѣрныхъ очертаніяхъ съ трехъ сторонъ (передъ, задъ и бокъ), вершка въ два величину, съ подписью высоты и мѣстонахожденія¹¹⁵⁾.

¹¹⁴⁾ Небезполезно было-бы наводить справки есть-ли въ мѣстности находенія каменной бабы или по соседству тождественный ея издѣлію каменный матеріалъ.

¹¹⁵⁾ Пользуясь настоящей программой полезно имѣть въ виду нѣкоторые замѣчанія А. И. Боданова и Иловайскаго по поводу моделей камен. бабъ ради антропологии. цѣлей (Антр. Вист. т. I 153—5).

Въ заключеніе считаемъ долгомъ напомнить гг. истиннымъ археологамъ, что по вѣрному замѣчанію Г-на Уварова вопросъ о принадлежности камен. бабъ той или другой народности

Закончивъ въ нашей зашѣткѣ обзоръ земляныхъ сооруженій 1-й серіи (т. е. могилъ-кургановъ), считаемъ долгомъ упомянуть, хотя вкратцѣ, о II й городищахъ-валахъ, не менѣ важныхъ памятникахъ прошлаго, какъ для науки первобытныхъ древностей, такъ, особенно, для начальной исторіи славянъ. Въ первыхъ строкахъ настоящей инструктивной монографіи (стр. 1—2) мы уже намѣтили въ общемъ относительный характеръ этого рода арханческихъ сооружений, теперь рассмотримъ самый предметъ по возможности въ деталяхъ.

Три, обыкновенно принятые археологіей, древнѣйшія формы убѣжища человѣ-

ка не можетъ быть развѣшено иначе, какъ *исслѣдованіемъ самыхъ кургановъ, на которыхъ стояли эти изваянія*. По этому весьма важно дѣлать раскопки могилъ съ имѣющимися на нихъ истуканами. До сихъ поръ (не говоря о Сибири) для Новороссіи, мы знаемъ всего 4 случая подоб. раскопки 1) генер. Мельгуновымъ еще въ 1763 г. (30 верст. отъ Елисаветграда, въ 7 в. отъ «Чернаго дѣса» въ уроч. Кучоровы-буераки); 2) Забѣлинымъ—Чертомлыкинъ—на, и 3) «Дуговой» (Александропольской) могилы, и 4) Миклашевскимъ (у с. Томаковки, близъ мѣст. Бѣленскаго; всѣ эти курганы оказались съ памят. эллино-скивской культуры. Дополняемъ эти данныя *пятью* случаями, еще не опубликованными, находкой въ Александр. у—дѣ (въ 6 вер. отъ Знаменки) въ имѣніи Обертасова камен. бабы съ фаллусомъ, найден. въ кур—нѣ (судя по разсказамъ—скивскаго типа), находящейся въ Елисаветгр. Реал. Уч. въ вѣдѣніи г. Ястребова. Желательно бы видѣть ее на археолог. выставкѣ VI с—да, т. е. по словес. описанію она кажется близка Гюльденштедтской бабѣ, пока единств. представителю 4-го типа. — На 1-мъ (Московск.) съѣздѣ б. меж. проч. поставленъ вопросъ: на сколько кам. бабы Запад. Сибири отличаются по своимъ общимъ формамъ и по одеждѣ изображаемыхъ ими людей отъ камен. бабъ, встречающихся въ южной Россіи на простран. отъ Днѣпра до Кавказа и Урала?

ка (пещеры, уединенныя стоянки, постройки на сваяхъ), на сколько логическій смыслъ и факты подтвердить это смогутъ, могли быть пригодны населенію, исключительный ресурсъ существованія котораго были охота и рыбная ловля. Когда эти занятія и ихъ представители прогрессивнымъ ходомъ культуры и эмиграціи смѣнились народами-пастырями и земледѣльцами, очевидно, что горныя трещины и скалистые навѣсы, уединенныя котловины, озерныя жилища (палафаты, крапноги, террамары) не могли уже удовлетворить новымъ потребностямъ человѣка, хотя-бы въ виду уже одного удаленія этихъ убѣжищъ отъ пахати и пастбищъ,—и явныхъ неудобствъ при культурѣ домашнихъ животныхъ—скота: горецъ-пещерникъ—«троглодитъ» принужденъ стать жителемъ низменности или смѣниться пришлымъ обитателемъ равнины, рыболовъ-«лакустръ» перебирается на противолежащій его сваямъ озерный берегъ, оставивъ послѣднимъ роль сохраннаго депо, а первое время и военного убѣжища. Дѣйствительно, археологіи удалось въ этомъ случаѣ намѣтить (хотя еще и отрывочно) нѣкоторые, въ разныхъ мѣстахъ находимые, остатки отъ эпохи послѣдующихъ фазъ развитія человѣческаго жилища въ видѣ искусственныхъ подземельевъ, и полуподземныхъ убѣжищъ. Равнымъ образомъ, наука нашла слѣды сооружений и коллективной обороны рода, племени и цѣлыхъ народностей въ видѣ укрѣпленій различныхъ формъ, стили и матеріала. Простыя-ли земляныя насыпи (валы, городища), деревянные-ли (палисады, заставки, тыны, острожки) или сложной конструкціи (каменные стѣны и форты), смотря потому каковъ подручный матеріалъ былъ къ услугамъ строителя, или какова была степень технической снаровки задчаго,—во всякомъ случаѣ кажется, что общей чертой такого рода памятниковъ

(особенно древнѣйшей поры), будетъ ихъ находженіе, главнымъ образомъ, на окраинахъ плодородныхъ равнинъ. Бесплодная, безъ пахатей и пастбищъ или неорошаемая водами страна не нуждалась, конечно, въ защитѣ противъ вторженія незаинтересованныхъ ею пришельцевъ. Но разъ новое племя вошло во владѣніе ему подходящей территоріей, — или туземный обитатель желалъ удержать за собою исконный ему участокъ, въ томъ и другомъ случаѣ инстинктъ борьбы за существованіе вызывалъ неминуемо на мѣстѣ появленіе стратегическихъ сооружений. Въ началѣ временныя (укрѣпленная стоянка, лагерь) они съ размноженіемъ населенія (переходомъ племени въ народецъ), дѣлаются постоянными и численными, защищая по необходимости территорію уже большихъ разнѣровъ: господствующія надъ равниной возвышенности (окраины взгорій) или, наоборотъ, горныя въ послѣднюю проходъ (дефилеи) древній поселенецъ замѣстилъ архаическимъ фортомъ, а открытую низменность или равнину заперъ стѣною или валомъ.

Доисторическія укрѣпленія такого рода, извѣстныя прежде только въ Европѣ (а потому относимыя въ принадлежность только тѣмъ или другимъ ея племенамъ позднѣйшей поры) въ настоящее время признаны общимъ достояніемъ человѣка на низкой ступени культуры безъ различія мѣста и расы: ихъ находятъ въ Сѣвер. Америкѣ, какъ и въ южной Африкѣ, даже на о-вахъ Полинезіи. Не смотря на то, что эти части свѣта менѣе всего подверглись культурному вліянію послѣднихъ вѣковъ, количество подобныхъ памятниковъ относительно тамъ не велико (б. м. лишь по невѣдѣнію о нихъ самой науки), и на долю нашей части свѣта приходится до сихъ поръ все еще самая крупная ихъ цифра. Всего богаче ими восточная часть Европы, случайно или

причинно въ этомъ случаѣ не совпавшая глав. образ. съ областью первоначальныхъ поселеній народностей славянскаго племени (хотя не чужды ихъ и территоріи инородцевъ-германцевъ, литовцевъ, финновъ). Какъ на земляхъ сѣверо-западной его вѣтви (полабанъ, чехо-моравовъ и поляковъ) такъ и на равнинахъ восточной — нашихъ русскихъ (особливо Приднѣпровья) «земляныя насыпи» стратегическаго характера имѣютъ своими представителями два архаическихъ памятника: городище и валъ (послѣдній въ смыслѣ отдѣльнаго самостоятельнаго сооружения).

Городищемъ (hradiste, vodrisco, grodzisko, городокъ, grodek, Литовско-Летское «pilokalnia» = «насып. гора», у нѣмцевъ — Burgwälle, Ringwälle¹¹⁹) въ общемъ значеніи этого термина называется опредѣленный (обыкновенно нынѣ незаселенный) участокъ мѣстности, разнообразныхъ геометрически правильныхъ или (чаще) неправильныхъ формъ (простыхъ, сложныхъ, треугольной, квадратной, прямоугольной, полукруглой, круглой, яйцевидной, эллиптической и т. п.), окруженный (рѣже) нѣсколькими или (чаще) одной насыпью въ видѣ вала, сведеннаго въ соотвѣтственную фигурѣ заключающейся въ немъ площади ломанную или кривую, сомкнутую, прерывающуюся или концами разобшенную линію.

Вѣщныя искусственныя укрѣпленія городища состоятъ изъ *валовъ и рвовъ*. Въ больш. случ. окружено оно только однимъ валомъ, съ наружной стороны окопаннымъ однимъ рвомъ, но иногда встрѣчаемъ ихъ и болѣе, особливо въ городищахъ съ

¹¹⁹) Въ Польшѣ и западной Россіи — часто — «окопнсько», «копище», «замчисько» и «замчище». Народъ часто принимаетъ ихъ подъ впечатлѣніе позднѣйшихъ событій за «шведскіе шанцы и окопы, турецкія батареи, татарскіе валы и т. п.

сложной комбинаціей укрѣпленій, гдѣ къ главному валу подъ разнымъ угломъ и въ извѣстныхъ направленіяхъ примыкають второстепенныя насыпныя придѣлки и приставки—«боковые» валы. Въ мѣстностяхъ, гдѣ почва издавна распахивается подъ по-сѣвы, рвы многихъ городищъ уже засыпаны и присутствіе ихъ тамъ открывается раскопкою прилежащихъ къ валамъ участковъ; причемъ почти всегда обнаруживается (путемъ рытья пробной ямы), тождественность состава валовъ съ составомъ почвы мѣстности, на которой расположено городище (черноземъ, песокъ, глина или жѣль—напр., въ городищахъ—на мѣловыхъ горахъ).

Величина валовъ различна (отъ 7—8 шаговъ по отвѣсу и до 2 метровъ высоты при 4—5 метрахъ, болѣе или менѣе, ширины въ основаніи), притомъ въ однихъ городищахъ валъ одинаково высокъ—стоитъ изъ насыпи, ровной во всѣхъ частяхъ, въ другихъ насыпанъ неравномѣрно,—выше съ одной стороны или части городища, ниже съ другой и т. п. Длина вала рѣдко бываетъ меньше 80 и больше 1,000 шаговъ (всего чаще 350—500 шаговъ). Тоже должно сказать и о *величинѣ городищъ*: по размѣрамъ своимъ они разнообразны, хотя въ общемъ должны быть признаны неособишными, такъ какъ рѣдко занимають большое пространство; средней величины экземпляры простираются въ длину на 150—300 шаговъ по вѣнцу вала, а во внутреннемъ пространствѣ имѣють въ поперечникѣ не болѣе 80 (вообще величина площадей городищъ, т. е. внутреннихъ частей ихъ безъ рвовъ и валовъ, въ больш. случ. измѣняется 300—450 (или 500) аршинъ въ окружности; но встрѣчаются и меньшія (до 200) и большія (до 1,000 арш. въ окруж.). Городища еще большихъ и меньшихъ размѣровъ встрѣчаются рѣдко¹¹⁷⁾.

Со стороны *топографической* или *абсолютной положенія*—городища въ общемъ встрѣчаются расположенными какъ на мѣстахъ ровныхъ, открытыхъ и возвышенныхъ, такъ и въ низменныхъ, сокрытыхъ болотами и лѣсами, въ деталяхъ же можно замѣтить слѣдующія особенности. Большая часть (древнѣйшихъ) городищъ, представляя внутренней частью своей площади какъ-бы отрѣзокъ горы, характеризуется локализацией на наиболѣе возвышенныхъ пунктахъ высокихъ побережій текущихъ водъ, на крутомъ откосѣ, часто у слиянія двухъ теченій (рѣкъ) или на рѣчной излучинѣ—вообще на такъ назыв. «стрѣлкѣ», причемъ въ нѣкоторыхъ экземплярахъ (напр., въ Прусской Польшѣ) стратегическая цѣлесообразность явствуетъ рельефно хотя-бы изъ слѣд.: лежа на окраинахъ возгорій, часто раздѣляющихъ одинъ оврагъ или ложбину на двѣ вѣтви, каждое городище тремя четвертями валовой окружности своей обращено къ при-

городовъ (по описанію Н. И. Костомарова) измѣняется отъ 500—800 шаг. въ окруж. Пространство Изборскаго г—ща до 600 шаг. въ окр. площадь Вревскаго—240 ш. въ длину и 46 въ шир. окруж. Краснаго г—ща 515 ш., Опочецкаго—750 ш. и т. д. Площадь древн. Путивльскаго крѣпости ок. 500 арш. въ окруж. Ту же величину имѣли древніе Новгородъ-Сѣверскъ, Черниговъ и др. см. подроб. у Сажоковскаго «Истор. Рус. Прав., т. I, Варш. 1878, стр. 191 и дал.). На территоріи прусской Польши г—ща имѣють 140—180 метр. въ діаметрѣ продольномъ при немного меньшемъ этого діаметрѣ поперечномъ (G. Ossowski o pomnik. przedhist. Prus Królew. Torun 1878, ст. 5). Что касается округовъ Ц.-ва Польскаго, гдѣ прое. Сажоковскаго насчитываетъ ихъ до 156, то здѣсь г—ща и по величинѣ, мѣстоположенію, и по формѣ, способу укрѣпленія и содержанію, на сколько можно судить по сдѣлан. до сихъ изслѣдованіямъ, не отличаются отъ городищъ Россіи.

¹¹⁷⁾ Величина важнѣйшихъ псковскихъ при-

легающей къ нему долины, какъ-бы на стражѣ у входа въ ущелье—оврагъ. Вообще защищенные съ больш. сторонъ водой, естественными оврагами или крутыми спусками къ рѣкѣ, городища только съ одной стороны примыкають къ ровному, открытому полю, нагорной планинѣ, отъ которой, въ виду доступности мѣста, гарантировать себя принуждены искусственно обведенными укрѣпленіями, рвами съ насыпными изъятый изъ послѣднихъ земель, (иногда обосторонними) валами. Немногія городища помѣщены напротивъ въ мѣстахъ низменныхъ, въ разлогихъ долинахъ («перелогахъ») озеръ и болотъ, поросшихъ густымъ лѣсомъ или просто непроходимыхъ трясинахъ и въ такомъ случаѣ всегда на мѣстахъ, со всѣхъ сторонъ окружавшихся водою, окруженныхъ еще и теперь или хотя-бы и осушенныхъ, но и понынѣ еще заливныхъ, поемныхъ. «Вообще городищъ удаленныхъ отъ рѣкъ и водъ не встрѣчаемъ» (Самоковасовъ).

Иныя городища снабжены однимъ или двумя-тремя *входами*, другія ихъ вовсе не имѣють. Входъ въ городище по убѣжденію прежнихъ археологовъ долженствовалъ исключительно быть съ восточной стороны, но новѣйшія изслѣдованія констатировали совершенное отсутствіе сознательной зависимости его положенія отъ странъ горизонта: встрѣчаемъ входы въ городища и съ запада, съвера и съ юга. Вернѣе въ этомъ случаѣ замѣченная проф. Самоковасомъ солидарность положенія входа съ мѣстными топографическими условіями городища, именно входъ въ городища помѣщается съ тѣхъ сторонъ ихъ, которыя всего доступнѣе, т. е. примыкають не къ крутымъ рѣчнымъ спускамъ, отвѣснымъ подъемамъ, или естественнымъ глубокимъ оврагамъ, обрывамъ,—а къ открытому ровному полю или покату сѣкѣ. Сообразно съ этимъ противоположной

входу, обыкновенно наиболѣе возвышенной части городища, даютъ названіе *тыла*, хотя съ стратегич. точки зрѣнія послѣдній есть такой-же боевой фазъ сооруженія, только направленный къ рѣкѣ, какъ входной участокъ, направленный къ сѣверу.

Поверхность площади городища (за исключеніемъ экземпляровъ, застроенныхъ или занятыхъ подъ кладбища въ новое время) совершенно ровная, иногда поросшая лѣсомъ, и въ больш. случ. распаивается подъ посѣвы¹¹⁸⁾. Замѣчается еще и та особенность, что нигдѣ въ городищахъ нѣтъ слѣдовъ колодца или наружныхъ остатковъ древнихъ строеній, фактъ прежде смущавшій многихъ археологовъ; первое объясняется повсемѣстнымъ соседствомъ городищъ съ проточными водами, исключаящими неминуемую потребность въ колодезѣ,—что касается втораго, то не говоря о недолгосрочности строеваго матеріала (почти согласно съ природой прошлой странъ нашихъ всегда древеснаго), нѣкогда бывшее на городищахъ присутствіе жилья доказывается современными раскопками, благодаря которымъ оказывается, что вся площадь внутренней части городища покрыта слоемъ растительнаго перегноя, мусора и щебня, подобнаго тому, какой встрѣчаемъ на мѣстахъ всякихъ древнихъ поселеній (дворищъ и селищъ). Въ этомъ-же слое и подъ нимъ среди битаго дикаго камня, кирпичей, золы и угля попадаются кости различныхъ домашнихъ животныхъ (напр., коня, свиньи, птицъ) и друг. (рыбъ) и самые разнообразныя пред-

¹¹⁸⁾ Не встрѣчаемъ никакихъ котлищъ съ остатками жертвоприношеній, о которыхъ мнили прежніе археологи. Но встрѣчаются городища (напр. въ прусской Польшѣ), внутренность которыхъ воронкообразна или котлообразна, но только потому, что на сооруженіе валовъ шла земля, извлекавшаяся изнутри г-ща.

меты домашнего обихода (черепки посуды изъ красной, бѣлой и черной глины, глиняные кружки—«рыболовные грузила», заостренные кости для шитья сѣтей, заострен. кабаній клыкъ, обдѣланный рогъ, точильный камень) остатки костюма и украшеній (—бусы, серьги, привѣски, браслеты, кольца и мѣдные перстни со стекломъ),—иногда оружіе (желѣзн. наконечники стрѣлъ, копья, рукоятки мечей, кинжалы, шпоры, бронзовые цѣпочки, прашевые камни) даже слитки золота¹¹⁹⁾ и т. п. Въ нѣкоторыхъ городахъ на территоріи Прусской Польши (см. ранѣе упомянутыя монографіи Г. Оссовскаго), а также въ Булгарскомъ г-ствѣ на Волгѣ (Спасск. уѣзда, Казанс. губ.) и въ Юхновскомъ на Деснѣ (Новгородъ-Сѣвер. уѣзда, Чернигов. губ.)—находимъ много предметовъ каменной культуры, орудій «цешлифованной» и «шлифованной» эпохъ—молотовъ, топоровъ, ножей, украшеній. (въ Пруссіи даже среди скопленія человѣческихъ костей—явнаго мѣста побоища вблизи или въ самомъ г-ствѣ).

Важность въ археологіи каждаго вещественнаго памятника (какъ средства познанія условій общественной жизни даннаго народа въ данную эпоху) обусловливается предварительнымъ рѣшеніемъ вопросовъ о назначеніи памятника, времени его происхожденія и принадлежности данному народу. Что-же представляютъ намъ въ этомъ случаѣ городища наши, какое ихъ значеніе въ исторіи,—какому народу и къ какому времени они относятся?

Какъ ни кажутся незамысловатыми къ рѣшенію на первый взглядъ эти вопросы, однако русская археологія въ этомъ случаѣ какъ и во многихъ вопросахъ изъ

сферы курганографіи (въ силу тѣхъ-же причинъ—бѣдности въ фактическихъ данныхъ за скудостью изысканій) опредѣленнаго отвѣта дать пока не можетъ. До конца прошлаго и первыхъ десятилѣтій нынѣшняго вѣка русскіе ученые признавали за городищами чисто-историческое значеніе, видя въ нихъ остатки древнихъ городовъ исключительно славянъ въ смыслѣ укрѣпленныхъ пунктовъ народнаго поселенія или крѣпостей. (Такое положеніе вошло даже въ толков. справочныя изданія, какъ напр.: *Щекатова* географ. словарь. Москва 1801. ч. II. 70). Въ двадцатыхъ годахъ польскій ученый и археологъ по страсти *Адамъ и-фъ Чарноцкій*¹²⁰⁾ Ходаковский, подчиняясь господствовавшимъ воззрѣніямъ о разсѣянномъ бытѣ древне-славянскаго племени и (созданной Шлецеровской школой) гипотезой о ничтожномъ количествѣ городовъ въ древнѣйшей Россіи, между тѣмъ свѣдомый громадному количеству сохранившихся отъ Эльбы до Волги городищъ, далъ этимъ памятникамъ новое объясненіе (не чуждое, какъ намъ кажется, вѣяній и увлеченій псевдо-классическаго міровоззрѣнія XVIII вѣка на языческіе культы древности): городища имъ признаны не остатками городовъ, а мѣстами языческаго богослуженія древнихъ славянъ (подобн. римскимъ *lucus*—свѣщ. рощамъ etc.¹²¹⁾), на что моль указываютъ и названія ближайшихъ урочищъ, называющихся именемъ божествъ (?). Его теорія имѣла громаднѣйшій успѣхъ, нашла себѣ многихъ партизановъ въ наукѣ, такъ или иначе ее видоизмѣнившихъ, хотя не могла не вызвать, въ свою очередь,

¹¹⁹⁾ Болѣе извѣстн. подъ псевдонимомъ *Zoryan Dolega Chodakowski* (см. его сочин. въ примѣч. на стр. 6).

¹²¹⁾ Вѣстн. Европы (1819 г., № 20, стр. 280) и Рус. Ист. Сборн. (1837, в. III, стр. 51—3).

¹¹⁸⁾ Въ Августовск. у-дѣ, у с. Игловска въ г-ствѣ Замчатѣ. (Самов. Антр. Выст., т. 3, ч. 1., стр. 177).

возражений и противоположных взглядов других ученых, благодаря чему в русской историко-юридической литературе появилось множество предположений о значении городищ. Не приводя их здесь (и отсылая в этом случае желающих к диссертации Д. Я. Самоквасова¹²²), возможно, однако, свести их всех к трем категориям: первая (Калайдовичъ, Даниловичъ, Грабовскій, Пассекъ, Белюстинъ, гр. Уваровъ¹²³) видит в городищах остатки городов в смысле укреплённых пунктов, служивших дрезниам славянъ средством защиты противъ нападений непріятеля; вторая (Ходаковский, Погоничъ, Срезневскій, Котляревскій¹²⁴) признаёт в них памятники языческаго богослужения—жертвенники, приходскіе храмы, могильники усопшихъ (Котляревскій); третья (Тышкевичъ, Крашевскій, Корсаковъ¹²⁵) и примкнушіе въ послѣднее вре-

¹²² «Древніе города Россіи» (Спб. 1873 г., стр. 94 и д.).

¹²³ Калайдовичъ. Письма объ археологическ. изслѣд. въ Рязан. г—ни (1823, № 4, стр. 61). Даниловичъ. «Историч. взглядъ на древнее о бразованіе славянъ и преимущ. польскихъ городовъ» (Рус. Ист. Сбор., М., 1841 г., т. 4, в. 2, стр. 177—8). М. Грабовскій. (Введение въ «Обоз. мог. вал. город. Кіев. г., Фунду-клен, стр. VII). Пассекъ. Обзорніе городищъ Тульской г—ни. Белюстинъ. Обзорніе по-волжскихъ городищъ (въ «Архивъ» Балаче-ва, кн. II, стр. 3). Г-фъ А. С. Уваровъ. Ме-ряне и ихъ бытъ по курган. раскопкамъ (1872 г., стр. 94).

¹²⁴ М. Погоничъ. Изслѣд. Зам. и лекціи (т. II, стр. 400). И. Срезневскій. «С городищахъ въ землѣ славянъ», (Зап. Одес. Общ. Ист. и Древ., т. II, стр. 533) и въ Свят. и обряд. etc (стр. 40). А. Котляревскій. (Арх. Вѣст. Моск. Археол. Общ., т. I, стр. 66).

¹²⁵ Г-фъ К. Тышкевичъ. «О кург. въ Литвѣ и зап. Руси» и «Wiadom. historycz. o zam-kach» etc. J. Kraszewski. «Sztuka u Słowian etc» стр. 91—2 Корсаковъ. Мера и Ростовск. княжество (1872, стр. 58—9).

мя въ своихъ лекціяхъ Срезневскій и Ко-тляревскій) старается примирить то и дру-гое воззрѣніи, раздѣляя сохранившіяся го-родища на нѣсколько видовъ, на основа-ніи не фактическихъ, а теоретическихъ соображеній о времени, къ которому от-носится тотъ или другой видъ. Въ 1873 году ученіе о городищахъ первой катего-ріи нашло себѣ сильную поддержку, во многихъ отношеніяхъ равноспільную побѣ-дѣ, въ теоріи Д. И. Самоквасова. Въ дис-сертации своей «Древніе города Россіи» (Спб. 1873) въ главѣ (1-й), направленной главн. образ. къ указанію многочисленно-сти городовъ въ древней Руси, про-фессоръ, кромѣ свидѣтельства лѣтопи-сей, древнѣйшихъ актовъ и иностранныхъ писателей, ввелъ впервые въ рѣшеніе во-проса археологическій матеріалъ,—свидѣ-тельство вещественныхъ памятниковъ,—именно сохранившіяся на территоріи на-шего отечества городища. Разсмотрѣвъ критически мнѣнія объ этомъ предметѣ всѣхъ вышеупомянутыхъ ученыхъ и об-наруживъ всю научную сомнительность, какъ по методу, такъ и по фактамъ дан-ныхъ, доставленныхъ Ходаковскимъ, Д. И. Самоквасовъ на основаніи филологиче-скихъ, документальныхъ и (самое важное) личныхъ своихъ весьма значительныхъ ар-хеологическихъ изысканій (раскопокъ) до-казалъ неосновательность господствовав-шаго прежде въ ученой литературѣ воз-зрѣніи на городища, какъ на языческіе храмы, и пришелъ къ заключенію, что го-родища представляютъ собой мѣста, на которыхъ прежде стояли города, въ смыслѣ укреплённыхъ пунктовъ народнаго поселе-нія. Признавая великую заслугу, оказан-ную археологіи почтеннымъ профессоромъ, нельзя однако не замѣтить, что воплѣтъ за-конное полемическое отношеніе къ школѣ Ходаковского вызвало въ свою очередь нѣкоторое увлеченіе и со стороны проф.

Самоковасова, увлеченіе, побудившее критику ограничить безусловность его тезиса для нѣкоторыхъ случаевъ. Безспорно, по отношенію къ нѣкоторымъ (даже скажемъ—многимъ) городищамъ взглядъ Д. Я. Самоковасова вѣренъ: городища были нѣкогда обитаемы и—мѣстомъ селитьбы, даже первичными фазами, эмбрионами городского поселенія,—но есть экземпляры городищъ (съ діаметромъ, напр., площади не болѣе 3 саж.), для которыхъ понятіе о селищѣ совершенно не приложимо и гдѣ единственно возможно предположеніе о стратегическомъ назначеніи памятника и то въ роли не постоянного, а временнаго поста. Въ позднѣйшихъ своихъ трудахъ¹²⁶⁾ самъ авторъ смягчилъ прежній взглядъ свой въ этомъ направленіи, допуская, что городища въ однихъ случаяхъ остатки временныхъ укрѣпленій, а въ большинствѣ случаевъ остатки укрѣпленій, защищавшихъ отъ непріятельскихъ нападений центры древнихъ общественныхъ поселеній.

Что касается вопроса о принадлежности городищъ извѣстной народности, то и здѣсь приходится сдѣлать негативное замѣчаніе прежней школы археологовъ, приписывавшихъ идею построения городищъ исключительно славянамъ: нахожденіе подобныхъ сооружений въ другихъ частяхъ свѣта, а въ Европѣ въ мѣстностяхъ, куда славяне никогда не проникали (напр., въ Швейцаріи; также у насъ въ Россіи—на территоріи финскихъ и тюркскихъ племенъ, напр. у Мери и болгаръ волжскихъ) слишкомъ тому противорѣчатъ, какъ противорѣчатъ отчасти и находки на городищахъ каменныхъ орудій (въ большинствѣ

шлифованныхъ, рѣдко, впрочемъ, и нешлифованныхъ),—указывающія на доисторическую эпоху, задолго предшествовавшую приходу въ Европу славянъ. Въ пользу славянъ можно сказать только, что они могли и дѣйствительно воспользовались этою формою защиты и въ борьбѣ съ германскимъ міромъ, тюркскимъ и др. развили и преимущественно удержали долѣе прочихъ «земляныя насыпи» стратегическаго назначенія. Дѣйствительно, есть прямые на то историческія указанія: *Саксонъ Грамматикъ* видѣлъ городища у балтійскихъ славянъ и говоритъ, что въ мирное время они были необитаемы, но лишь только раздавался звукъ мечей, всѣ жители бѣжали въ нихъ подъ защиту вала. *Оттонъ Бамбергскій* говоритъ, что городища были святилищами, мѣстомъ богослуженія и въ тѣхъ же мѣстахъ окрестные жители собирались для защиты отъ нападенія враговъ. Найдутся подобныя свидѣтельства и у друг. хроникеровъ славянства (*Эйнгарда*, *Видукина*, *Дитмара*, *Адама Бременскаго*, *Гельмольда*, *Мартина Галла*, *Викентія Кадлубка*, *Арнольда Любек.*¹²⁷⁾ Еще и до сихъ поръ многіе славянскіе города, особенно въ Польшѣ (прусской) и Балтійскомъ Поморьи, имѣютъ видъ городищъ, изъ которыхъ очевидно возникли. Въ самомъ центрѣ находится «городъ» въ тѣсномъ значеніи слова (городище, *grodzisko*, *zameczysko*, *castellum*, кремль нашъ), окруженное валомъ; внѣ его — «мѣсто» (*urbs*, откуда мѣщане—*urbani*), тоже окру-

¹²⁶⁾ Д. И. Самоковасовъ. Ист. Рус. права, в. I, стр. 187—94, 252—71; Древнія земляныя насыпи и ихъ значеніе (Древ. и Нов. Рос., т. I, стр. 262—, 342—) О средств. опредѣл. древности городищъ (Антр. Выст., т. 3, ч. I, стр. 180).

¹²⁷⁾ *Saxonis Grammatici Historia danica* (ed. Müller. et J. Velschow. Havniae 1839; lib XIV, стр. 742, 821, 987 и во многихъ друг. мѣстахъ говорятъ о городищахъ и укрѣпленіяхъ поморянъ. *Vita Ottonis episcopi bambergensis* m. *Ebonis* и *Herbordi Dialogus de Vita Ottonis* (Monum. Germ. historica, Scriptor, т. XII и XX;—Herb. II. 5. III 10 и въ друг.

женное валомъ; за нимъ шли «предмѣстья» (suburbium ¹²⁹).

Великимъ подспорьемъ при опредѣленіи народности городища, конечно, могла бы служить та или другая хронологическая норма, т. е. большая или меньшая давность памятника, — но оказывается, что пріобрѣтеніе и этого элемента въ археологической оцѣнкѣ памятника нелегко, да и

¹²⁹) Подробн. см. А. Котляревскаго «Сказанія объ Оттонѣ Бамбергѣ etc». Прага 1874; — и ея же «Древности юридич. быта балтійск. славянъ» ib. 1874, стр. 34; также *Sieniawski* *Pogląd na dzieje Słowian zachodnio—północnych etc.* (Gniezno 1881) съ новѣйш. литературой. Полезный сводъ извѣстій о славянскихъ городищахъ читатель найдетъ въ книгѣ *Wocel's* *Pravěk Země české* (Prag. 1868, 388 и сл.). Археолог. литерат. кромѣ того: *André*. *Heidenschanzen u. Steinwälle der Lausitz* (въ его *Wendische Wanderstudien* 1874, 98—132; *Wiegner* *Wendische Burgwälle in Mecklenburg* (въ его *Mecklenb. Annal*, 122—7 и цѣл. рядъ статей *Гизебрехта* старшаго, въ его *Baltische Studien* (XI, XII и XIII подвѣдн. заглавіемъ *Die Landwehre*) и *Руд. Вирхова* въ ж. *Zeitschr. f. Ethnol.* о городищахъ (ib. *Burgwälle*) Нижней Лужицы (т. IV), — Познани (т. IX), Чехія (X) въ этомъ-же томѣ «*Burgwall am Dniestr* (у Хотина) и. *Torfgeschirr v. Uscie Biskupie*; Вирховъ считаетъ это городище весьма важнымъ, какъ сам. южный изъ славян. городковъ. Раньше указан. статьи г. Оссовскаго и др. Много свѣдѣній также въ «*Jahrb. d. Ver. f. Mecklenb. Geschichte etc.* (съ 1836 г.). Полезны: *Wutke* *Städtebuch d. Land. Posen*; *Krats'a* *Die Städte d. Prov. Pommern*. Berl. 1865; *Osc. Schuster* *D. alt. Heiden-Schanzen Deutschlands mit spec. Beschreib. d. Oberlausitzer Schanzensystems* (Drezd. 1869) и др. Рисунки старыхъ славян. укрѣпленій у *Cosegarten'a* *Codex Pomer. diplom.* I (33—4; таб. 1; 211) и *La colonne Trajane*, reproduite en photographie d'après le surmoulage, exécuté à Rome (1861—2; 220 табл. краски *Gust. Arose*) текстъ *W. Frochner'a* съ виньетами; изд. *J. Rothschild'a* (Paris 1872).

не всегда возможно. Опредѣленіе эпохи происхожденія городищъ возможно только на основаніи фактовъ изученія вѣдшихъ формъ и содержимаго сохранившихся городищъ въ натурѣ и сличенія этихъ фактовъ съ извѣстными фактами исторіи, состоящими въ распоряженіи науки и взятыми изъ сказаній древнихъ писателей и свидѣтельствъ древнихъ актовъ. Къ сожалѣнію, прежняя «школа» богослужебнаго значенія городищъ, мало интересуясь изслѣдованіемъ памятника въ натурѣ, не позаботилась собраніемъ фактическихъ данныхъ, основанныхъ на результатахъ раскопокъ, собранный-же соврем. учеными (Самоковасовымъ, Уваровымъ и друг.) матеріалъ еще слишкомъ скуденъ. Во всякомъ случаѣ, въ распоряженіи современной науки имѣются уже слѣдующія средства опредѣленія древности городищъ въ конкретныхъ случаяхъ: 1) форма укрѣпленій городища, 2) присутствіе языческаго кладбища въ его окрестностяхъ и 3) находки при раскопкѣ его площади и укрѣпленій.

Въ первомъ приѣмѣ хронологическую грань служить появленіе въ военномъ искусствѣ огнестрѣльнаго оружія, произведшаго перемѣну въ системѣ фортификаціонныхъ сооруженій: а) всѣ городища съ кругообразными и неправильными очертаніями, валы которыхъ — изъ насыпей, сооруженныхъ по кривой, составной линіи, относятся къ эпохѣ до изобрѣтенія пороха и пушекъ вообще, точнѣе, для Западной Руси, впервые услышавшей пальбу въ грюнвальденской битвѣ съ крестоносцами (1410) — и заведшей первый артиллерійскій заводъ въ началѣ XVI вѣка (при Сигизмундѣ I), на популяризацию огнестрѣльнаго оружія и выработку соответственной фортификаціи уходитъ 2/3 XV вѣка; отсюда

б) всѣ городища съ правильными, угло-

ватыми и прямолинейными очертаніями валовъ (квадратной, прямоугольной или трапецевидной формы), отвѣчающими дѣйствію огнестрѣльнаго оружія, относятся къ эпохѣ введенія и употребленія въ военномъ дѣлѣ пороховыхъ снарядовъ. Присутствіе въ разсматриваемомъ памятникѣ наугольныхъ выступовъ и бастіоновъ, введенныхъ въ фортификацію знаменитымъ Вобаномъ, даетъ возможность еще точнѣе опредѣлить памятникъ вѣкомъ Людовика XIV, концомъ XVII и нач. XVIII столѣтія. Въ свою очередь, изъ серіи городищъ допороховой старины есть нѣкоторая возможность выдѣлить памятники «княжеской эпохи», которые могутъ быть отмѣчены слѣдующими чертами: на площадкѣ горы, крутой скатъ которой всегда отдѣленъ отъ остальной мѣстности прямолинейнымъ валомъ, расположено городище, окруженное подковообразно другимъ валомъ съ покатой стороны холма. Здѣсь было ядро и административный центръ поселенія, княжеское жилье и церковь. Затѣмъ съ той-же покатой стороны горы городище окружено полуконцентрическими валами все большаго и большаго радіуса, доходящими иногда до уровня подошвы горы. Эти послѣднія насыпи — слѣды послѣдовательныхъ поселковъ постепенно прироставаго къ «городу» населенія (посады), защищавшагося валомъ отъ врага. Всѣ уцѣлѣвшіе отъ княжескаго времени населенные пункты Украины, не стерты послѣдующими историческими эпохами и выбывшіе изъ семьи городовъ вслѣдъ за концомъ удѣловъ или даже ранѣе того (Вышгородъ, Пересѣчень Кіевскій, Бѣлгородъ, Витичевъ, Лиственъ и б. м. друг.) вполне носятъ на себѣ указанныя нами черты, котор. позволяемъ себѣ считать типическими.

Вторымъ вѣрнымъ признакомъ отличія древнѣйшихъ городищъ отъ позднѣйшихъ

земляныхъ насыпей христіанской эпохи — является присутствіе кургановъ (языческихъ могилъ) вблизи городища, обычай сооруженія которыхъ (за исключ. эпохи козачества) исчезаетъ со времени введенія христіанства ¹²⁹). Исслѣдованія г-фа Уварова въ землѣ мерянъ и проф. Самоквасова въ сѣверянской землѣ (гдѣ послѣднимъ найдено до ста городищъ совмѣстныхъ съ кладбищами языческой поры) даютъ право предположить, что городища, сопровождаемыя кладбищами языческой эпохи, по времени возникновенія также относятся къ языческой эпохѣ, однако слѣдуетъ при этомъ не упускать изъ виду, что мѣстности, нѣкогда изобиловавшія курганами, но издавна воздѣлываемыя подъ пашни, могутъ въ настоящ. время не имѣть могилъ вовсе, слѣдов. и городище этой мѣстности (хотя-бы по древности было языческой эпохи) лишается зачастую этого вѣрнаго признака опредѣленія времени его сооруженія ¹³⁰). Тогда является на помощь *третій* приемъ опредѣленія древности — раскопка площади городища и получаемые отъ нее вещественные показатели (указанные уже нами выше при общемъ обзорѣ памятника). Среди нихъ особенно важны — въ этомъ случаѣ нумизматическіе объекты, такъ какъ употребленіе монеты той или другой страны, того или друг. чекана — всегда вѣрный указатель если не крайнихъ хронологическихъ граней, то современной ей чеканкѣ поры существованія городища. Изученіе въ свою очередь техническаго и художест. стили въ предметахъ находокъ особенно съ этнографической стороны, всегда окажетъ услугу при опредѣленіи народности памятника; не слѣдуетъ однако думать при этомъ,

¹²⁹) Котляревскій «О погребал. обычаяхъ» стр. 118, 126.

¹³⁰) Самоков. Ист. рус. права. I- 193.

что городище служило обиталищем только въ ту эпоху, къ которой относятся монеты и вещи, въ нихъ найденныя и сходныя съ монетами и вещами курганными, — послѣднія могутъ доказывать только, что это городище было обитаемо въ эпоху насыпки пригородныхъ кургановъ. Но это же городище могло быть обитаемо и гораздо ранѣе погребенія въ курганъ своего гражданина, могло быть сооружено и позже на мѣстѣ, гдѣ уже были до того какія-либо могилы. Притомъ по своимъ топографическимъ условіямъ одни и тѣ-же городища могли служить обиталищами въ различныя эпохи различнымъ народамъ; отсюда слѣдуетъ помнить, что случайная находка или единичная по мѣсту раскопка, доставившая предметы только одной извѣстной эпохи не можетъ служить достаточнымъ средствомъ рѣшенія вопроса о времени обитаемости городища вообще, а только убѣдить насъ въ существованіи городища въ эпоху тождественную эпохѣ найденныхъ вещей. Для рѣшенія вопроса о времени существованія городища — необходимо обстоятельное (многомѣстное) изслѣдованіе площади городища и совокупность всѣхъ фактовъ, добытыхъ раскопкой, — что подтверждается изъ неоднократныхъ примѣровъ раскопокъ учеными городищъ¹¹¹⁾.

¹¹¹⁾ Такъ напр. болгарское городище на Волгѣ (Спасек. у.—да, Казанск. г. у с. Успенскаго) дало при раскопкѣ кресты, монеты и вещи XVII—XIX столѣтій, монеты и различныя вещи татарскія XIV—XVI ст., тоже—болгарскія VIII—XIII ст. наконецъ вепшѣев. и шлифов. орудія «каменнаго» вѣка — что указываетъ на обитаемость городища съ древнѣйшихъ временъ и по текущ. столѣтіе; — на курск. г.—щѣ ничего не найдено отъ эпохи XVII—XIX ст. но за то рядомъ съ татар. монет. и крестами XII—XVI ст. встрѣч. предметы языческой поры, — очевидно г—ще запустѣло въ татарскую эпоху; — въ Каневскомъ г—щѣ

Въ заключеніе всего приведеннаго нами о городищахъ, остается предложить еще возможно простѣйшую ихъ классификацію по внѣшнимъ чертамъ, оставляя въ сторонѣ всевозможныя въ этомъ случаѣ усложненія — такъ напр:

(Кіев. г. у с. Пекарей) — найдены предметы только XIII в. (бронзов. зеркало, желѣз. оружіе и конск. збруя, серебрян. браслеты и др. украшенія бляхи и кіевскіе рубли; золот. серожки и бляшки, камен. образокъ св. Николы, свинцов. печать митр. Кирилла) — очевидно г—ще запустѣло въ дотатарскую эпоху; на Бѣлогорскомъ г—щѣ (Суджан. у.) Волокитинск. (Путивльск. у.) и Дегтяревскомъ (Новгородсѣвер—го) не найдено признаковъ христіанства, а только предметы, находимые и въ мѣстныхъ языческихъ курганахъ (бусы, привѣски, кольца, пожи) — наконецъ на Юхновск. г—щѣ (Новгородсѣв. у.) — находки не дали признаковъ желѣзной культуры, — только орудія и украшенія изъ камня, кости, глины, бронзы — очевидно въ перв. случаѣ г—ща опустѣли въ исходѣ языческаго времени, а во второмъ г—ще не дожило и до металлическаго вѣка (Самоквас. антр. выст. т. 3 ч. 1 182). Иногда для опредѣленія *minimal'ной* вѣтхости городища (какъ и кургана), поросшаго вѣковымъ лѣсомъ, могутъ до извѣст. степени служить растущія на немъ экземпляры древесныхъ породъ. Извѣстно, что въ растеніяхъ (*dicotyledones*) число концентрич. слоевъ дерева указываетъ на число лѣтъ, прожитыхъ растеніемъ. Достаточно срубить стволъ у корня и сосчитать эти кольца (если внутренность пня дуплиста, — измѣряютъ окружность ствола и опредѣляютъ величину его радіуса и величину недостающей части дуплистой послѣдняго; потомъ, измѣряя всю толщину колецъ въ суммѣ, сколько ихъ можно примѣтить, вычисляютъ сколько ихъ было въ недостающей части (дуплѣ). Очевидно, подобныя данныя не болѣе, какъ приблизительныя величины, притомъ хронологическій показатель *minimal'ной* древности, такъ какъ ничто не указываетъ намъ, сколько времени протекло между моментомъ сооруженія насыпи и тѣмъ, когда

а.—Собств. городища (*бывшія поселенія*, нѣкогда города): значительны по пространству (въ нѣск. десятковъ десятинъ земли),—разнообразныхъ формъ и со всѣми указанными уже выше чертами разсматриваемаго памятника. Особенная черта—признакъ въ нѣкоторыхъ экземплярахъ это присутствіе въ центрѣ городища или ближе къ одной изъ сторонъ т. наз. народомъ «*замчиська*»—особаго возвышеннаго пункта—въ родѣ холма, обнесеннаго валомъ, какъ-бы городища въ миниатюрѣ, обыкновенно круглаго и по уровню господствующаго надъ городищемъ—особливо входнымъ пунктомъ послѣдняго.

Внѣ валовъ такого городища всегда почти находятъ курганы (часто цѣлый могильникъ), очевидно бывшее городское кладбище, раскопка котораго можетъ послужить указаніемъ древности и др. археологическихъ сторонъ памятника ¹³²⁾.

б. городи (или циркулярныя городища): занимаютъ небольшое сравнительно пространство (отъ нѣсколькихъ десятковъ до нѣск. сотенъ шаговъ въ діаметрѣ) и представляютъ только одинъ круговой валъ замкнутый (иногда безъ входа); въ формѣ городища преобладаетъ кругъ. Назначеніе—по аналогіи съ подоб. памятниками въ друг. мѣстахъ—*временное убѣжище*, такъ

совершилась искусственная или случайная посадка растеній. Это особенно слѣдуетъ имѣть въ виду при изслѣдованіи кургановъ, такъ какъ извѣстно, что зачастую погребальныя насыпи сооружались не сразу, а постепеннымъ нарощеніемъ матеріала, изъ обычая кидать всякимъ проходящимъ горсть земли на курганъ (о чемъ говорить еще и Геродотъ, а подтверждаетъ удѣлвшій и поднесъ обычай при похоронахъ бросать присутствующимъ горсть земли въ могилу).

¹³²⁾ Лучшій примѣръ такого г—ща намъ лично извѣстенъ «Грубскъ» (г—ще у м. Ходоркова Киев. г. Сквирск. у.).

какъ размѣрами часто не соответствуетъ даже незначительному поселку.

в. сторожевыя городища, о которыхъ позволимъ себѣ сказать нѣсколько подробнѣе, ради мѣстнаго ихъ (для Новороссіи) интереса. Въ народѣ нашемъ они извѣстны обыкновенно подъ кличкою «*майданъ*» «*раскопана могила*» (иногда «*турецка батарея*») по внѣшнему сходству ихъ издали съ разрытымъ курганомъ, почему прежними археологами къ курганамъ и причислялись (у Фундуклея III-й разрядъ кургановъ) представляютъ съ фортификаціонной стороны сложную систему укрѣпленій изъ двухъ т. ск. верковъ 1) собственно сторожеваго городища и 2) форпоста. Сторожевое городище состоитъ изъ серповиднаго не сомкнутаго (съ выходомъ), лежащаго на возвышенномъ пунктѣ вала, охватенное которымъ внутреннее пространство городка представляетъ воронкообразное углубленіе. Къ такому валу по сторонамъ въ области его входа примыкаютъ два крыловидныхъ придатка, валы—сегменты неполнаго круга большаго сравнительно съ городищемъ діаметра. Расположены городища линіей вдоль лѣваго берега Днѣпра на пространствѣ болѣе сотни верстъ (нуждаясь еще въ констатированіи своего присутствія въ «*правобережьи*») и обращены раструбами къ рѣкѣ; насупротивъ ихъ, параллельной къ нимъ линіей ближе къ рѣкѣ, но въ шахматномъ порядкѣ (*vis-à-vis* дистанціонныхъ промежутковъ между собственно-городищами) тянется рядъ подобныхъ-же серповидныхъ валовъ, какъ-бы форпостовъ, но безъ сегментальныхъ придатковъ и съ выходами, обращенными въ сторону противоположную къ рѣкѣ, а слѣдовательно направленную къ городищу. Есть нѣкоторое основаніе мнить, что указываемый нами видъ городищъ своимъ происхожденіемъ относится къ средневѣковому времени Украйны (скорѣе всего литов-

ской поры), б. м. представляя собой исторически известны намъ охранныя сооруженія при Витовтѣ на южныхъ окраинахъ противъ татаръ. Последнее тѣмъ вѣроятнѣе, что сторожевыя городища находятъ себѣ подобныхъ по конструкціи въ степяхъ въ лицѣ т. н. *запорожскихъ оторомень*, первичную фазу которыхъ собою и представляютъ. Последніе даютъ намъ той-же конструкціи окруженный главнымъ валомъ возвышенный круглый или овальный городокъ, съ однимъ или двумя выходами и съ 2-мя вѣтвями его подъ угломъ примыкающими къ этимъ выходамъ оборонительными крылами изъ параллельныхъ боковыхъ валовъ въ нѣсколько (6) рядовъ. Въ ансамблѣ все городище—сторожка à vol d'oiseau напоминаетъ фигуру морскаго рака съ большими клешнями. Главный валъ—вышиною до 2 сажень, длиною въ нѣкотор. экземплярахъ до 190 арш., длина боковыхъ валовъ ок. 70 арш. По мнѣнію нѣкоторыхъ (на основ. документальныхъ данныхъ)—подобныя городки были мѣстопребываніемъ козацкаго пикета, на что указываютъ и находимые въ городкѣ слѣды землянокъ; валы—параллели въ так. случаѣ были земляными стойлами коней. Въ иныхъ сторожкахъ встрѣчаемъ небольшія напр. 1 арш. высоты—и 1 саж. въ поперечникѣ могильныя насыпи, б. м. погребенныхъ здѣсь козаковъ - «пикетировъ». Дѣйствительно-ли все это такъ показать должно будущее археологическое ихъ изученіе, прекрасный починъ которому въ Новороссіи сдѣлалъ въ этомъ году земскій статистикъ Елисаветградскаго у — да А. А. Браунеръ¹³³⁾. Въ виду ожидаемыхъ наукой но-

¹³³⁾ Исследовавшій текущ. лѣтомъ въ интересахъ VI съѣзда около 30 подоб. г—щъ въ (Елисаветград., Александр. и частью др. у—хъ) Херсонск. г—и и интересные результаты изысканій котораго надѣемся услышать въ речератахъ съѣзда.

выхъ фактовъ не позволяемъ себѣ пока и мы распространяться болѣе объ этомъ предметѣ.

Въ связи съ рассмотрѣнными уже нами *городищами* пытливое око археолога не можетъ не посвятить своей студіи изслѣдованію и другаго (родственнаго имъ) представителя II серии земляныхъ насыпей, именно, такъ назыв. *валовъ*. Этотъ памятникъ древности, тектоническая форма и вышность котораго по своей обыденности и въ настоящее время слишкомъ известны, чтобы о нихъ распространяться, былъ въ старину какъ и теперь обыкновеннымъ способомъ защиты человека, слѣдовательно въ преобладающей-ли земляной консистенціи своей или только въ мѣстной (Чехія и Лужицѣ) каменной кладкѣ («склеенные» глиной *verschlagte Wallen* нѣмецк. археологовъ),—въ «одиночномъ»-ли прямолінейномъ, или въ «сложномъ» комбинарованномъ видѣ—«концентрами», служилъ по преимуществу стратегическимъ цѣлямъ населенія чуть-ли не съ первыхъ столѣтій исторической жизни современныхъ народовъ сѣверной и восточной Европы—и долѣе всѣхъ славянъ¹³⁴⁾. Доказательствомъ это-

Вопросы о городищахъ и валахъ, поставленные на археол. с—хъ были слѣд.:

на 1-мъ (—*Москва*). Нѣтъ ли въ Сибири такихъ же городищъ (валовъ соверш. округленныхъ со входомъ и безъ входа или полукруглыхъ), какія находятся въ средней европейской Россіи и въ средней Европѣ, и если есть, то гдѣ, как. вида и как. величинъ? При отвѣтахъ желат. б. бы получить рисунки самихъ г—щъ; сохранились ли остатки древняго вала, уже бывшаго при Владимірѣ Свят—мъ южнѣ Кіева на границѣ земли Печенеговъ, и въ какомъ видѣ?

на 5-мъ (—*Тифлисъ*). Гдѣ приготовлялись бусы изъ цвѣтной массы, встрѣчающіяся во множествѣ въ Болгарскомъ *городищѣ*?

¹³⁴⁾ Какъ оно не страннымъ кажется въ настоящее время, но значеніе валовъ до недав-

го могут служить, какъ фортификаціонная форма валовъ (съ внутренней стороны пологихъ, съ наружной-же крутыхъ), такъ и топографія и территориальное расположение ихъ (болѣе менѣе непрерывнымъ хребтомъ на значительномъ разстояніи въ мѣстностяхъ, лишенныхъ природой защи-

няго времени было въ наукѣ довольно неопре-
дѣленно. Многихъ шокировали бесспорно значи-
тельная линейная протяжен. насыпей (на де-
сятки и сотни верстъ), и безотвѣтный (будто)
вопросъ, гдѣ добывался строительный матери-
алъ ихъ при отсутствіи въ нѣкоторыхъ эк-
земплярахъ явственныхъ рвовъ. Думаемъ, что
въ томъ и другомъ случаѣ научная боязнь на-
прасна: если принципъ борьбы за существо-
ваніе былъ (какъ это не разъ видимъ изъ
исторіи) у многихъ племенъ слишкомъ энер-
гичнымъ стимуломъ самозащиты, то (китай-
ская стѣна въ примѣръ) сооружались охраны и
несравненно грандіознѣе разрывовъ, — земле-
дѣльческая же культура и природа не могли
не сгладить гипсографическія особенності мно-
гихъ памятниковъ, — что вполне подтверждает-
ся фактомъ, констатированнымъ по отношенію
къ южной Россіи, напр. В. Б. Антоновичемъ
въ его прекрасной статьѣ «Зміевы валы въ
предѣлахъ кіевской земли» (Кіевск. Стар.
1884 г.): «вездѣ гдѣ контуры вала уцѣлѣли
въ значительной степени... валъ всегда со-
провождается съ одной стороны рвомъ... etc.»
(стр. 358). О возникновеніи въ историч. вре-
мя земляныхъ укрѣпленій, пролежавшихъ на
значит. разстояніяхъ и охватывавшихъ об-
ширн. области въ Зап. Европѣ мы находимъ
многочислен. письмен. свидѣтельства: римляне
впервые ввели такіе насыпи какъ стратегич.
контрфорсъ противъ германцевъ длин. въ
500 в. (отъ Кельна, по Рейну и Майну до впа-
денія Альтмюля въ Дунай, а также и далѣе
въ востокъ); изъ Тацита вѣдаемъ объ обычѣ
германцевъ (заимствованномъ отъ римлянъ
или исконномъ) окружать валами территоріи
отдѣльныхъ общинъ и даже цѣлыхъ племенъ
(херусковъ, ангрияваріевъ, бруктеровъ); при
каролингахъ римская фортификаціонная систе-
мова всеобщ. употребленіи у франковъ и

ты отъ враждебныхъ племенъ, что особен-
но явствуетъ въ земляхъ славянъ на по-
рубежьяхъ съ германскимъ міромъ и все-
го рельефнѣе съ тюркского корня коче-
виками нашихъ степей); наконецъ свидѣ-
тельствуютъ также историческія докумен-
тальныя данныя, освѣщающія въ свою оче-

воюющихъ съ ними датчанъ, славянъ и ава-
ровъ (соеоружен. въ 812 г. Карломъ В. ли-
нія валовъ отъ Эльбы, по ней и на востокъ
до устья р. Свентины въ Балт. м. т. назыв.
limites Saxoniae, опис. Адамомъ Бременскимъ;
современная ей контръ-линія датчанъ по Эй-
деру отъ Балтійск. до Нѣмца. моря; упомин.
также Сен-Галлен. лѣтописцемъ въ походахъ
Пипина юнаго 9 concentric. линій валовъ
аварскаго каганата противъ франковъ и т. п.);
политика саксонской династіи (Оттоновъ) при-
мѣняетъ ее главн. образ. на борьбу съ полаб-
скими славянами; принятая-же послѣдними и
развитая въ цѣлую сложную систему тау-
ншихъ на сотни верстъ валовъ и рвовъ (отъ
Саалы на западъ до Одера и Варты на восто-
къ) служить продолжительнымъ оплотомъ для
славянъ на территоріи вытѣсненныхъ Саксоніи,
Бранденбурга и Силезіи противъ охмечиваю-
щаго Drang nach Osten. Такіе валы, охваты-
вающіе иногда даже обширныя области (древ-
нюю Миснію, верхнюю Лужицу), заимство-
ваны правдоподобно и поляками (длинные
валы окружаютъ разные округа Силезіи,
составляя какъ бы продолженіе лужицкихъ,
и имѣя себѣ продолженіе въ простирающихся
между рр. Вартой и Нотецью кругахъ валовъ
Великой Польши, охватывающихъ систему
оз. Гопла). Подробности см. у *Krieg v. Hoch-
felden Gesch. d. Militararchitectur in Deutsch-
land* (Stuttg. 1859), — *von-Pewcker Das deutsche
Kriegswesen der Urzeiten* (Berl. 1860). *Osc.
Schuster D. alt. Heidenschanzen Deutschlands
mit speciel. Beschreib. d. Oberlausitzer Shan-
zen-systems* (Dresd. 1869), въ ст. *P. Вурхова*
въ *Zeitschr. f. Ethnologie* (т. II 1870 «Uber.
d. gebrannt. Steinwälle der Oberlausitz»; т.
III 1871. «Ub. Brandwälle in d. Nähe v.
Dresden... etc.»; т. VIII 1876 г. «Brandwall
bei Blumberg in d. Oberlausitz» и др. равно

редь и цѣлый циклъ народныхъ преданій, сложившихся тамъ и сямъ въ фантазіи послѣдующихъ поколѣній о подобныхъ сооруженіяхъ предковъ.

Въ этомъ случаѣ особенно характерны, а для русск. науки преимущ. интересны, валы южной Россіи, первенствующие, какъ и всѣ земляныя насыпи нашего края, среди подобныхъ сооружений другихъ территорій славянъ (Силезія, Лужицъ Сербской, Великой Польшы и вообще низменномъ Повисляннѣ), соотвѣстныя имъ инородцевъ (заднѣстровскихъ румунъ—древней Дакіи), и замѣченные пока всего рельефнѣе въ предѣлахъ Киевской земли и Переяславской (Полтавской). Пролегая по полямъ и лѣсамъ на протяженіи десятковъ и сотенъ верстъ, охватывая цѣлые округи и уѣзды, сопровождая по временамъ русла рѣкъ (перерѣзая иногда ихъ теченіе или напротивъ провѣсивъ водораздѣльныя ихъ линіи), земляныя валы наши слишкомъ замѣтный объектъ, чтобы не обратить вниманіе на себя наблюдательнаго индивидуума. Дѣйствительно, мѣстный поселеникъ—южнорусъ замѣтилъ во многихъ мѣстностяхъ «своей нивы» затертые временемъ и плугомъ признаки какой-то искусственной насыпи, постепенно то понижающейся, и сглаживаясь непримѣтной, то послѣ перерыва въ нѣсколько верстъ, опять исподоволь возвышающейся и теряющейся въ невѣдомой ему таинственной дали. Затерявъ память о реальномъ назначеніи и генезисѣ памятника, образная концепція народа подъ впечатлѣніемъ безспорно грандіозной затраты труда на его сооруженіе создала полулегендарный образъ зодчаго

упомянут. выше статьи его о городищахъ той-же мѣстности въ не разъ цитирован. выше монографіяхъ г. Оссовскаго, общихъ трудахъ: *Kraszewskiego Sztuka u Slowian etc.*, стр. 93—4, *Al. Kohn'a Materialien etc.* (кн. 2, гл. II) и др. уг.

Кирилы Кожемяки и полумифическій—змія (дракона), запряженнаго богатыремъ въ плугъ, выкинутая которымъ борозда и есть означенная насыпь, заслужившая поэтому въ народѣ кличку «зміева вала». Не оставила ихъ безъ вниманія и мѣстная наука прошлаго времени въ лицѣ книжниковъ чуть-ли еще не XVII вѣка, давшая имъ на основаніи поверхностной и шаткой гипотезы названіе «Трояновыхъ валовъ» (приписывая ихъ сооруженіе императору Траянѣ, послѣ завоеванія Дакіи). Какъ не поверхностно это мнѣніе, чтобы подлежать серьезной критикѣ, однако и позднѣйшіе писатели въ лицѣ Фундукленя и Грабовскаго удержали старую номенклатуру, пытаясь даже подтвердить ее якобы существующимъ въ народѣ преданіемъ о Троянѣ, царѣ Ермаланскомъ (?) (прибавимъ, совершенно неизвѣстномъ и сомнительномъ для строгой этнографіи) и найденной въ Украинѣ (хотя и въ сторонѣ отъ вала) монетой римской колоніи Виминаціи (въ Мезіи), чеканенной притомъ не при Ульпіи, Траянѣ, а полторасти лѣтъ спустя—Деціи Траянѣ. Неудачная гипотеза къ сожалѣнію не осталась безъ подражанія, вызвавъ появленіе еще болѣе диковинной о существованіи за 500 л. до Р. X. въ землѣ Полянъ, славянскаго князя Трояна—повелителя Киева (носившаго тогда названіе якобы Трои и т. п.).

Украинскій курганогрѣфъ Липпоманъ, хотя отринувъ всѣ эти плоды псевдо-научной фантазіи, но не смогъ рѣшить вопроса иначе, какъ интерпретировать происхожденіе валовъ зодчествомъ не менѣе неопредѣленныхъ Сарматовъ. Только покойный киевскій ученый М. Максимовичъ съ свойственной ему трезвостью взгляда, основываясь на лѣтописныхъ указаніяхъ и свидѣтельство Брунона Мерзебургскаго, высказалъ предположеніе, что валы Переяславскаго уѣзда (Полтав. губ.) построе-

ны всего только въ концѣ X вѣка. Это мнѣніе подтвердилось по отношенію къ валамъ и кievской земли недавними изслѣдованіями проф. В. Б. Антоновича (Зміевы валы въ предѣлахъ кievской земли. «Кiev. Стар.» 1884 г.). Опредѣливъ точно по даннымъ мѣстной курганогрaфiи территориальныя и топографическія особенности разсматриваемыхъ насыпей, собравъ всѣ упоминанія русской лѣтописи (подъ 1093, 1095, 1149, 1151 и 1169 годами) о валахъ кievскаго и переяславскаго княженія и воспользовавшись извѣстнымъ памятникомъ XI-го вѣка, письмомъ (отъ 1008 года) бывшаго у печенѣговъ миссіонеромъ (лично посѣтившаго Кіевъ и нашего Владиміра) архіепископа Мерзебургскаго Брунона къ императору германскому Генриху II-му, почтенный археологъ пришелъ къ слѣдующимъ положеніямъ:

«1) Географическое расположеніе валовъ и положеніе сопровождающихъ ихъ рововъ указываетъ на то, что валы возведены были для защиты отъ кочевниковъ той территоріи, въ центрѣ которой лежалъ Кіевъ.

2) Такъ какъ опасность отъ кочевниковъ угрожала по преимуществу со стороны южныхъ степей, то и валы сосредоточены главнымъ образомъ на южной границѣ древней кievской области, опираясь на рѣку Росъ и ея притоки—Красную и Стугну и представляя съ южной стороны до 5 параллелей, расположенныхъ одна за другою.

3) Система огражденія областей длинными земляными валами не составляла особенности кievской Руси; она была заимствована съ запада; римляне сообщили ее германцамъ, отъ которыхъ она пришла къ славянамъ. На западѣ земляные валы возводились еще до конца X столѣтія.

4) Мы имѣемъ свидѣтельство Брунона, дополняющее русскую лѣтопись о томъ,

что Владиміръ св. возводилъ на границахъ своего государства валы для защиты отъ печенѣговъ также въ концѣ X столѣтія.

5) Изъ сличенія народныхъ легендъ съ лѣтописною можно вывести заключеніе, что «Змій», отъ имени котораго названы валы, есть не что иное, какъ мнѣніе символъ, подъ которымъ скрывается забытое уже представленіе о печенѣгахъ.

6) Съ исходомъ XI столѣтія, судя по лѣтописнымъ указаніямъ, валы потеряли свое фортификаціонное назначеніе.

Отсылая желающихъ за подробностями къ упомянутой весьма интересной монографіи, мы приводимъ здѣсь только заимствованный оттуда топографическій очеркъ «зміевыхъ валовъ» Украины, который быть можетъ, пригодится для будущаго составителя археол. карты. Если свести всѣ свѣдѣнія о валахъ, находящихся въ Кievской губ., то на картѣ возможно будетъ начертить только нѣсколько цѣльныхъ линій, которыя пролегаютъ къ югу и частью къ западу отъ Кіева и находятся въ нѣкоторой связи съ рѣчною системою страны. Самая длинная изъ извѣстныхъ линій вала сопровождаетъ Росъ: она начинается на лѣвомъ берегу этой рѣки, недалеко отъ ея устья и, то удаляясь, то приближаясь къ ея руслу, тянется мимо Корсуна и Богуслава до Бѣлой-Церкви; здѣсь она поворачиваетъ къ западу, пересѣкаетъ притокъ Роси-Каменку, переходитъ на другой ея притокъ—Раставицу и затѣмъ, поворачивая къ сѣверу, проходитъ черезъ село Попельню и огибая съ западу истокъ рѣкъ: Унавы, Ирпеня и Здвижи, достигаетъ южнѣ Радомысля береговъ Тетерева, въ окрестности котораго даетъ нѣсколько боковыхъ отроговъ и соединяется съ другими линіями валовъ. Другой валъ начинается вблизи мѣстечка Триполья и тянется къ западу, окаймляя болѣе или менѣе близко сѣверный берегъ рѣки Крас-

ной, изъ верховьевъ которой переходитъ на Раставицу. Третья линія начинается вблизи предыдущей у Триполья, идетъ почти параллельно теченію рѣки Стугны, по правому ея берегу, затѣмъ пересѣкаетъ рѣку Унаву и тянется дальше къ западу, но западныя оконечности какъ этого вала, такъ и предыдущаго не изслѣдованы; правдоподобно они соединяются съ тою частью перваго вала, которая пролегаетъ по направленію съ юга на сѣверъ. Четвертая линія вала начинается на лѣвомъ, сѣверномъ берегу Стугны, проходитъ черезъ Васильковъ, пересѣкаетъ р. Ирпень вблизи Черногогородки, отдѣляя соединительную вѣтвь къ юго-востоку къ предыдущей линіи, затѣмъ, направляясь къ западу, достигаетъ мѣстечка Бышева; отсюда валъ, дѣлая крутыя извилины въ разныхъ направленіяхъ, пролегаетъ дальше къ сѣверо-западу, пересѣкаетъ теченіе Здвижи и между этою рѣкою и Тетеревомъ соединяется съ линіею первою и притомъ даетъ отроги въ разныя стороны, направленіе которыхъ и дальнѣйшее протяженіе намъ неизвѣстны; одинъ изъ этихъ отроговъ пересѣкаетъ русло Тетерева и теряется въ лѣсахъ въ окрестности села Верлоока, другой отходитъ по правую сторону Тетерева, параллельно его теченію, и часть его извѣстна нѣсколько ниже по теченію этой рѣки, между селами: Песковкою и Тальскою Рудою. Пятою линіи намъ извѣстны только незначительныя отрѣзки: къ сѣверу отъ Кіева между селами Вышгородомъ, Петровцами и Валками, къ западу въ лѣсу села Боярки и къ юго-западу у села Рославичи. Если гипотетически соединить эти отрѣзки между собою, то окажется полная половина круга, описанная около Кіева радіусомъ въ 18—20 верстѣ. Наконецъ, небольшое кольцо вала замѣчается у села Ходосовки—оно охватываетъ небольшую площадь нагорной

мѣстности и обоими концами упирается въ луговую долину Днѣпра.

Перечисленными линіями, конечно, не исчерпывается все количество земляныхъ сооружений на площади Кіевской губерніи; множество отрывочныхъ указаній свидѣтельствуютъ о томъ, что другія линіи валовъ, вѣроятно, гораздо болѣе длинныя существуютъ къ югу, западу и сѣверу отъ вышеисчисленныхъ. Такъ у Фундукленъ намѣчены валы къ югу отъ Роси, на правомъ берегу Тясмина и въ рѣчной системѣ Синюхи и ея притоковъ; послѣдніе тянутся на довольно значительномъ пространствѣ и южный отрогъ ихъ переходитъ въ степи Балтскаго уѣзда Подольской губерніи. Нѣсколько западнѣе, въ окрестности мѣстечка Дашева извѣстны два вала, переходящіе также въ Подоліе. На сѣверѣ намѣчены отрѣзки валовъ между рр. Устью и Припятью, а также длинный, повидимому, валъ, который переходитъ изъ Радомышльскаго уѣзда въ Волинскую губернію, въ окрестности села Выдыбора, и т. д.¹³³⁾

Въ связи съ валами кіевской земли на- ходятся валы южной части Переяславскаго уѣзда (Полтав. г.), пролегающіе въ видѣ двухъ параллельныхъ дугообразныхъ линій отъ Днѣпра на востокъ къ селу Строкову. Оба они—южнѣ Переяслава; ближайшій къ городу зовется *великимъ*, другой *малымъ валомъ*. У обоихъ (подобно кіевскимъ) ровъ на внѣшней отъ города сторонѣ. Лучше всего примѣтны они на столбовой дорогѣ, идущей отъ Переяслава внизъ Днѣпра на Золотоношу и Кременчугъ, которую переходятъ великій валъ на восьмой верстѣ отъ города (направляясь къ с. Малымъ Каратулямъ, отсюда къ с. Строкову) а малый валъ въ десяти верстахъ южнѣ великаго. Пройдя

¹³³⁾ В. Б. Антоновичъ Зміевы валы etc. (стр. 356—7).

еще восемь верстъ отъ той дороги къ востоку, малый валъ склоняется на сѣверъ, къ дорогѣ, идущей въ Переяславль отъ *городища* на Супоѣ (называемаго нынѣ Ташанью). Перейдя эту дорогу на десятой верстѣ отъ городища, малый валъ поворачивается круто на сѣверо-западъ къ великому валу и примыкаетъ къ нему недалеко отъ с. Строковы, на полѣ, назыв. Чернечимъ Степомъ. Отсюда видно продолженіе (большаго) вала къ р. Супою и 6 м. (малаго) отъ Строкова къ р. Трубежу, гдѣ послѣдній и кончается близъ хутора Дубовой Шии противъ с. Гайшипа ¹³⁶⁾.

Кромѣ перечисленныхъ валовъ — нельзя не предположить возможность существованія земляныхъ насыпей такого типа и въ другихъ мѣстахъ Россіи, особливо въ тѣхъ или другихъ окраинахъ южно-русскихъ степей, — сопредѣльныхъ съ кочевыми народностями. Дѣйствительно имѣются свѣдѣнія о валахъ въ Подольской землѣ ¹³⁷⁾ (напр. возлѣ м. Сатанова Проскуровскаго у—да и др.). Намѣчаютъ валы и въ Бессарабіи (наз. Траяновыми б. м. вполне заслуженно) — есть валъ около Перекопа (въ Таврич. г—ни) ¹³⁸⁾ и др. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ большинство археологич. матеріала въ Новороссійскомъ краѣ не вошло совсѣмъ или весьма въ незначит. степени въ археологич. науку, а потому первымъ долгомъ нашей инструктивной замітки, какъ въ вопросѣ о курганахъ, такъ тѣмъ болѣе въ вопросѣ о городищахъ и валахъ, предложить для законнаго удовлетворенія потребностей археологич. собраніемъ новаго матеріала специальной

инструкціи для описанія городищъ и валовъ ¹³⁹⁾.

1) *Мѣстонахожденіе и мѣстоположеніе*. Имѣются-ли въ мѣстности (указать губернію, уѣздъ, волость, село etc.) древнія земляныя насыпи, или окопы, или батареи, старые шанцы, которые называются городищами или городками; если имѣются, то гдѣ именно, у какихъ рѣкъ, балокъ, селъ, деревень, хуторовъ, и если есть, то въ какомъ разстояніи и направленіи отъ таковыхъ. При этомъ необходимо перечислить названіе всѣхъ, окружающихъ городище, населенныхъ мѣстъ и урочищъ.

Примръ: въ верстахъ 5 къ югу отъ посада Новоархангельска на разстояніи двухъ верстъ отъ р. Синюхи лежитъ городище; или хотъ такъ: по р. Кагарлыку съ правой ея стороны тянется рядъ городищъ. Лица имѣющія подробную (генер. штаба 3-хъ верстную въ дюймѣ) топографическую карту соглашались опредѣлить на ней сам. точнымъ образомъ пунктъ положенія городища и сейчасъ-же отмѣтить его особымъ (условнымъ) знакомъ на картѣ. Вообще къ описанію городищъ должны быть приложены, хотя отъ руки свѣдѣныя, *планы* площадей и укрѣпленій.

2) *Площадь*. Какъ велика площадь и внутренняя часть городища и городка безъ

¹³⁶⁾ М. Максимовича (см. Труды I Археолог. Съѣзда). т. I. стр. СХХV—VI).

¹³⁷⁾ Подроб. у *Przedziecekiego Wolyń, Podole, Ukraina, obrazy miejsc i czasów* (т. 2) и др.

¹³⁸⁾ Труды Одес. Об. Ист. и Древ. (т. I, ст. Шевелева).

¹³⁹⁾ См. «Инструкцію для описанія городищъ, кургановъ etc.» (составл. комиссією назначен. 3 Арх. С—мъ въ Кіевѣ и утвержд. въ общемъ засѣданіи съѣзда 21 августа 1874 г.). «Программа для описанія городищъ» (собственно майдановъ), А. А. Браунера (Елисаветград. Выстн. 1884 г. № 60, «Просьба къ жителю Елисаветград. у—да о доставленіи свѣдѣній и предметовъ для 6-го Археологич. Съѣзда») и др., разброс. въ разн. выпускахъ и томахъ «Антропологич. Выст.» (Москва 1878—9), также у Д. Я. Самоквасова «древніе города Россіи» (Сиб. 1873 г., стр. 118) и въ «Чернигов. Епархіал. Извѣст.» (1872, № 19, стр. 503—7).

валовъ (въ квадратныхъ саженахъ) или рвовъ, или въ крайн. случаѣ (въ саженахъ и аршинахъ) окружность площади?

3) Какая форма площади городка или городища (правильная или неправильная, кругообразная, яйцевидная, треугольная и т. д.)?

4) Какова поверхность площади городища, (ровна или холмистая, поросшая лѣсомъ, нѣтъ-ли на городищѣ слѣдовъ колодца, погреба или бывш. построекъ)?

5) На какомъ мѣстѣ помѣщается городище. Стоитъ-ли оно на открытомъ и мѣстность его *юсподствующа* (выше окружающей) или нѣтъ? на правомъ или лѣвомъ берегу рѣки (ручья, балки etc), возвышенномъ или низменномъ, въ луговомъ мѣстѣ, или въ открытомъ полѣ? Въ какомъ разстояніи оно отъ ближайшаго нынѣшняго или бывшаго водохранилища?

Не находится-ли вблизи городища (въ какую сторону и на какомъ разстояніи) какое-нибудь *топыло* (яма откуда бралась земля для постройки городищъ, примѣтная часто по растущимъ на ней желтымъ цвѣткамъ, сем. «Лютиковыхъ»)? Не видѣются-ли вблизи городища (сторона и разстояніе) камни—особливо замѣтной группировки, а также *курганы* (сторона, разстояніе? число, какіе? etc. см. инструк. о курганахъ)? Не видѣются-ли (сторона и разстояніе) вдали еще городища? стоятъ ли послѣдніе на открытой мѣстности или вблизи как. либо водъ, группами, въ одиночку или составляя извѣстнаго рода линію (рядъ)?

6) *Внѣшнія укрѣпленія*. а) Способъ укрѣпленія городища: рвы, валы или стѣны, или соединеніе того и другаго. б) Положеніе укрѣпленія въ отношеніи къ площади городища: съ какихъ сторонъ примыкаютъ къ площади городища его укрѣпленія (овраги, спуски, выкопанные рвы, насыпные валы)? в) Величина укрѣпленій:

какая длина и ширина, высота, глубина валовъ и рвовъ при городищѣ (въ «майданахъ» слѣдуетъ измѣрить также окружность главнаго вала, не обращая вниманія на *проходы*!) г) форма укрѣпленій?

7) Въ какомъ количествѣ и съ какой стороны (по странамъ горизонта) входъ или въѣздъ въ городище (или *проходы* въ «майданахъ»; число ихъ? не продолжаютъ-ли они наружу въ видѣ валовъ?) *Примѣчаніе*: для изслѣдованія весьма распространенныхъ въ Новороссіи «майдановъ» важны между прочимъ слѣд. вопросы, поставленные А. А. Браунеромъ (изучающимъ этотъ родъ городищъ въ нашемъ краѣ): а. замѣтить, куда обращено самое высокое мѣсто на главномъ валу и не является-ли оно въ видѣ площадки (видъ и величина послѣдней)? б. Измѣрить всѣ боковые валы! Ихъ видъ (прямой, дугообразный, полукруглый и т. п.)? в. Измѣрить промежутокъ между противлежащими боковыми валами въ самомъ широкомъ мѣстѣ! Нѣтъ-ли въ этомъ промежуткѣ ямъ (куда обращена насыпь ямы: наружу или внутрь) или валовъ? Нѣтъ-ли впереди боковыхъ валовъ насыпи, защищающей входъ въ промежутокъ? г. Соприкасаются-ли боковые валы съ главнымъ? д. Если главный валъ мало осыпался, то измѣрить окружность дна центральной ямы! Нѣтъ-ли въ ней самой въ свою очередь ямъ или насыпей (могилъ и пр.)? е. Если городище очень осунулось или заорано, то высоты какъ главнаго вала, такъ и боковыхъ измѣряются на глазъ; если-же оно довольно цѣльно, то высота главнаго вала измѣряется какъ извнѣ, такъ п. внутри на самомъ возвышенномъ пунктѣ посредствомъ ватерпаса!

8) Если городокъ сохранился не вполнѣ или не совсѣмъ разрушенъ, то не сохранилось-ли извѣстій когда это наступило и что представляютъ собою сохранившіяся его части?

9) Нѣтъ-ли *преданій въ народѣ* о томъ, зачѣмъ сооружены были городища; также интересно имѣть указатель *находокъ вещей* на городищахъ и знать о раскопкахъ, причемъ если находки уцѣляли, то гдѣ и у кого находятся?

10) Имѣются-ли въ данной мѣстности земляныя насыпи значительнаго линейнаго протяженія, называемыя *валами*; каковы ихъ вышины, ширина и длина; территорія памятника (гдѣ исходный пунктъ такого вала, по какому направленію и на пространствѣ сколькихъ верстъ (или саженей) намѣчается его протяженіе, каково отношеніе его направленія къ странамъ горизонта). Какія особенности въ конструкціи насыпи (по матеріалу и по структурѣ). Есть-ли слѣды рва и съ какой стороны вала. Имѣются-ли проходы или перерывы линіи вала. Нѣтъ-ли вблизи вала курганныхъ насыпей, гдѣ и какихъ. Нѣтъ-ли по сосѣдству другихъ подобныхъ валовъ, ихъ подроб. описаніе съ указаніемъ топографическихъ отношеній къ первому валу и т. п. ¹⁴⁰⁾.

Заканчивая приведенной программой нашу инструктивную замѣтку «по вопросу объ изслѣдованіи земляныхъ насыпей южной Россіи», составленную и опубликованную въ мѣстной печати ради интересовъ предстоящаго VI-го арх. съѣзда, считаемъ долгомъ нашимъ напомнить еще разъ лицамъ, интересующимся будущностью русской археологіи и желающимъ оказать положительное ей содѣйствіе, что *большинство*

¹⁴⁰⁾ При изслѣдованіи городищъ валовъ и др. сооружений древности стратегич. характера полезно имѣть пособіемъ недавно появившійся трудъ *A. de Rochas d'Aiglun* «Principes de la fortification antique. Précis des connaissances techniques, nécessaires aux archéologues pour explorer les ruines des anciennes forteresses (Paris 1881) и др.

проблемъ русской курганографіи рѣшено быть можетъ лишь на почвѣ картографической обработки ея данныхъ, слѣдовательно самый страстный и первый на очереди къ осуществленію *дезидератъ науки — составленіе археологической карты Россіи вообще и ея земляныхъ насыпей въ частности по примѣру существующихъ уже подобныхъ трудовъ* (не говоря ужъ о Германо-романск. мірѣ, — дажѣ) у родственн. намъ западныхъ славянъ¹⁴¹⁾. Въ виду

¹⁴¹⁾ Первая идея объ археологич. картахъ возникла въ средѣ Археол. Отдѣла Краковск. Учен. Общ.—ва по инициативѣ г-на А. Пржездецкаго, сдѣлавшаго докладъ трудовъ спеціальной по этому вопросу Комиссіи на междунар. конгрессѣ Антропологіи и доисторич. Археологіи въ Болоньѣ (въ 1871 г.). Принятый конгрессомъ въ принципѣ, прозвѣтъ съ теченіемъ времени началъ приводится въ исполненіе археологами разныхъ странъ: археол. карта Велик.-Польши дважды обработана *Zeuthler'омъ* и *Schwartz'омъ* (изд. на нѣмецк. Material. z. prähistor. Karte v. Posen — въ Zeitschr. f. Ethn. T. VII. 1875.) окончат. обработана и расширена *F. Biedrzycki'имъ*. Выѣстъ съ тѣмъ по поруч. Краков. Академіи Н. составленъ списокъ раскопокъ и находокъ въ Велик.-Польшѣ извѣст. археологомъ *Н. Садовскимъ*. Дальнѣйшая областная разработка археологич. картографіи Польши, ведется мѣстными учен. общ.—ми (напр. Познанскаго Towarz. przyjaciel Nauk и др.). Нѣмецкое Антроп. Об.—во еще съ 1871. подѣ завѣдыв. *Оск. Фрааса* стало разрабатывать «prähistor. Karte Deutschlands»; Австрія — имѣетъ подоб. карту составлен. *Dr. М. Мич'омъ*, Болгарія — *Канитцумъ* (предс. на Антр. выст. въ Москвѣ). Швейцарія — *Keller'омъ* (Archäolog. Karte der Ostschweiz. Zürich 1874.) Француз. археологъ *Ern. Chantre* состав. арх. карту бас. Роны и предложилъ на Стокгольм. съѣздѣ (1874.) прозвѣтъ однообразной междунар. легенды (знаковаго обозначенія древностей) археол. карты (Projet d'une légende internationale pour les cartes archéologiques préhistoriques. L. 1874. отзывъ о которой и теорет.

этого мы позволили себѣ въ «приложеніяхъ» къ настоящ. труду помѣстить какъ (далеко неполный) указатель территоріи кургановъ нѣкоторыхъ мѣстностей степной Россіи, заимствованный изъ матеріаловъ, собран. Мочульскимъ (Изв. Об. Моск. Ест. т. XX, Тр. Антр. Отд. к. 2. в. 1-й), такъ и списокъ вопросовъ по рус. курганографіи, поставленныхъ на 6 русскихъ археолог. съѣздахъ,—не менѣе потребный для научной оріентировки при дальнѣйшей разработкѣ науки, особенно для лицъ, не имѣвшихъ случая присутствовать на нашихъ

подробности по самому вопросу читатель встрѣтитъ въ XX т. Изв. Моск. Общ. Ест. Тр. Антр. Отд. к. 2 в. I. 71. — проф. *Анучина*). У насъ въ Россіи вопросъ объ археол. картахъ былъ поднятъ еще раньше Пржездецкаго,—на I Арх. съѣздѣ въ Москвѣ (1869 г.) *II. Муромцевымъ* («составленіе арх. картъ, чертежей и т. п. между проч. такой карты, на котор. были бы обозначены лишь мѣста битвъ съ указаніемъ: когда и съ кѣмъ онѣ происходили, а также раскопокъ если такіе были произведены? Тр. I Арх. съѣзда т. I. 114—23), — хотя еще *Савельевъ* въ своей «Мухомед. нумизматикѣ (Спб. 1846 г.)» предложилъ карту владовъ (правда только монетъ и повѣйшихъ.). Дальнѣйшее движеніе вопроса пошло у насъ однако медленно, несмотря на поднимавшіеся не разъ на археол. съѣздахъ вопросы:

1-мъ (Москва). Какъ составлять курганныя карты? Нужно-ли обозначать на нихъ всѣ типы кургановъ?

3-мъ (Кіевъ). Составить карту Кіевского княжества съ обозначеніемъ Кургановъ, валовъ, городищъ, древ. урочищъ, а также и населенныхъ мѣстъ, упоминаемыхъ въ русскихъ лѣтописяхъ.

5-мъ (Тифлисъ). Топографія Мцхетскихъ могилищниковъ и ихъ раскопки

Археологическая карта Кавказа по печатнымъ даннымъ, и сборникъ географическихъ названий, съ объясненіемъ ихъ.

съѣздахъ. Этимъ пока и должны были мы удовлетворить желанія наши содѣйствовать цѣлямъ русской археологіи и VI-го съѣзда въ Одессѣ, не успѣвъ по независящимъ отъ насъ обстоятельствамъ предложить печатно изготовленные къ съѣзду инструктивные пособія по «древностямъ первобытнымъ» и этнической антропологіи. Въ заключеніе всего остается составителю настоящей замѣтки просить читателя ея великодушно извинить намъ за всѣ несовершенства этой послѣдней.

Одесса, 1884 г.

А. Матѣевъ.

6-мъ (Одесса). Карта развалинъ, нынѣ находящихся на черноморскомъ побережьи.

Нанести на особую карту мѣстности Южной Россіи, гдѣ были находимы древности (надписи, монеты и пр.).

Желательно было-бы нанести на карту всѣ изслѣдованные до сихъ поръ курганы южной Россіи, которые могутъ быть приурочены къ различнымъ славянскимъ племенамъ, — также всѣ курганы, въ которыхъ были найдены предметы скифской эпохи, а равно всѣ тѣ, которые нѣтъ основаній относить ни къ одной изъ означенныхъ категорій,—при чемъ было бы полезно отнѣтити особо курганы со слѣдами трупосожженія и обозначить различные типы кургановъ особыми знаками.

Доселѣ извѣстно намъ о составл. *А. С. Гацинскимъ* Бурган. карты Нижегород. губ. *М. А. Сабининымъ* — Кургановъ Московской губерніи (объяснит. списокъ къ которой — въ «Антр. Выст.» т. 3. ч. I в. 2. 185—8), *Зейдлицемъ* — древностей Кавказа—всѣ, кажется, доселѣ неизданныя (?) (должно упомянуть еще о собраніи матеріала для Курганной карты Кіевской земли, изготовленной къ III съѣзду и—5 губерній Кіев. Учебн. Округа, изготовляемой, какъ мы слышали, кіевск. археологами къ нашему VI-му). Между проч. онытъ археол. карты восточ. Евразы имѣется у *А. Коппа* (Material z. Vorgesch. etc. т. 2) съ примѣрами археолог. знаковъ, принятыхъ на междунар. конгрессѣ въ Пештѣ и др.

Материалы къ археологической картѣ южной Россіи.

(Краткій списокъ кургановъ Новороссіи и по Дону по Мочульскому и др).

По тракту отъ г. Харькова до Берислава:

Въ **Полтавск. губ.** у с. Перещипино (140 вер. отъ Харьк.) 2 кург. — **Екатери́н губ.** — у Новомосковска 1 к.; у с. Подгороды — 7 к.; у д. Волоско-Хуторская — 4 к.; у д. Бонцеровской — 7 к.; у д. Краснокутской 17 к.; у д. Бузиноватской — 6 к.; у г. Никополя — 24 к.; у станицы Базалукской 30 кург. въ одной группѣ (а въ 14 вер. на степи — 1 кург. въ друг. групп.), — **Херсонск губ.** — у дер. Ново-Воронцовки 9 к.; у д. Гавриловской 22 к.; у д. Масловой 6 к.; по пути до Берислава (30 вер.) 23 к. (9 к. въ 5 вер. передъ Берислав.).

По тракту отъ Харькова въ Ростов:

Въ **Харьков. губ.** Отъ Харькова до Рогани 8 к.; Рогани-Чугуева 2 к.; Чугуева-Малинова 5 к.; — до Волохова Яра 6 к.; — до Тепляни 21 к.; — до Изюма 56 к.; — до Голой долины 22 к.; — до г. Славянска 11 к.; — до Копанки 28 к. — Въ **Екатери́н. губ.**: отъ Копанки до г. Бахмута 14 к.; — до Луганскаго 23 к. (м. пр. на 3-й вер. 5 к., на 11-й в. 4 к., на 22-й вер. 3 к.); — до Червухиной 33 к.; — до Ивановска 17 к.; въ **Зем. В. Донск.**: отъ Ивановскаго до Есауловской стан. 20

кург. (между 11-й и 12 вер. на высок. бугръ 1 к.); — до Колодезной 9 к.; — до Пришибинской 9 к.; — до Бабинской 26 к.; — до Чалтырской 22 к. (у Чалтыр. по 3 и по 4 вмѣстѣ); — до Ростова 17 к. (на 5-й вер. отъ Чалт. 6 к. вмѣстѣ, у Рост. 2 кург.).

По тракту отъ Хорола до Екатери́нославля.

Въ **Полтавск. губ.**: отъ Хорола до Семеновки 3 к.; — до Жуковъ 1 к.; — до Рублевки 19 к.; — до Кременчуга 11 к.; — до Омельника Колябердянского 6 кург.; въ **Екатери́н. губ.** отъ Омельника до Ка-лужинской 20 к. (на 21-й в. 5 к. вмѣстѣ); — до Верхнедѣпровска 6 к. (5 к. у В.-Дѣпров.); — до Романкова 18 к. (на 4-й в. огром. кург. наз. «рублена могила» съ боков. присыпками; — не сторожевое-ли городище?); — до Карнауховской 28 к. (на 5-й в. 5 к., на 8-й в. 6 к. вм.); — до Екатери́нославля 28 кург. (почти все въблизи Карнаухов.).

По тракту отъ Новомосковска до Бахмути.

Екатери́н. губ. Отъ Новомосковска до Коробановки 14 к. (на 15-й в. 3 к., на 18-й и 19-й по 4 к.); — до Павлограда 15 к. (на 3-й в. 2 к.); — до Дмитріевки

16 к.) на 11-й и 19-й в. по 3 к.); — до Петропавловска 6 кург. (на 2-й в.), до Славянска 21 к. (на 4-й в. 5 и на 5-й 2 к.); до Гришиной 14 к. (на 10 и на 23-й в. по 5 к.); — до Марченковой 8 к. (на 10-й в. 4 к.); — до Тарецкой 43 к.; — до г. Бахмута 17 к. (на 6, 7, 9 и 11-й в. по 3 кург. и на 18-й в. 2 кург.). Кроме этих еще в Екатерин. губ., Бахмутск. уезда, около с. Сонцовки на р. Волчей — 7 к.; изъ нихъ: насыпь въ 200 сажень (близъ вр. въ изгибъ рѣки стояла камен. баба) и два к., по раскопкѣ въ нихъ найдены глинян. горшки съ пепломъ; въ одномъ горшокъ стоялъ подъ камен. плитою. Въ д. Богоявленкѣ 4 к.; по бокамъ справа и слѣва небольшіе курганы. Въ той-же губ. (въ бывш. IX округѣ военныхъ поселеній) между рр. Ингуломъ и Ингульцемъ находятся: въ верховьяхъ Ингульца около пос. Кривой Рогъ 30 к.; около пос. Широкаго 9 к.; пос. Ново-Курское и Шестерня 16 к.; — с. Устиновки 10 к. — с. Березовки 16 к.; Нов. Буга 17 к.; — с. Привольнаго по р. Ингулу 49 к.; — с. Казанки и Николаевки 4 к.; — с. Полтавки 26 к.; — с. Малѣвки 5 к.; — с. Владимировки 32.

Въ **Херсонской г.** — (бывш. X-й округѣ воен. поселеній) по лѣв. бер. р. Буга: между Вознесенскомъ и Александровой 10 к.; по лѣв. бер. рѣки Мертвая Вода 14 к. Между сс. Сербуловкой, Солоной и Щербонной по прав. бер. р. Солоной 30 к.; по лѣв. бер. Солоной ок. Дымовки 28 к.; въ углу, образуемъ впаденіемъ Солоной въ Бугъ, въ районѣ сс. Раково, Ново-Григорьевское, Арнаутка, Вѣлоусовка, Михайловка и Троицкое 68 к.; въ углу, образуемомъ впаденіемъ р. Сухой-Вланецъ въ Бугъ 24 кург.; по лѣв. бер. Буга и лѣв.-же берегу Сухого-Вланца до границъ XI округа 29 к. Въ XI-мъ округѣ, по лѣв. бер. Ингула, между сс. Ингулкой и Пересадовкой 12 к. По лѣв. бер. Буга, между сел.: Благодатнымъ, Семеновкой, Константиновкой, Александровкой, Арбузнаки и Сергѣевкой 74 к. Въ XII-мъ, по рѣкѣ Кодымѣ, между сс. Кривое-Озеро, Сирowo,

Коморово и Брадѣвка 24 к.; около Ольвѣополя по р. Сиглазъ, на сѣверѣ до с. Добрынки 19 к.; ок. Лысой горы 11 к.; — Песчаного брода 23 к.

Въ **Таврической г.** кургановъ не мало, особливо въ нѣкот. мѣстност., такъ напр. въ районѣ лишь гг. Керчи, Еникале и мыса Павловскаго г. Мочульскій насчитываетъ 110 к-въ (а на противоположной сторонѣ Керчен. пролива на простр. отъ Таманск. залива до Темрюкского лимана — 65 к., расположенныхъ б. ч. группами по 3, 4 и даже 10). Бѣ сожал. курганы въ др. мѣстахъ губ. намъ лично мало извѣстны (въ Феодос. у близъ деревень: Минь, Байтуръ-канъ-Биркъ въ степи, нѣск. к-въ; у д. Байтурганъ — большой к-въ, видим. за 12 в. разстоянія и др.).

По направленію отъ Азовскаго моря въ **Екатерин. г. и Землю В. Донскаго** находятся к-ны: отъ Елизаветовки до уроч. Кугайска, по дорогѣ въ Ростовъ до 60 к. По зап. бер. Азовскаго м. меж. низовьями Міуса и Балмѣуса до 15 к. Меж. Міусомъ и р. Крымской, отъ слоб. Зуевки до Голодаевки до 120 к. По дорогѣ отъ Таганрога въ Бахмутъ, между Міусомъ и Каменкой до 30 к. и по бер. Азовскаго м. отъ Таганрога къ Недвиговкѣ отъ устья Мокраго Самбака 9 к. За Каменкой меж. слоб. Синявской и Недвиговкой къ с. в. отъ Синявки групп. въ 10 к. За Недвиговкой отъ Каменной балки до Сухаго Чалтыря 13 к. Затѣмъ рядъ к-въ по дорогѣ отъ Ростова имен. отъ Аксайской стан. въ Новочеркасск; отъ Новочеркасса 4 многочисл. группы к-въ къ р. Аксаю; на лѣв. бер. Дона, меж. рр. Саломъ и Манычемъ въ низовьяхъ небольш. группами 40 к.; по дорогѣ изъ Аксая въ Ставрополь по лѣв. стор. дороги до Егорлыцкой станціи до 15 к. По Аксайской дор. направо до Егорлыка, Желтоношкина и Большаго Лопатина нѣск. мелк. группъ, до 100 к-въ. На сѣв. отъ Новочеркасса, меж. Николаевскимъ, Дарьевской на Грушевку до Раздорской стан. нѣск. мелк. группъ, — всего

ок. 100 к. По р. Салу отъ Ильинскаго поста до Верхней Серебрянки до 50 к. На сѣв. отъ Дарьевки, въ углу, образуем. прав. бер. Каменки и прав. бер. Донца до р. Кундручи и по обоимъ берегамъ ея мелк. групп. 250 к., кр. сливаются съ группами к-въ около Дарьевки и Раздорной стан. По лѣв. бер. Донца, отъ каменнаго устья по низовьямъ рѣкъ Глубокой, Митякина колодезя, Дергула и верховьямъ Калитры, къ гран. Харьковской губ. тянутся два ряда к. больш. группами: 1-й рядъ отъ Иранской стан. до р. Дергула примыкаетъ прямо къ гран. Харьковской губ. и сост. изъ 30 к.; 2-й рядъ отъ слободы Каменской по рѣчкѣ Глубокой до верховьевъ Калитвы и до Манькова состоитъ изъ 60 кург. На в. и с.-в. отъ р. Глубокой, по р. Калитвѣ, Ольховцу, Мечетной и Березовой, въ Районѣ сл. Дегтевой, по Калитвѣ, Магшеевской, Верхне-Ольховской и Нижне-Ольховской по Ольховцу до 80 к-въ. По Мечетной и Березовой—всего 30 к. Въ районѣ Калитвы и Быстрой; по Калитвѣ между Большинской сл. 48 к. По Быстрой отъ Скалурской станицы до устья 39 к. Затѣмъ еще къ в. по р. Чирю и по приток. разсыпано всего 31 к.: За р. Чиромъ на в., въ углу, образуем. впад. Чира въ Донъ разсып. группы кург. въ пред. Распопинской стан. 20 кург.; въ низ. Чира, по прав. бер. Дона, меж. станиц. Гулубинской, Пятизбьянской, Нижне-Чирской, Кобылянской и Потемкинской, разсыпано нѣск. мелк. группъ, — всего 150 к., изъ кр. нѣкотор. имѣютъ свои названія, напр.: *Симоновъ*, *Сиротининъ*, *Поляный* и т. п. За Чиромъ, на с. и с.-в. въ углу, образуем. впад. Хопра въ Донъ, между станиц.: Усть-Бузулукской, Казанской и Ветенской 38 к. Далѣе, по рр. Хопру и Медвѣдицѣ курганы уже встрѣчаются гораздо рѣже, именно въ предѣл. Усть—Хоперской станицы разсып. только 11 к. Около Федосѣвской станицы по Хопру же только 7 к. Въ верх. рѣки Кумылги 30 к., за Мартыновской станиц., на прав. бер. Бузулука 7 к. Въ верх. Бузулука 14 к. По р. Мед-

вѣдицѣ, меж. станицами: Глазуновской, Кумылженской и Арчединской 5 к. Вверхъ по Медвѣдицѣ, въ углу, образ. устьемъ р. Арчеды ок. станицы Гуляевой 10 к. Еще выше Медвѣдицы, около Раздорской ст. и Орловской, 9 к. Въ этомъ же направленіи, внизъ по Дону отъ Потемкинской ст. меж. станиц. Нижне Круто-Ярской и Наговской 3 к. Далѣе по рѣкѣ Салу прот. впад. въ нее р. Большаго Гатуна по прав. бер. Сала, между сл. Ильинской и Нижне-Жировымъ нѣсколько группъ кургановъ, всего до 100 кург. Далѣе спускаясь къ Ю. до большаго Лимана, по верхнимъ притокамъ большаго Гатуна и по р. Волочайкѣ въ 6-ти группахъ насчитывается до 40 к. За Медвѣдицкой къ в. по р. Иловѣ около Ильинской станицы 11'к.

Изъ (означенныхъ выше) кургановъ на Дону замѣчательны по своей величинѣ и народному преданію: при Багаевской станицѣ въ урочищѣ Федуловы хутора *Малибашъ* к.; курганы противъ Александр. и Аксайской ст. по сю сторону Дона, послѣдній назыв. *Гирева могила* или Аксайскій к.; к. въ Новочеркаскѣ во дворѣ Платова (нынѣ Ефремова) близъ собора; *Могила два брата*, противъ Старо-Черкасской ст. по ту сторону Дона; *Сауръ могила*, въ Миускомъ округѣ; *Грибоватая мог.*, въ Миускомъ округѣ между слободъ Дьяковой и Ревенками. *Грошовый к.* около Старо Черкаса; *Османъ к.* противъ Манычской станицы. *Мечеть к.* гдѣ будто-бы была когда-то мечеть; *Шубинскій к.* въ 10 верстахъ отъ Новочеркаска; к. *двойной* или *скаковой* въ 4-хъ верстахъ отъ Ново-Черкаска; к. *Стога* высотой до 160 фут. въ 7-ми верст. отъ Казанской стан. Усть-Медвѣдецкаго округа на правой сторонѣ по теченію Дона. Близъ Вешенской ст. на лѣвой сторонѣ Дона въ 25-ти вер. отъ него *Зяблый*, замѣчательный по своей величинѣ. Близъ Крутоярской ст. на лѣвой сторонѣ Дона *Носаевъ к.*; близъ Манычской стан. на лѣв. сторонѣ Дона *Кляжой к.*; близъ гор. Новочеркаска *Хотлача к.* (нынѣ разр.); близъ Михайловской ст.

Бабій к., на которомъ стояла каменная баба; между рѣчкой Тишанею и хутор. Суховскимъ *Высокій к.*; не вдалекѣ отъ хутор. Дондукова *Кашовъ к.*; противъ хут. Шарошкина. въ 3 верстахъ отъ рѣки Ку-мычи *Калмыцкій к.*; на правой сторонѣ рѣки Сала въ 5 вер. отъ слободы Ильинки *Абраимовъ к.*

Въ *Харьковской г.* (*бывшихъ воен-ныхъ поселеніяхъ*). Въ первыхъ четырехъ округахъ, ближайшихъ къ Землѣ Войска-Донскаго, располож. между рѣч. Донцомъ, Жеребцомъ, Бобровой и Айдаромъ, показ. слѣд.: Въ 1-мъ окр. по рѣкѣ Красной и ея притокамъ 120 кург. Во 2-мъ округѣ между Донцомъ и Жеребцомъ 60 к.; между Жеребцомъ и Красной 98 к.; по лѣв. бер. Красной и по рѣч. Мечетной 78 к. Въ 3-мъ окр.: по рѣч. Боровой, по прав. бер. Айдара, въ углу образуем. р. Шульгою 44 кург. Въ 4-мъ окр.: по прав. бер. Айдара отъ Булашновки до Павленкова 69 кург.,

по лѣв. бер. Айдара и по лѣв. бер. рѣч. Каменки 86 к. Въ углу образуем. впаде-ніемъ Каменки въ Айдаръ по прав. бер. Каменки и по лѣв. Айдара отъ Мышинкова 106 к. Во вторыхъ четырехъ округахъ и пятомъ округѣ на прав. бер. Донца 10 к. и на лѣв. возлѣ рѣч. Булака, и по обо-имъ берег. послѣдней 60 к.; въ шестомъ округѣ по лѣв. бер. Донца по дорогѣ въ г. Изюмъ 48 к.; по прав. бер. Донца 25 к.; въ седьмомъ округѣ меж. рѣч. Лазовской и Сѣвернымъ Донцомъ въ южн. полов. округа 42 к., а на сѣверъ отъ Сѣверн. Донца 76 кург. Въ *Харьк. г.* же к-ны ок. укрѣпленія Слико Петровской; тоже около Слико-Михайловской. Курганы около села Волчяго; двѣ насыпи около Старо-Смир-скаго лѣса близъ г. Чугуева, начиная отъ укрѣпленія с. Михайловскаго, по лѣв. сто-ронѣ рѣки Береки валъ съ курганами и укрѣпленіями, не въ далекомъ разстояніи одинъ отъ другаго, до самаго Дона и др.

Примѣчаніе: всѣ эти данныя конечно провѣрены еще на мѣстѣ.

далеки отъ дѣйствительности и должны быть

Приложеніе 2-е.

Вопросы по русской курганогрѣфіи, поставленные въ программахъ 6 археолог. съѣздовъ русскихъ.

Первый съѣздъ (въ Москвѣ).

Въ изслѣдованныхъ на пространствахъ между нижними теченіями Днѣпра и Дона могилахъ, какія представляются различія относительно способа ихъ устройства и образа погребенія въ нихъ умершихъ (по-вторенъ на второмъ съѣздѣ)?

Въ какихъ могилахъ между нижними теченіями Днѣпра и Дона были находимы орудія и оружія каменные или костяные

при совершенномъ отсутствіи слѣдовъ пред-метовъ металлическихъ? Какого устройства были эти могилы и въ какихъ изъ нихъ были найдены умершіе погребенными, и въ какихъ слѣды сожженія труповъ?

Въ какихъ мѣстностяхъ Россіи, какъ Европейской, такъ и Азіатской, въ древ-нихъ могилахъ были находимы слѣды сож-женія труповъ, въ которыхъ покойники погребались? Какія данныя представляютъ могилы того и другаго рода для прибли-

зительнаго опредѣленія эпохъ, къ которымъ онѣ относятся (повторень на второмъ сѣздѣ)?

Между могилами западной Сибири встрѣчались ли такія, кои содержали бы въ себѣ орудія и оружія (а не одни украшения одежды или части лошадиной сбруи), сдѣланныя исключительно изъ мѣди или сплава этого металла съ другими (повторень на второмъ сѣздѣ)?

Имѣютъ ли курганы славянскихъ племенъ особыя отличительныя признаки? Какимъ образомъ различаются эти курганы отъ кургановъ норманскихъ? Въ какихъ мѣстностяхъ находимы были норманскія могилы? Курганы какихъ мѣстностей Россіи болѣе всего сходны съ курганами Даніи и Скандинавіи? Какъ опредѣлить хронологію курганныхъ насыпей и по какимъ признакамъ можно узнать время, къ которому эти насыпи принадлежатъ?

Имѣютъ ли значеніе для опредѣленія вѣка славянскихъ могилъ ихъ форма и способъ сооруженія? Не существуетъ ли болѣе сходство съ вещами, находимыми въ славянскихъ могилахъ позднѣйшаго языческаго періода и позднѣйшихъ христіанскихъ временъ?

Гдѣ оканчиваются могила съ греческими и скифскими вещами, и гдѣ начинаютъ встрѣчаться могилы съ древностями другаго рода, какъ бронзовыми, такъ и желѣзными? Опредѣлить, которые изъ этихъ вещей могутъ служить признакомъ славянскаго происхожденія могилъ?

Встрѣчаются ли орудія и оружія, каменные и мѣдныя (или сдѣланныя изъ сплава мѣди съ другими металлами), въ сѣверной половинѣ европейской Россіи вмѣстѣ съ орудіями и оружіями желѣзными, и сходны ли сіи послѣдніе по своей формѣ и техническимъ свойствамъ съ подобными желѣзными предметами, находимыми въ могилахъ, которыя, по отысканнымъ въ нихъ монетамъ, могутъ быть относимы къ IX—XII вѣкамъ по Р. Х.?

Формы желѣзныхъ мечей и кинжаловъ, а также мѣдныхъ сосудовъ, находимыхъ

въ могилахъ, раскрытыхъ между нижними теченіями Днѣпра и Дона, повторяются ли въ находкахъ, которыя отыскавы въ болѣе сѣверныхъ мѣстностяхъ, напримѣръ, въ Кіевской или одной изъ приволжскихъ или приуральскихъ губерній, или наконецъ въ западной Сибири?

Различныя формы гробницъ, открытыхъ въ южной Россіи.

Обзоръ предметовъ, найденныхъ въ томъ или другомъ изъ главнѣйшихъ кургановъ временъ классическихъ, разрытыхъ въ южной Россіи. Объясненіе той связи, въ которой находятся эти предметы между собою.

Второй сѣздъ (въ Петербургѣ).

Могутъ ли нѣкоторыя вещи, находимыя въ могилахъ кургановъ, служить отличительными признаками того племени, которое воздвигало эти курганы? Какія археологическія изслѣдованія отчасти уже указали на границы между племенами, обитавшими на Руси?

Какая связь существуетъ между могилами, встрѣчаемыми по Вислѣ, и такъ называемыми германскими могилами въ Мекленбургѣ и Помераніи? Какія можно привести доказательства, что сказанныя могилы принадлежатъ не германцамъ, а славянамъ?

Какое постепенное развитіе искусства можно опредѣлять на урнахъ въ гробницахъ Полабскихъ Славянъ, и къ какимъ эпохамъ слѣдуетъ отнести развитіе искусства?

До какихъ предѣловъ на сѣверѣ простираются курганы съ неоспоримыми слѣдами греческихъ или скифскихъ могилъ?

Къ какой народности могутъ быть отнесены курганы съ кострищами, находящіеся у г. Чернигова?

Третій сѣздъ (въ Кіевѣ).

Какіе признаки должны входить въ опи-

саніе внѣшнихъ формъ древнихъ земляныхъ насыпей?

О курганахъ, встрѣчающихся на побережьяхъ рѣкъ южной Россіи. Собрать свѣдѣнія о раскопкахъ и находкахъ въ курганахъ и городищахъ Черниговской губерніи?

По какимъ правиламъ слѣдуетъ производить раскопки кургановъ и городищъ?

Какъ слѣдуетъ математически описывать находки въ древнихъ земляныхъ насыпяхъ?

Четвертый свѣздъ (въ Казани).

О первобытныхъ древностяхъ Печерскаго Края.

Свѣдѣнія о *курганахъ* Ирбитскаго уѣзда Пермской губерніи.

Свѣдѣнія о раскопкахъ въ Піотроковской губерніи.

Къ какому времени можно отнести *могилы* у Мѣхета?

Свѣдѣнія о *курганахъ* Рязанской губерніи.

Какія свѣдѣнія доставляютъ намъ раскопки Сибирскихъ *кургановъ*? Можно ли опредѣлять народность племенъ, воздвигавшихъ ихъ и степень культурнаго развитія этихъ племенъ?

Какому времени и какому народу принадлежатъ *курганы*, въ изобиліи встрѣчающіеся въ Петербургской губерніи?

Составляли ли Понтіійскіе *Скифы*, описанные Геродотомъ, одну народность, или можно между ними намѣтить разныя народности? Въ послѣднемъ случаѣ нѣтъ ли возможности опредѣлять этнографическій составъ скифовъ?

На сколько вѣрно мнѣніе графа Уварова о существенныхъ и второстепенныхъ признакахъ народности *могилъ*?

Янтарныя издѣлія, находимыя въ *курганахъ* въ Россіи, изготовлены ли изъ мѣстнаго русскаго янтара, или только изъ привознаго?

Каковъ характеръ украшеній, встрѣ-

чаемыхъ въ *курганахъ* Чувашъ, Черемисъ, Вотяковъ, Мордвы? Не имѣетъ ли онъ чего общаго съ донныѣ употребляемыми украшениями у этихъ народовъ?

Какія были сдѣланы изслѣдованія по части *кургановъ*, *могилъ* и *городищъ* въ Казанской губерніи?

Что извѣстно о погребальныхъ обычаяхъ Чувашъ, Черемисовъ, Вотяковъ и Мордвы въ *курганный* періодъ, и какіе слѣды этихъ обычаевъ удержались до настоящаго времени?

Пятый свѣздъ (въ Тифлисѣ).

Погребальные обычаи, по раскопкамъ, произведеннымъ въ Осетіи и Кабардѣ.

Древнія *могилы* у Мариенфельда (Сартачалы) и въ Делижанскомъ ущельѣ.

Сравненіе предметовъ древности, находимыхъ въ гробницахъ Кавказа, съ нѣкоторыми предметами древностей, найденными въ *курганахъ* Діѣпровскаго бассейна, и ихъ отношеніе между собою.

Имѣются ли на Кавказѣ древнія постройки, аналогичныя съ Керченскими каменными *гробницами* купольной и пирамидальной.

Откуда шелъ *янтарь*, находимый въ древнихъ *могилахъ* Кавказа.

Какія домашнія животныя существовали, совместно съ человекомъ, въ *курганахъ* южнаго побережья Финскаго залива.

Погребальные обычаи Древлянъ и Тверцевъ, по раскопкамъ доселѣ произведеннымъ.

Шестой свѣздъ (въ Одессѣ).

Графа А. С. Уварова. Доселѣ невозможно опредѣлить, когда начался *бронзовый* періодъ, а потому надо довольствоваться опредѣленіемъ того времени, когда появилось желѣзо; иными словами, когда окончился бронзовый періодъ и начался періодъ желѣза? Въ какомъ хронологическомъ отношеніи находится бронзовый періодъ на азіатскомъ материкѣ съ эпохой

бронзового періода въ Европѣ? Не свя-
занъ-ли обрядъ сожиганія съ первымъ по-
явленіемъ бронзы?

В. Б. Антоновича.—Опредѣленіе *погре-
бальныхъ* типовъ въ *курганахъ*, находя-
щихся въ бассейнѣ Днѣстра и Южнаго
Буга; и отношеніе этихъ типовъ, какъ
къ раскопкамъ, произведеннымъ въ Гали-
ціи, въ бассейнѣ Днѣстра, такъ и къ по-
гребальнымъ типамъ въ курганахъ другихъ
мѣстностей южно-русскаго края.

В. И. Сизова — Характеристическія
черты *погребальныхъ обрядовъ* въ области
Кривичей—на основаніи раскопокъ. Какіе
можно выводы сдѣлать изъ тѣхъ-же рас-
копокъ о культурномъ развитіи жизни.

Графа А. С. Уварова—Отличительные
признаки погребальнаго обряда Муромы и
и въ чемъ состоитъ различіе этого обряда
отъ погребенія у Мери.

Д. Я. Самохвасова.—Разобрать свѣдѣ-
нія объ устройствѣ и содержаніи *могилъ*
доисторической эпохи, открытыхъ въ пре-
дѣлахъ Европейской Россіи и заключавшихъ
въ себѣ (монеты и др.) предметы, *точно*
опредѣляющіе время могилъ.

Ею-же.—Опредѣлять признаки, отли-
чающіе устройство и содержаніе *могилъ*
скифо-сарматской эпохи (до V вѣка по
Р. Х. включительно), съ одной стороны,
и эпохи славянской (съ V по XI в.) съ
другой.

Ею-же.—Собрать свѣдѣнія объ устрой-
и содержаніи могилъ несомнѣнно *скифскихъ*.

Ею-же.—Собрать свѣдѣнія объ устрой-
ствѣ и содержаніи языческихъ могилъ не-
сомнѣнно *славянскихъ*.

Ею-же. Устройство и содержаніе древ-
нихъ могилъ въ Пятигорскомъ округѣ, въ
окрестностяхъ колоніи Константиновки.

Ею-же.— Устройство и содержаніе *ка-
такомбнаго кладбища*, открытаго въ Та-
гаурскомъ ущельи, въ окрестностяхъ аула
Чми.—Вещи (оружіе, обдѣланные рога,
украшенія, найденныя г. Самохвасовымъ
въ курганахъ г. Чернагова («Гульбище»
и «Черная могила») могутъ-ли считаться

туземными издѣліями того времени или
завозными изъ Скандинавіи и Византии?

Какіе типы *сѣбуль* встрѣчаются въ
древнихъ *могилахъ* Европейской Россіи и
Кавказа и можно-ли сдѣлать какіе либо
выводы по отношенію къ ихъ распреде-
ленію по могиламъ различныхъ эпохъ и
мѣстностей?

М. В. Малаховъ. — Обзоръ данныхъ
по металлическому вѣку доисторической
эпохи на Уралѣ, мѣста обитанія и примѣ-
тливные способы добычи металловъ, условія
залеганія, характеристика остатковъ куль-
туры и орнамента на нихъ; идеографиче-
скія начертанія на прибрежныхъ сналахъ,
обрядъ погребенія и содержаніе могилъ.
Распределеніе памятниковъ данной эпохи,
какъ матеріалъ для доисторической карто-
тографіи.

Л. К. Ивановскій. Къ какимъ выводамъ
можно прійти, сравнивая составъ курган-
ныхъ бронзъ различныхъ мѣстностей съ-
верозападной Россіи?

Чѣмъ отличаются погребальныя насыпи
Шелонской пятины Новгородской земли отъ
таковыхъ-же Вотской?

Кромѣ того вопросы, по котор. жела-
тельно получить свѣдѣнія къ сѣзду.

Что можно вывести изъ сравнительнаго
изученія найденныхъ до сихъ поръ въ
курганахъ различныхъ эпохъ и различныхъ
мѣстностей средней и южной Россіи *чере-
повъ*? Можно-ли установить на основаніи
ихъ извѣстные краниологическіе типы и
нельзя-ли прослѣдить распространеніе по-
слѣднихъ и сравнить ихъ съ типами кур-
ганскихъ череповъ?

Желательно было бы нанести на *карту*
всѣ изслѣдованные до сихъ поръ курганы
южной Россіи, которые могутъ быть приу-
рочены къ различнымъ славянскимъ пле-
менамъ, — также всѣ курганы, въ кото-
рыхъ были найдены предметы скифской
эпохи, а равно и всѣ тѣ, которыхъ нѣтъ
основанія относить ни къ одной изъ озна-
ченныхъ категорій, — при чемъ было-бы
полезно отмѣтить особо курганы со слѣ-

дами трупосожженія и обозначить различные типы кургановъ особыми знаками.

Можно-ли принять могилы, обложенныя вертикально стоящими камнями, встрѣчающіяся въ Крыму, на Тамани, на островѣ между Азовскимъ моремъ и лиманомъ Таманскимъ, близъ покинутой деревни Чокракъ-Бой и на Кавказѣ, за киммерійскія

съ Дюбуа (т. V, 47), или за греческія съ Палласомъ (voyage dans les gouvernemens meridionaux, II, p. 368)? Подобныя-же могилы замѣчены Палласомъ близъ Токлука и въ землѣ Черноморскихъ казаковъ (ср. Караулова въ Зап. Одесск. Об. т. VIII, стран. 95; Кеппена Крымск. Сборникъ, стр. 33).

11849

263958

1849

3p

1887

0496

GN
824
.S65.K2
v.3

[illegible]

